

44

— Фонд гражданского развития —

Кушбек Усенбаев

К 09
У745

**НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
СРЕДНЕЙ АЗИИ
В XIX ВЕКЕ**

(По материалам Кыргызстана)

БИШКЕК — ОШ 1998

ББК 63.3 (2)

У — 74

Усенбаев К.

У — 74 НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIX ВЕКЕ (По материалам Южного Кыргызстана) — Бишкек—Ош: Фонд граждан. развития, 1998. — 154 с.

ISBN 9967—505—05—2

В книге сделана попытка по-новому осмыслить народные движения Средней Азии в XIX веке, даются новые материалы о них на основе нового исторического мышления.

Публикуемая работа представляет собой ту рукопись, которая в мае 1983 года на Пленуме ЦК КП Киргизии подвергалась необоснованной критике за то, что в ней утверждалось присоединение Южного Кыргызстана как "завоевание" со стороны царской России, что генерал М.Д. Скобелев был "завоевателем", а Полот хан представлялся как "верный руководитель восстания 1873—76 гг." С учетом потребностей нашей республики, на основе широкой базы архивных, опубликованных источников и литературы, работа дополнена, уточнена и подготовлена к изданию.

Работа рекомендована к изданию
Обществом историков Кыргызской республики

Рецензенты:

Касымбаев Ж. К. — Академик Академии гуманитарных наук Казахстана, д-р ист. наук., профессор;

Плоских В.М. — Академик НАН КР., д-р ист. наук., профессор;

Кененсариев Т. — д-р ист. наук.

Худож. Р. Кожоев, М. Эшматов.

К 0503020000 — 98

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
1998

ББК 63.3 (2)

ISBN 9967 — 505 — 02 — 2

© Усенбаев Кушбек, 1998

© Фонд гражданского развития, 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

Братские народы Средней Азии имеют свои свободолюбивые и революционные традиции. Их история богата фактами героической и самоотверженной борьбы против "своих" и иноземных угнетателей. В упорной и суровой борьбе, длившейся веками, народы Средней Азии отстаивали свои права на жизнь, родную землю, национальную культуру и язык. Это была трудная и неравная борьба. Порой казалось, что эти братские народы не выдержат натиска врагов и погибнут под тяжестью ига внутренних и внешних угнетателей. Но страстная любовь к независимой жизни и свободе помогала им находить новые силы и вновь подниматься на освободительную борьбу.

Историю киргизского и других братских народов Средней Азии можно было бы назвать историей борьбы против иноземных угнетателей. Эти народы, имея много общего в своем историческом развитии и общую судьбу, неоднократно поднимались на борьбу за свою национальную свободу. Еще в глубокой древности их предки вели героическую борьбу против завоевания Александра Македонского, великоханских устремлений и нашествий других внешних врагов. Особенно острый и длительный характер носила освободительная борьба этих народов против иноземных эксплуататоров в средневековый период. Народы Средней Азии веками вели ожесточенную и упорную борьбу против арабских, монгольских завоевателей. Заметным размахом и массовостью отличалась борьба жителей региона против маньчжуро-цинских и джунгарских агрессоров в XVI—XVII веках.

Экспансионистская политика Джунгарии, натравливаемой соседними могущественными империями, являлась прямой угрозой жизненным интересам казахов, киргизов, узбеков и каракалпаков. До образования Джунгарского ханства (1635 г.) нередкие столкновения ойратских войск с войсками тюрко-язычных народов Центральной Азии оканчивались обычно переменными успехами воюющих сторон. Однако с созданием ойратскими феодалами воинственной кочевой державы — Джунгарского ханства, перевес в этой борьбе, не без помощи соседних империй, постепенно переходит на сторону ойратских правителей, которые совершают частые

набеги на территории, населенные тюрко-язычными народами Центральной Азии.

Ценные источники сохранились и в совместной борьбе кыргызов, казахов, узбеков и каракалпаков в начале XVIII в. против джунгарских завоевателей. В частности, в то время казахи и кыргызы предприняли ряд совместных походов против ойротов с целью возвратить утраченные кочевья на границе с Джунгарским ханством.

Однако во втором десятилетии XVIII в. джунгары с новой силой возобновили движения на запад. Правители Джунгарского ханства, убедившись в том, что новый цинский император, вступивший на трон в 1722 г., не намерен продолжать с ними войну, в 1723 г. организовали очередной кровавый поход против казахов, каракалпаков, кыргызов. На этот раз казахи, застигнутые врасплох из-за раздоров между жузами не смогли устоять против их напора. Начались "годы великого бедствия", сохранившиеся в памяти казахского и других тюрко-язычных народов Центральной Азии и запечатленные во многих горестных строфах народного эпоса.

Бедственное положение народных масс положило начало постепенной консолидации тюрко-язычных народов Центральной Азии. В 1728 и 1729 годах объединенные силы всех жузов под верховным командованием Абулхаир-хана нанесли ряд крупных поражений захватчикам и освободили значительную часть территории Казахстана. В этих сражениях совместно с казахским народным ополчением участвовали узбекские, каракалпакские и кыргызские отряды. Однако угроза со стороны джунгарских завоевателей оставалась¹.

Совместная борьба тюрко-язычных народов Центральной Азии против Джунгарских завоевателей продолжалась и после вхождения части казахов Младшего и Среднего жузов в состав России в 30—50-х гг. XVIII в. Посланное в 1732 г. против казахов джунгарское войско потерпело поражение. Однако в 1740 г., после заключения мирного договора между цинским Китаем и Джунгарским ханством, ойроты, нанося ощутимые удары казахам и кыргызам, снова устремились во внутренние районы Центральной Азии, в ча-

¹ Мадуанов С. Взаимоотношения казахов с другими соседними народами Центральной Азии в XVIII—начале XX вв. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. —Алма-Ата, 1997. —С. 6—8.

стности, в Ферганскую долину и Ташкентский оазис, где последующие годы шла ожесточенная борьба казахов, кыргызов и узбеков против натиска Джунгарии. Главными организаторами совместной борьбы были правители городов Ташкента и Коканда: Толебий (Калдыргаш-бий) (1739—1751 гг.) и Абд ал-Керим-бий (1734—1751 гг.). Организацию совместного отпора захватчикам в Фергане в середине XVIII в. можно расценивать как крупный политический успех тюрко-язычных народов Центральной Азии, приведший к сохранению независимости этого региона.

В 1755—1757 гг. разгромленное цинскими войсками Джунгарское ханство прекратило свое существование как самостоятельное государство. С этого момента начался новый этап борьбы народов Центральной Азии за свою независимость, но теперь уже против Цинской империи, выступившей как еще более активная и грозная агрессивная сила¹.

Однако и эта сила была не единственной. Народы Центральной Азии отстаивали свою независимость и в борьбе против нашествия иранского шаха Надира, которая началась еще в 1740 году. Захватчикам было оказано очень сильное сопротивление, в котором совместно с узбеками, туркменами и каракалпаками участвовали и казахи. Киргизский народ, отстаивавший свою свободу и земли, выступал вместе с остальными народами Восточного Тянь-Шаня и Туркестана.

Особо важную роль на первых этапах борьбы играло крупное племя левого крыла киргизов — кушчи, глава которого Калча-бий предводительствовал объединенными киргизско-восточнотуркменскими войсками. Его деятельность и вклад киргизов в борьбу народов Восточного Тянь-Шаня и Восточного Туркестана против ойрто-джунгарских завоевателей явились столь значительными, что, говоря о них спустя полтора столетия, глава кашгарских ходжей писал потомку Калча-бия: "Ваши предки были верными муридами наших предков. Ваш предок Калча-бий был предводителем мусульманских войск, светоча собрания на пути руководства истинной верой... моего великого родственника хазратходжи Хасана... Он (Калча-бий)... преграждал путь боевым мечом этим (ойротам) и истреблял их.... Если вы желаете, —обращался ходжа к могущест-

¹ Мадуанов С. Указанная работа. —С. 6—8.

венному предводителю кушчи в 1750-х годах Кубат (Кувад)-бию, —окажите честь вашим прибытием (к нам) с вашим племенем. Вы прославитесь в этом и в том мире за участие в войне с неверными (ойротами)».

Численность войск у предводителей кушчи, участвовавших в конце XVI—начале XVII вв. в борьбе киргизов с ойротами, была, должна быть, значительной. Например, Сокур-бий кушчи, принимавший участие в политических событиях 1620—1630-х годов в Восточном Туркестане, располагал войском до 7000 чел. Другие бии имели под начальством двух-трехтысячные войска.

После неудачной борьбы 1680-х годов против ойратского хана на Тянь-Шане откочевавшие отсюда киргизские племена продолжали упорное и в ряде мест успешное сопротивление в Восточном Туркестане. Его возглавлял киргиз Арзу-Мухаммед-бек из рода кыпчак, правивший Кашгаром и некоторое время тогдашней столицей Восточного Туркестана, Яркендом.

Борьбу против ойротов не прекращали также киргизы Южного Тянь-Шаня и Ферганы в период наибольшего распространения здесь власти ойротов во второй четверти XVIII в. Киргизы вели войну в союзе с узбеками. В 1732 г. в ней участвовали киргизские племена, населявшие Кетмень-Тюбе и кочевавшие в верховьях Сыр-Дарьи севернее Касана.

Известия о борьбе киргизских племен против ойротов распространялись далеко за пределы Средней Азии вплоть до русских владений в Сибири. В одном из донесений русских отрядов говорилось, что "в 1748 г. калмыки отправили против киргизов значительное войско под начальством зайсана Доржи, которое, однако, было разбито. На другой год весной было послано еще более значительное войско под начальством брата хана, Лама-Доржи, но и это возвратилось с уроном".

Борьба стала принимать особенно широкий размах в последние годы существования ойратского ханства.

В 1754—1755 гг. против ойротов был предпринят крупный поход с участием большого количества киргизов Ферганы и Восточного Туркестана¹.

¹ История Киргизии. Т. I. —Фрунзе, 1963.—С. 259—262.

При разгроме Джунгарского государства в 1757 г. цинская армия с невиданной жестокостью произвела массовое истребление ойротов. После покорения Джунгарского ханства цинские агрессоры вторгаются в Восточный Туркестан с целью его завоевания.

В этой кровопролитной войне были уничтожены сотни тысяч населения Восточного Туркестана. Жестокость цинских властей еще больше усилила ненависть к завоевателям у местного населения и у соседних народов. Казахи и киргизы выступили в поддержку народов Восточного Туркестана. С этого времени цинские правители установили свое господство над Цинь-Цзяном.

Китайская агрессия на этом не ограничилась. Цинское правительство решило распространить свою агрессию и на народы Средней Азии. Свободолюбивые народы Средней Азии начали борьбу против китайских захватчиков.

Вооруженное сопротивление цинам не прекращалось и в Восточном Туркестане. В 1814 и 1816 гг. жители Кашгарского округа под руководством киргизского бия Турдымамыта и уйгурского предводителя Зиянеддина дважды поднимали восстание. По данным китайских источников, кроме уйгуров в этой борьбе большую роль играли и киргизские бии (Суергазы — из племени ямантеит, Юхасыдык — из племени кыпчак, Байболот — из племени чонбагыш). Когда восстание было подавлено, они бежали к тяньшанским киргизам.

Китайские чиновники стремились путем репрессий заставить киргизов прекратить антицинские выступления, что еще больше усиливало недовольство. В августе 1820 г. несколько киргизских племен подняли восстание против цинского господства. Летом 1820 года Джангир со своими приближенными прибыл в кочевья киргизского племени саяк. Он совместно с киргизами стал бороться против господства цинского Китая. В ответ на это цинские власти послали отряд войск в количестве 200 человек в киргизские кочевья. Этот отряд прибыл в кочевья Атантая и Тайлака и предал их огню и мечу, не пощадив ни жен, ни детей. Было истреблено около 100 человек, а имущество и скот были разграблены. После этого с награбленным имуществом и скотом они отправились в обратный путь. В то время Тайлак с Джангиром были в отъезде. Когда были получены сведения о случившемся в кочевьях, Тайлак, собрав своих людей, спешно стал преследовать врага. В одном узком ущелье кирги-

зы окружили цинские войска во главе с генералом Баян-Бату и полностью разгромили их. В антицинскую борьбу все больше стало вовлекаться киргизское население. Но пока это были отдельные очаги борьбы. Только в 1825 г. вспыхнуло мощное восстание против цинского правительства под руководством Джангира.

Джангир победоносно вступил в Кашгар. Вскоре восстало население Яркенда, Янги-Гисара и Хотана. Уничтожив китайские гарнизоны, население этих городов также признало власть Джангира.

И в последующие годы, когда народы Цинь-Цзяна поднимались на борьбу против цинского господства, киргизы опять-таки были самыми активными участниками.

Благодаря упорной борьбе, киргизскому и другим народам Средней Азии удалось отстоять свою национальную независимость и положить конец агрессивным действиям цинских властей.

Общность интересов и судеб нередко объединяла народы Средней Азии в борьбе против внешних завоевателей. Эта традиция сохранилась, укреплялась и развивалась и в XIX столетии, когда народные массы вели борьбу против феодально-ханского гнета и царских эксплуататоров.

Важное значение имеет изучение героического прошлого и свободолюбивых традиций народов Средней Азии, в том числе киргизского народа. Об этом свидетельствуют многие исследования¹. Заслуживает внимания борьба трудящихся Киргизстана против социального и национального гнета в XIX в. В этот период трудовые массы края томились под гнетом баев, мананов и кокандских феодалов в главе с ханом, а с 70-х годов прошлого столетия и царских колонизаторов. Все усиливающийся двойной гнет вызывал недовольство и возмущение трудового населения. Гнев народа часто выливался в открытую борьбу, охватывая не только Кыргызстан, но и в известной степени Узбекистан, особенно Фергану, Таджикистан и Казахстан. Борьба киргизского народа против феодально-ханского гнета находила живой отклик и горячую поддержку со стороны узбекских, таджикских и казахских трудящихся, изнемогавших под невыносимым двойным гнетом. В 70—90 годах прошлого столетия случались совместные восстания киргизских, узбекских и таджикских трудящихся феодально-ханского гнета и

¹ Подробно о них смотрите в списке используемой литературы и источников.

царской власти. Однако эти выступления, несмотря на их актуальность и важное значение в интернациональном и патриотическом воспитании подрастающего поколения, до сего времени остаются малоизученными вопросами. По существу неисследованными оставались выступления кыргызского народа против феодально-ханского гнета в первой половине и середине XIX века, а также участие в них трудящихся узбеков и таджиков. Правда, восстания народов Средней Азии, происходившие в 70—90 годах прошлого столетия, нашли определенное отражение в некоторых вышедших работах, на которые мы ссылались на предыдущей странице. Однако в них не обращено должное внимание на совместность выступлений кыргызского, узбекского и таджикского народов и недостаточно показана общность борьбы этих народов против феодально-ханского гнета, эксплуатации царской власти. Да и сам ход, характер этих восстаний не получил достаточно полного освещения. Более того, имеется значительное расхождение в оценке указанных восстаний.

Поэтому автор ставил перед собой задачу осветить борьбу кыргызского народа против феодально-ханского гнета и царских колонизаторов в XIX в. Одну из важных задач мы видим в том, чтобы по силе возможности шире и полнее показать участие в этой борьбе трудящихся узбеков, таджиков и казахов, а также выявить общность их целей и совместное участие в выступлениях против эксплуататоров. Считаем своим долгом обратить внимание на начало проникновения революционных идей в Среднюю Азию, в том числе Киргизию, в конце прошлого столетия. Эти идеи, словно прожектор, пробивали себе путь сквозь мрак и тьму, постепенно, но уверенно побуждая коренное трудовое население на более решительную борьбу за национальную свободу.

В основу настоящего исследования легли официальные документы, хранящиеся в архивах страны и некоторые рукописные источники и фольклорные материалы, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Большую часть архивных документов составляют официальные документы (рапорты, донесения, отчеты, письма, телеграммы, личная переписка, дневники, докладные и т.п.), исходящие от царских чиновников—начальников карательных отрядов и уездов, военных губернаторов областей, генерал-губернаторов и других высокопоставленных лиц. Вопреки

своей воле и желанию, они оставили немало фактических материалов, представляющих определенный научный интерес. Без них невозможно описать ход народных выступлений, выявить причины поражения и специфические особенности. Эти документы хранятся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Ташкента, Алматы, Омска и Бишкека. Однако они зачастую содержат довольно противоречивые, а иногда взаимоисключающие сведения, в них оправдывается и идеализируется колониальная политика царизма, сглаживаются социальные противоречия, а народные выступления характеризуются как бунт не имеющий социально-экономической и политической почвы, искажаются действительные факты. Поэтому к ним следует относиться критически и сопоставлять их с другими материалами, и тем самым выявить истину.

Нами использованы также литературные источники, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме. Они тоже нуждаются в критическом отношении к ним. Ибо литература проходила через царскую цензуру и преследовала определенные цели, связанные с интересами власти.

Нет необходимости подробно характеризовать использованные источники, так как они указываются в подстрочном научно-справочном аппарате.

Монография рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся прошлым Кыргызстана.

ГЛАВА I

Выступления трудящихся края против феодально-ханского гнета в первой половине и середине XIX века¹

Усиливающийся социальный и национальный гнет, произвол и насилие местных феодалов и кокандских эксплуататоров, бесправное и униженное положение трудящихся, разорительные междоусобицы и кровавая борьба за ханский престол доводили народные массы до уровня нищеты и уносили тысячи человеческих жизней. Все это переполнило чашу народного терпения и подняло трудящихся на борьбу против угнетателей за право на существование, за социальную и национальную независимость².

Общность исторической судьбы и социальных интересов киргизских, узбекских, таджикских и казахских трудящихся, томившихся под невыносимым гнетом кокандских феодалов во главе с ханом, способствовала их совместному выступлению против деспотической ханской власти. Несмотря на политику кокандских властителей и местных феодалов, направленную на разжигание национальной вражды между братскими народами, трудящиеся массы нередко объединялись для общей борьбы и выступали плечом к плечу, рука об руку против ненавистных ханов и чиновников. Часто к киргизским трудовым массам, поднявшимся на борьбу против

¹ При чтении данной работы следует иметь в виду тематическую целенаправленность книги, в соответствии с которой автор освещает наиболее подробно борьбу, которую вел киргизский народ против социального и национального гнета и которая, разумеется, неотделима от общего хода этой борьбы, ведшейся всеми народами Средней Азии и Казахстана. Это и учитывалось автором, не претендовавшим в то же время на детальное освещение вопроса в рамках всего региона.

² О двойном гнете, т.е. о причинах выступлений трудящихся Киргизии за социальную и национальную свободу во второй половине XIX в., подробно говорится в следующих работах: *Джамгерчинов Б.Д.* Присоединение Киргизии к России. — М., 1959; Его же. Очерки политической истории Киргизии XIX века. — Фрунзе, 1966; *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России. — Фрунзе, 1960; Его же. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства. — Фрунзе, 1961; *Хасанов А.Х.* Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х гг. XIX века. — Фрунзе, 1961; Его же. Народные движения Киргизии в период Кокандского ханства. — М., 1977; *Плоских В.М.* Очерки патриархально-феодальных отношений в Южной Киргизии (50—70 годы XIX в.). — Фрунзе, 1977; Его же. Киргизы и Кокандское ханство. — Фрунзе, 1977 и другие.

кокандских деспотов, присоединялись рядовые узбеки, таджики, казахи и представители других народов Средней Азии. В свою очередь, и киргизские скотоводы принимали активное участие в освободительной борьбе других народов Средней Азии и Казахстана.

Словом, история Кокандского ханства по существу являлась историей народных восстаний против феодально-ханского гнета и деспотизма, за социальную и национальную свободу. Возмущение, негодование угнетенных масс, нередко переходящие в открытые выступления, стали обычным явлением. Этого не могли отрицать даже высокопоставленные царские чиновники, покровительствующие власти Худояр-хана и окружающих его феодалов. Один из них, в частности, туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман, хорошо осведомленный о политической жизни и социально-экономической обстановке в крае, в своем рапорте от 3 декабря 1875 г. военному министру сообщал, что "История Кокандского ханства представляет собой ряд беспрестанных восстаний кыпчаков и кыргызов"¹. Действительно, то в одном, то в другом районе вспыхивали выступления, охватывали весь край, внушая страх хану и окружавшим его феодалам.

Жестокие действия войск кокандских ханов, направленные на завоевание соседних районов и народов, вызывали сильное сопротивление со стороны коренного населения. Борьба трудящихся против феодально-ханского режима началась сразу же после установления господства Кокандского ханства. Так, в 1809 г. жители окрестных районов г. Ташкента не примирились с режимом, установленным Алим-ханом. Они выступили против ханских наместников в Ташкенте. К выступлению узбекских дыйкан присоединились соседние кочевники—казахи, боровшиеся против кокандского господства. Во главе восставших стал Кабил из рода каракалпаков, принадлежавший к правящей династии в г. Ташкенте. Основные силы повстанцев были сосредоточены в крепости Багодан, расположенной в горах. Они представляли серьезную угрозу ханским войскам и торговым караванам, проходившим через названную крепость. В течение значительного времени повстанцы не давали покоя ханским властям. Но путем обмана кокандскому хану и его

¹ ЦГВИА Ф. ВУА, д. 6886, л. 2.

ставленникам в Ташкенте удалось подавить выступление и убить Кабила¹.

В 1821 г. против господства Кокандского ханства выступили рядовые казахи и кыргызы, населяющие Таласскую долину. Их число доходило до нескольких тысяч человек. Восстание приняло широкий размах и распространилось на соседние районы. Во главе его стал представитель феодальной знати, некий Тентек-Тюро. Восстание приобрело настолько серьезный характер, что ханская власть забеспокоилась не на шутку. Восставшими были заняты города Чимкент, Сайрам и ряд населенных пунктов, жители которых присоединились к повстанцам. Но при решающем сражении Тентек-Тюра изменил повстанцам, сдался карательному отряду. Восстание потерпело поражение, и его участники были жестоко наказаны².

Вскоре кыргызы, кочующие на урочищах Талас, вновь выступили против кокандского гнета и заняли крепость Яны-Курган, в которой находился ставленник кокандского хана с отрядом. К ним присоединились казахские скотоводы. Но ханскому карательному отряду, которым командовал ташкентский Хаким, удалось сломить сопротивление участников данного выступления. После этого, в целях сохранения и поддержания власти кокандского хана над кыргызами и казахами, населяющими Таласскую долину, была построена более мощная крепость Аулиэ-Ата³.

Не менее серьезным было выступление, возникшее в конце 30-х годов прошлого столетия среди кыргызских скотоводов, кочующих недалеко от кокандской крепости Пишпек. Поводом к нему послужили произвол и насилие ханских сборщиков податей (зекетчи), сопровождаемых военным отрядом, состоявшим из 300 кавалеристов (сипаи). Выступлением была охвачена значительная часть Чуйской долины и прилегающие к ней некоторые горные районы. К повстанцам присоединилась часть казахов Большой Орды. Как отмечал современник этого выступления Абу-Абейдилла Мухамед, "Плательщики зекета (ханский налог, взимаемый с поголовья скота

¹ См: Тухфат ат-таварих-и-хани., л. 45—48. //Использована по монографии. Плоских В.М. Кыргыз и Кокандское ханство. —Фрунзе, 1977. —С. 283.

² См: История Киргизской ССР, т. I. —Фрунзе, 1968. —С.284.

³ См: Каллаур В. Из истории города Аулиэ-Ата. //ПЗСТКЛА, год 8-й. —Ташкент, 1903. —С. 14. Плоских В.М. Указанная работа. —С. 284.

— К.У.) подняли восстание, уничтожили весь отряд, убили самого Худай-Берди Диванбеги”¹ — ханского чиновника, возглавлявшего сборников податей—зекетчи. Обеспокоенный этим событием, кокандский хан отправил против повстанцев карательный отряд под начальством ташкентского правителя (Хакима), командующего ханскими войсками (ляшкар) — Кушбега. В состоявшемся сражении повстанцы одержали победу над карателями. Разбитый ханский отряд и его начальник вынуждены были отступить. Кушбег был наказан кокандским ханом и устранен от управления г. Ташкентом. Тем временем выступление усиливалось и расширялось. Победа над ханскими войсками вдохновляла повстанцев на новые успехи. Однако неорганизованное, стихийное и плохо вооруженное выступление потерпело поражение во втором сражении с сравнительно мощным ханским карательным отрядом, который внезапно появился в крепости Пишпек, снова под командованием ляшкар Кушбега. Последний “заставил их (повстанцев — К.У.) вновь подчиниться власти кокандского хана”². Действия карательного отряда, как всегда, сопровождалось грабежом коренного населения, угоном скота и убийством безвинных людей. Кокандский хан, напуганный размахом выступления, расширил права своих наместников и увеличил численность военного гарнизона, находившегося в крепости Пишпек³, и тем самым пытался упрочить свою власть над коренным населением.

В 1832 г. вспыхнуло восстание на Центральном Тянь-Шане. Особенно активное участие в нем принял род чоро из племени саяк, кочевавший в Нарыне. Во главе его стояли батыры — братья Тайлак и Атантай⁴. Причиной восстания послужил невыносимый гнет кокандских чиновников, их произвол и насилие. Это хорошо видно из письма повстанцев на имя кокандского хана, в котором читаем: “Ваши чиновники разорили кыргызов разными поборами; брали у нас лошадей и верблюдов, брали у нас зякет и улфан, кокандские

¹ Цитируется по статье А. Урубаева. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства. Изд. АН Респ. Уз. //Серия общ. наук, 1957, № 3. —С. 34—35.

² Там же.

³ См: Бардашев И. Сведения о дикокаменных киргизах.//Туркестанские ведомости, 1870, № 15.

⁴ См: Валиханов Ч.Ч. Собр. соч., в пяти томах, т. П. —Алма-Ата, 1962. —С. 199; т. IV. —Алма-Ата, 1968. —С. 486.

чиновники не оставили наших драгоценных вещей... Кроме того, забрали красивых девушек. Просим возвратить перечисленные ценности. Если не вернете, то будут уничтожены все пленные кокандские чиновники"¹. Повстанцы изгнали ханских чиновников и отказались от кокандского господства. Но с этим не мог смириться кокандский хан. Против повстанцев был послан карательный отряд, состоявший из 7 тысяч воинов. Во главе его стоял минбаши Хаккулы. Последнему удалось преодолеть сильное сопротивление повстанцев и взять в плен Тайлака и Атантая и привести их в г. Коканд. Но кокандский хан, чтобы не ожесточить повстанцев, вынужден был отпустить названных руководителей восстания. В целях упрочения своего господства на Центральном Тянь-Шане, кокандские правители возвели здесь укрепление Тогуз-Торо и затем Куртка, усилив в них военные гарнизоны. Однако это не могло обеспечить надолго власть кокандских ханов над местным населением, которое вновь было обложено тяжелыми налогами и испытывало невыносимый гнет кокандских наместников. Тайлак, Атантай и все трудовое население не могли мириться с господством Коканда.

Ни пытки, ни угроза смертной казни не могли сломить их свободолюбивый дух. Они, не желая находиться под властью кокандского хана, откочевали со своими сородичами на Или к казахам Большой Орды. Но казахские султаны к ним отнеслись недружелюбно и даже ограбили их. Тайлак и Атантай вернулись на свои родные кочевья и опять стали во главе трудящихся, которые вскоре вновь выступили против иноземного господства. На этот раз повстанцы, накопившие некоторый опыт в освободительной борьбе, действовали более решительно и успешно. Кочевники по инициативе Тайлака и Атантая отказывались платить налоги и убивали сборщиков податей—зякетчи. Кокандский наместник немедленно доносил об этом хану. Последний послал для подавления восстания карательный отряд, состоявший из 500 сипаев под начальством Арап батыра. В Тогуз-Торо, местности Быча, произошло сражение повстанцев с указанным карательным отрядом, который наголову был разбит. Потеряв около 400 человек убитыми, жалкие остатки карателей вынуждены были бежать. Их неотступно преследовали

¹ Цитируем по брошюре *Хасанова А.Х.* Народное движение в Киргизии в период Кокандского ханства. —М., 1977. —С. 33.

повстанцы. В местности Джунбел Тайлак батыр настиг начальника карательного отряда Арапа и убил его¹. В честь победы восставших над карателями эта местность получила впоследствии название "Араптын бели", т.е. перевал Арапа.

Вскоре повстанцы заняли укрепление Куртка и захватили в плен кокандских чиновников во главе с комендантом крепости. Трое из них были освобождены и отправлены в Коканд. Они должны были передать хану требования восставших о возврате им то, что насильно было отобрано раньше у них кокандскими чиновниками, в частности, скот, лошадей, ценные вещи, красивых девушек и женщин. Но кокандскому хану удалось коварным путем подавить это восстание, а его предводителя Тайлака отравить ханским агентом, присланным сюда под видом лекаря. Население Центрального Тянь-Шаня вновь попало под деспотическую власть кокандских ханов.

Произвол и насилие кокандских чиновников не имели границ. Ханские наместники варварски издевались над памятью батыра Тайлака. Его кумбоз (мавзолей) был разрушен. Красавица—дочь Тайлака стала невольницей начальника укрепления Куртка. Это ярко запечатлено в народном фольклоре. В частности, в среде коренного населения Центрального Тянь-Шаня бытовало стихотворение, гласившее:

Кара тоону кар алды,

Карчыганы сарт алды.

Кан атамдын ай кызын,

Кара сакал сарт алды.

Вечно черные горы вдруг покрылись снегом,

Смелого ястреба как-то победил мохноногий конек—Зимняк.

Ясноликая красавица—дочь моего свекра—богатыря

Стала невольницей чернобородого ненавистного врага.

¹ Имеется специальная поэма о Тайлак-батыре. В ней Тайлак характеризуется как национальный герой, выразивший интересы киргизского народа и руководивший его борьбой против господства Кокандского ханства за свободу и независимость. См: Чоробаев А. Тайлак-батыр. //Рукоп. фонд. отд. общественных наук НАН Кырг. Респ., инв. № 225. —С. 1—117. Тайлак батыру, посвящен одноименный документальный историко-публицистический повест народного писателя Шукурбека Бейшеналиева. Названной личности его выступлению посвящен и брошюра Антокурова С. Тайлак батыр. —Б., 1994 и его несколько статьи.

Такой произвол ханских чиновников вызвал новый поток возмущения, гнева и волнения народных масс, вылившегося в открытые выступления.

В период междоусобной борьбы кокандского хана и бухарского эмира, которая унесла сотни и тысячи человеческих жизней и принесла народам горе и нищету, выступление кыргызских и узбекских трудящихся против феодально-ханского гнета приняло сравнительно широкий размах. В 1842 г. после кровопролитной борьбы бухарскому эмиру удалось одержать победу и временно установить свое господство в Коканде. Но произвол и насилие наместника бухарского эмира и его чиновников, непомерные налоги, взимаемые в пользу временных победителей, толкали местное население на борьбу против пришлых угнетателей. Восставшие узбеки и кыргызы изгнали из Коканда наместника бухарского эмира, окружающих его чиновников и войска. Но это не привело к социальному и национальному освобождению трудящихся. Ханский престол в Коканде опять был занят одним из потомков династии Минг. Ханская система управления как и раньше оставалась орудием феодального гнета народных масс.

Междоусобная феодальная борьба Кокандского ханства и Бухарского эмирата сопровождалась ростом освободительных выступлений подвластных им народов, в том числе кыргызов. Пользуясь ослаблением власти Коканда, ряд кыргызских племен, кочующих в северных районах Киргизии, вышли из повиновения ханских наместников. В частности, население Иссык-Кульской котловины, поднявшись в 1842 г. на освободительную борьбу, "признало себя независимым и выгнало кокандцев из небольших укреплений, устроенных на речках Караколе, Барскауне и Конур-Улане"¹. Однако удача сопутствовала им недолго. Через некоторое время выступление потерпело поражение, а местное население вновь оказалось под властью кокандского хана и его чиновников.

Вскоре выступили жители восточной части Чуйской долины, Кемина, Кочкора, Джумгала и Кетмалды. В их рядах насчитывалось

¹ Воронин и Нифантьев. Сведения о дикокаменных киргизах. // Зап. РГО, кн. 5. — СПб, 1851. — С. 141. Бардашев И. Сведения о дикокаменных киргизах. // Туркестанские ведомости, 1970, № 15. Подобранные сведения содержатся и в некоторых архивных документах, в частности, ЦВИА, ф. 1440, оп. 1. д. 2, л. 59—73; ЦГА Респ. Узб., ф. 715, л. 14, д. 515.

несколько тысяч людей, доведенных кокандцами до крайности. К ним присоединились представители феодальной знати, в том числе крупнейший манап Ормон, который стал во главе повстанцев. Повстанцы действовали успешно. Они одержали победу над ханским военным гарнизоном. Кокандское укрепление Кетмалды было разрушено. Однако повстанцам не удалось окончательно освободиться из-под власти Кокандского ханства. Воспользовавшись феодально-родовой враждой между некоторыми кыргызскими племенами и разжигая ее, кокандские властители восстановили свое господство над населением вышеуказанных местностей¹. В 1845 г. произошло выступление на юге Киргизии. Оно охватило Алай, Гульчу, Уч-Курган и некоторые другие районы вплоть до города Ош. Одной из его причин явилось усиление налогового гнета. Оно возникло в то время, когда основная часть ханского войска под начальством мин-баши Мусулманкула была отправлена в Ташкент для подавления выступления узбекских трудящихся².

В выступлении коренного населения указанных районов принимали участие Алимбек-датка и некоторые другие представители феодальной знати, заинтересованные в успехе повстанцев. Восставшие вскоре окружили г. Ош, где стояли некоторые ханские чиновники. Восставших поддерживали рядовые узбеки. Опасаясь дальнейшего усиления выступления, хан направил туда войско с Хакимом Шахриханского вилайета Мухаммедом Назаром Куроглы. Широкий размах выступления вынудил кокандского хана отозвать войско из Ташкента и присоединить его к указанному карательному отряду. Этим объединенным военным силам, которым командовал Мусулманкул, удалось подавить выступление и овладеть г. Ош. Каратели захватили в плен многих повстанцев, которых доставили в Коканд³. Не только Мусулманкул, по существу державший власть в Кокандском ханстве в своих руках, но и Хаким

¹ Валиханов Ч. Избранные произведения. — Алма-Ата, 1958. — С. 290.

² За время 1840—1865 гг. — Ташкент семь раз переходил из рук в руки, оказываясь в подчинении то Кокандского ханства, то бухарского эмира. (Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия. — Ташкент, 1965. — С. 126.).

³ Ювачев И. П. Курманжан-датка. Кара-киргизская царица Алая. // Исторический вестник, 1907, № 12. — С. 964. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886. — С. 161. Плоских В. М. Указ. раб. — С. 286—287.

Мухаммед Назар Кур-оглы и другие крупные кыпчакские феодалы, проявили жестокость в подавлении данного выступления.

В 1847 г. восстали жители г. Ташкента и прилегающих к нему районов. Непосредственной его причиной послужило резкое усиление налогового гнета. К восставшим присоединилась часть казахов и кыргызов. Гнев повстанцев обрушился на ханского наместника — деспота и на окружающих его чиновников. Восстание приняло серьезный характер и сильно обеспокоило кокандского хана и других представителей феодальной верхушки¹. Но это, стихийное и по существу невооруженное восстание, не имея единого руководства, не могло увенчаться успехом. Однако, и кокандскому хану и его наместнику нелегко было справиться с повстанцами, боровшимися до последних сил.

В 1847—1848 гг. против феодально-ханского гнета выступили кыргызские скотоводы Наманганского вилайета. Они толпой спустились с гор в направлении Ферганской долины. К ним сочувственно отнеслись узбекские дыйкане. Однако выступление не могло приобрести широкого размаха. Против него был направлен ханский карательный отряд. В сражении, состоявшемся в районе Балыкчи, повстанцы потерпели поражение².

Вскоре снова выступили жители Центрального Тянь-Шаня. К ним присоединились представители феодальной знати, в том числе Алымбек-датха. Число повстанцев доходило до несколько тысяч. Участники выступления осадили укрепления Куртка, а ханского наместника, находившегося в этом укреплении, убили. Названное кокандское укрепление еще неоднократно подвергалось осадам со стороны коренного населения³.

Летом 1850 г. часть чуйских кыргызов, вновь поднимаясь на борьбу, напала на укрепление Пишпек, из которого временно отлучился кокандский военный гарнизон. Осада названного укрепления продолжалась недолго, так как вскоре его военный гарнизон вер-

¹ *Набиев Р.Н.* Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономическое предпосылки. — Ташкент, 1967. — С. 29—30, 64—65. *Плоских В.М.* Кыргызы и Кокандское ханство, 1977. — С. 288—289.

² См: *Плоских В.М.* Указ. раб. — С. 290.

³ См: *Валиханов Ч.Ч.* Указ. соч., т. 2. — С. 200.

нулся¹. Он не дал повстанцам развернуться и занять осажденные укрепления.

В конце 50-х годов прошлого столетия выступили кочевники Кетмень-Тюбе. Его причиной, как и повсюду, послужили произвол и насилие ханского наместника, а также резкое увеличение размеров податей и поборов, взимаемых с коренного населения. Во главе этого выступления стал бедняк Сасыке. Движущими силами восстания были трудовые массы. Но в нем принимали участие и манапы, например, Рыскулбек и др. Число участников выступления превышало более 400 человек. Против них было направлено 100 сипаев (кавалеристы), находившихся в местной кокандской крепости. Столкновение повстанцев с карательным отрядом состоялось в местности Таш-Мойнок. В нем отличились бедняки Кедейбай и Баялы. Как вспоминает старожитель Токтосун-уста, родившийся в 1855 г. в Кетмен-Тюбе, сначала на поединок на пиках (сайыш) вышли руководитель выступления Сасыке и один из ханских сипаев. Сасыке вышел победителем. Он с пикой в руке напал на ближайшего сподвижника коменданта кокандской крепости и удачным ударом свалил его с седла. Тогда каратели обратились в бегство. Участники выступления стали их преследовать. Повстанцы взяли приступом кокандскую крепость, военный гарнизон, который был уничтожен². Хотя выступление увенчалось успехом, оно не привело к освобождению от кокандского гнета. Его плодами воспользовались представители феодальной знати. В частности, крупнейший манап Рыскулбек получил от кокандского хана звание датхи и по существу выполнял роль его наместника.

В 1851 г. в Пишпек прибыл ханский отряд, состоявший из 7 тысяч вооруженных людей. Он снова "покорил кочующих около Чу дикокаменных кыргызов рода солто и взял из них 600 лошадей в подводы"³. Но местное население не хотело подчиниться кокандским властителям. Часть племени сарбагыш, населяющая восточную половину Чуйской долины, тоже поддерживала их. Против повстанцев было отправлено несколько вооруженных ханских во-

¹ Серебренников А.Г. Туркестанский край, 1848—1849 и 1850 гг., док. № 54. —С. 100. Плоских В.М. Указ. раб. —С. 291.

² Воспоминание Токтосун-уста, родившегося в 1855 г. в Кетмен-Тюбе. См: фонды отд. общ. наук НАН Кырг. Респ., инв. № 1519. —С. 634—638.

³ ЦГА Республика Уз., ф. 715, оп. I, д. 12, л. 117—118.

енных отрядов. Как отмечено в архивном документе, кокандские каратели напали на дикокаменных кыргызов рода солто и сарбагыш, отняли у них весь скот и лошадей¹. Летом 1856 г. для наказания племени сарбагыш, отказавшегося от уплаты зекета, был отправлен большой карательный отряд, и сбор названной подати превратился в настоящий грабеж. Начальник карательного отряда, помимо сбора податей, заставил сарбагышцев дать 2000 лошадей для заложников, которых он хотел увести в г. Коканд².

Однако жестокие действия ханских карателей не могли сломить свободолюбивый дух коренного населения и держать его в положении покорности и повиновения. Наоборот, народ еще более ожесточился и поднимался на серьезные выступления.

Своей массовостью и продолжительностью отличалось восстание казахов и кыргызов, возникшее в 1857 г. Оно охватило значительную часть Большой Орды, районы Таласа, нижней половины Чуйской долины и некоторые другие районы Туркестана³. Первыми выступили казахи рода кунград, кочевавшие недалеко от Чимкента. К ним присоединились другие жители Большой Орды и кыргызские скотоводы, населяющие Талас и нижнюю часть Чуйской долины.

Это восстание было вызвано усилением феодально-ханского гнета вообще, голым произволом и насилием Ташкентского хакима Мирзы Ахмета, в частности. Как отмечал очевидец интересующего нас восстания, служивший тогда сборщиком податей Абу-Абейдулла Мухаммед, названный хаким (наместник хана — К.У.) вытеснял казахов и кыргызов из родных мест, заставлял их выплатить ему большую сумму денег, брал взятки и занимался всевозможными вымогательствами. Вот что пишет Абу-Абейдулла Мухаммед, близко знавший ханского хакима: "За те же пашни, за которые при прежних хакимах казахи и кыргызы платили 100 тилля, Мырза Ахмет установил плату 250 тилля, а в некоторых местах по его приказу плату увеличили в три и четыре раза. В ряде мест казахи продавали весь урожай, скот, но и этого не хватало для уплаты назначенной Мирза Ахметом суммы. Тогда они продавали своих десяти-

¹ ЦГА Республика Уз., ф. 715, оп. I, д. 12, л. 117—118.

² Там же, д. 17, л. 152.

³ Султан Нурекин. Очерки истории Коканда с 1791 по 1864 год. //Туркестанские ведомости, 1872, № 35.

двенадцатилетних дочерей и деньги отдавали Мирзе Ахмету”¹. Это не могло не вызвать недовольства со стороны коренного населения.

Непосредственным поводом указанного восстания послужило резкое увеличение размеров зякета, взимаемого с казахских и кыргызских скотоводов в пользу кокандского хана и его чиновников. Осенью 1857 г. зякетчи, посланные названным наместником кокандского хана, с большой жестокостью собирали зякет с казахов, населявших местность Мерке. Сборщики податей ”стали бесчинствовать и силой отбирать у населения имущество”². Как подчеркивал один из дореволюционных авторов — Абди-Саттар-хан Казий, ”кыргызы не согласились на уплату зякета и в разных местах перебили зякетчи”³. Восстание быстро распространилось и охватило значительную часть Туркестана. К нему присоединились некоторые представители феодальной знати. Отдельные из них, в частности, казахский старшина Худайберген, пытались прибрать к своим рукам руководство восстанием.

Кыргызы и казахи, населяющие западную часть Чуйской долины, разбив ханский военный отряд, который сопровождал сборщиков податей, взяли в плен кокандских чиновников. В знак победы пленников возили по айлам, показывая их местным жителям, призывая последних к более решительной борьбе против господства кокандского ханства. Во главе повстанцев стояло местное влиятельное лицо Худайберген. Начальник и воины ханского отряда, потерпевшего поражение, были убиты⁴.

Восставшие казахи и кыргызы окружили укрепление Аулие-Ата, где находился ненавистный им Мирза-Ахмет и другие ханские чиновники, а также и военный гарнизон; как отмечал Султан Нурекин А, ”Мирза Ахмет не мог усмирить недовольных, он вынужден был с ними вести переговоры и удовлетворить их требования”⁵, т.е. отказаться от дальнейших сборов зякета и вернуть им все то, что успели отобрать у них его зякетчи. Но это не удовлетворило пов-

¹ Цитируем по статье Урумбаева А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства. //Изв. АН Респ. Узб. Серия общественных наук, 1957, № 3.—С. 35—36.

² Там же.

³ Абди-Саттар-хан Казий. Заметки о народном самоуправлении и ишанах в Туркестане. //Туркестанские ведомости, 1898, № 54.

⁴ См: Урумбаев А. Указанная статья. —С. 36.

⁵ Султан Нурекин А. Указанная статья.

станцев, которые решительно потребовали ухода названного ханского хакима—наместника. Аулие-Ата оставалась в осадном положении. Повстанцы по-прежнему угрожали Мирза-Ахмету жестокой расправой, поэтому он вынужден был обратиться к кокандскому хану за помощью. Все это настолько серьезно беспокоило Худояр-хана, что он решил сам лично возглавить карательный отряд и жестоко проучить "бунтовщиков". Однако борьба за ханский престол в самом Кокандском ханстве и угроза дворцового переворота не позволили хану отлучиться из столицы. Возглавить карательный отряд, состоящий из нескольких тысяч воинов, он поручил своему брату Малля-беку¹.

Осада Аулие-Аты велась без особой активности, неорганизованно и без общего руководства. Все это дало возможность осажденным собраться с силами, продолжать обороняться и продержаться до прибытия военной помощи из Коканда. Повстанцам не удалось занять осажденное укрепление. Но прибывший карательный отряд не решился вступить в бой с повстанцами, намного превосходившими его в численном отношении. Начальник карателей вынужден был вступить в переговоры с руководителями восстания, которые согласились выпустить из осажденной крепости Мирзу Ахмета и его чиновников². С наступлением зимы восстание затихло и пошло на убыль. Его участники, в какой-то степени удовлетворенные избавлением от жестокого ханского наместника, начали разъезжаться по домам.

Весною 1858 г. восстание вспыхнуло с новой силой. Как отмечал известный русский ученый—путешественник Н. Северцов, находившийся в то время в плену в Кокандском ханстве, пламенем восстания были охвачены казахи и кыргызы, кочующие в горах, к востоку от Ташкента по реке Чу, Талас и Чаткал³. И на этот раз поводом к восстанию послужило усиление налогового гнета. Повстанцы окружили со всех сторон кокандские укрепления, расположенные между хребтом Кара-Тау и р. Чу. Они решили взять эти укрепления измором⁴. Но не смогли овладеть ими. Вообще это вос-

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. 716, оп. I, д. 18, л. 330.

² См: Султан Нурекин А. Указанная статья.

³ См: Северцов Н.А. Месяц плена у кокандцев. —СПб, 1860. —С. 70—72.

⁴ См: Северцов Н.А. Указанная работа. —С. 71—72; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч., в пяти томах, т. I. —Алма-Ата, 1961. —С. 459.

стание не увенчалось успехом и вскоре потерпело поражение, несмотря на свою массовость и продолжительность, потому что было стихийным и неорганизованным. Но оно сильно пошатнуло господство кокандских властителей над казахским и кыргызским населением и вдохновило трудящихся к новым, более мощным выступлениям.

Вскоре восстание перекинулось в южные районы Кыргызстана. Здесь оно вспыхнуло в мае 1858 г., принимая сравнительно широкий размах, отличаясь своей массовостью. Восстание охватило почти всю Южную часть Кыргызстана и предгорные районы Ферганской долины. Число повстанцев доходило до 46 тыс. человек. Причиной этого восстания явились произвол и насилие крупных кокандских феодалов во главе с Худояр-ханом. Его поводом, как и везде, послужило резкое усиление ханского налогового гнета¹. Первым выступило племя адыгине, населяющее Алай и Гульчу. К нему присоединились другие кыргызские племена и роды, а также часть узбекских и казахских трудящихся. На стороне повстанцев стали Алымбек-датха и некоторые другие кыргызские, кыпчакские феодалы.

Повстанцы, вооруженные союлами (палками), плетью, саблями, айбалта (боевыми топорами), отчасти ружьями, четырьмя легкими орудиями, двинулась навстречу кокандскому карательному отряду.

Но восстание не имело общего руководителя. Во главе каждого племени или рода, участвовавшего в данном восстании, стояло "свое" влиятельное лицо. Сражение повстанцев с ханским карательным отрядом произошло в местности Самгар, расположенной между Маргеланом и Ярмазаром². Повстанцы применили военную хитрость. Большая часть их скрылась в оврагах и ямах, а меньшая выступила вперед навстречу карательному отряду. Когда завязалась битва, сражавшиеся отступили, а неприятель бросился им вдогонку. В это время вступила в бой скрывавшаяся часть повстанцев и обратила ханский отряд в бегство. Такая тактика решила исход сражения в пользу восставших. В этой битве карательный отряд был пол-

¹ Ценные данные об этом восстании имеются в показаниях его участников Мухаммед-Мурзабека Джумабаева, записанные 30 января 1858 г. Показания хранятся в ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 25.

² См: *Валиханов Ч.Ч.* указанные собр. соч., т. I. — С. 459—460.

ностью разбит. Повстанцы одержали блестящую победу, заняли г. Маргелан, где простояли 10 дней¹. Многие жители этого города присоединились к восставшим и вместе с ними вели борьбу против феодально-ханского гнета.

Вскоре повстанцы подошли к столице ханства г. Коканду, жители которого перешли на сторону восставших и "отворили ворота, а Худояр-хан бежал в Бухару"². Оттуда он смог вернуться лишь через 7 лет, т.е. в 1865 г. с помощью бухарского эмира. Однако плоды победы достались кыргызским, кыпчакским и узбекским феодалам, участвовавшим в этом восстании. Ханом был провозглашен старший брат Худояра, Малля-хан. Кыргызы и кыпчаки возвратились в свои кочевья, а их правители, т.е. крупные феодалы, заняли теплые места при ханском дворце и на местах³. Как и следовало ожидать, тяжелое положение народных масс не улучшилось и при новом хане.

В 1857 г. против кокандского господства выступили кочевники Алая. Причиной послужил необузданный произвол и жестокое насилие ханского наместника Кул-датха. Во главе выступления стал некий Садык-Серкер. К алайцам присоединились жители некоторых соседних районов, также доведенные до крайности названным ханским чиновником. Выступление быстро расширилось и усилилось. Его участники заняли приступом кокандское укрепление Кызыл-Курган, а его коменданта Кул-датху убили. Однако повстанцы, по существу, не развертывали дальше свои наступательные действия и проявили нерешительность в сражении с карательным отрядом. Не случайно выступление потерпело поражение. Многие участники, в том числе Садык-Серкер, были казнены⁴. Каратели предали огню доступные им айлы и ушли, оставив за собой пепел и трупы. Все это не могло не ожесточить местное население.

В 1859 г. снова выступили кочевники Центрального Тянь-Шаня, они отказались платить налоги ханским сборщикам податей и при-

¹ ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп. 34, д. 25, л.5—6.

² Там же.

³ См: *Валиханов Ч.Ч.* Указанные сочинение, т. I.—С. 460. Веселовский Н. Кыргызский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. —СПб, 1894.—С.5.

⁴ Чон-Алайдын тарыхый материалдары, жыйнаган *Мифтяков Каюм*. Рукописные фонды отд. общ. наук НАН Кырг. Республики, инв.№ 381. —С. 39—40.

знали себя независимыми от Коканда¹. Более решительно действовало племя черик во главе с манапом Турдуке. К нему присоединилось племя Тынымсеит, которым руководил Табылды. Повстанцы захватили и разрушили укрепление Куртка, а его военный гарнизон разогнали. В течение четырех лет местные жители не признавали власти Кокандского хана и его чиновников. Лишь в 1868 г. карательному отряду, состоявшему из 1500 сипаев, удалось подавить выступление коренного населения и вновь навязать власть Коканда. Было восстановлено укрепление Куртка и усилен военный гарнизон². Под действием ханского карательного отряда часть коренного населения вынуждена была покинуть родные места и бежать в высокогорные и труднодоступные районы, а некоторые из них покинули пределы края. Однако кокандскому хану и его чиновникам не удалось долго сохранить здесь свою власть. Кыргызы, вынужденные временно скрываться от преследования карательного отряда, вскоре возвратились в родные места. Накопившаяся ненависть и возмущение к кокандским властителям вновь вылились в открытую борьбу народа за свою свободу.

В октябре 1862 г. выступили кыргызы племени солто, населявшее среднюю полосу Чуйской долины. Причиной послужили произвол и насилия кокандских ханов и их заместителей, а поводом — грубое оскорбление сына Байтика, Байсала комендантом Кокандской крепости Пишпек (Бишкек) Рахматуллой. Повстанцы во главе с Байтик батыром действовали решительно и смело. При наличии сильной кокандской крепости Пишпек, восставшие применили некоторую хитрость. Названный батыр намеревался обманным путем заманить Рахматуллу в свой аил гостем в Акчие. Байтик устроил большой той, позвав на него Рахматуллу. Приехав к Байтику с отрядом из 60 вооруженных воинов — сарбазов, Рахматулла распорядился не отпускать лошадей на пастбище, а держать их наготове возле юрты. Чтобы затруднить отступление Рахматуллы, Байтик приказал незаметно срезать стремени у лошадей кокандских сарбазов. Когда той подходил к концу, брат Байтика Байгазы подал сигнал к окружению юрты. Сарбазы, опрокинув юрту и отбиваясь от напавших на них кыргызов, посадил Рахматуллу на лошадь и дал

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. 44, оп. 6, д. III, л. 48—49.

² Там же. л. 74—75.

ему возможность в сопровождении нескольких человек из охраны вырваться из окружения. Но джигиты Байтика нагнали их уже недалеко от Пишпека, и манап Кокум Чойбеков смертельно ранил Рахматуллу копьём. Один из сарбазов, отпущенный кыргызами, прибежав в крепость, сообщил о случившемся и смерти Рахматуллы. Кокандский гарнизон Пишпека численностью в 600 человек занял оборонительные позиции, а кыргызов, находившихся в Пишпеке на базарах, задержали в качестве заложников.

Байтик батыр, осадив Пишпек, немедленно известил о происшедших событиях других кыргызских манапов, в частности, сарыбагышей. Главный манап их Джантай немедленно выступил со своими джигитами против Токмака и окружил его. Однако взять эти две крепости повстанцы не могли. Но все же кыргызы решили начать длительную осаду, рассчитывая на истощение запасов продовольствия и боеприпасов в крепости.

Кстати, окружавшим удалось взять Токмак и разрушить его. А крепость Пишпек не сдавалась.

Поэтому восставшие во главе с Байтиком решили обратиться за помощью к начальнику Алатауского округа Колпаковскому, находившегося в крепости Верный (Ныне г. Алматы.—К.У.). К нему послали брата Байтика Сатылгана с просьбой отправить отряд и артиллерию. Вскоре вечером 13 октября 1862 г. отряд Колпаковского окружил Пишпекскую крепость и начал осадные работы. К Колпаковскому явился со своими джигитами Байтик и выразил готовность оказать свою помощь — представить ему выючный скот, продовольствие, вооруженных джигитов и рабочих. Кокандцы упорно защищались. Лишь через 11 дней 24 октября они вынуждены были сдаться. Крепость Пишпек была взята. При этом активное участие приняли кыргызы во главе с Байтиком. Об этом сказано в донесении командира Сибирского корпуса на имя министра иностранных дел России от 5 января 1863 г.: "Манап Байтик во время осады охотно доставлял для наших войск порционный скот, юрты и лошадей для разъездов, а по взятии крепости много содействовал в разрушении ее, высылая для этого ежедневно по 500 кыргызов"¹. За услуги во взятии крепости Пишпек Байтик был награжден золотой

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. и. — 715, оп. I, д. 26, л. 30.

медалью на Аннинской ленте для ношения на шею¹. Взятие Пишпека и Токмака имело большое значение: Кокандское господство над кыргызскими племенами Чуйской долины фактически было уничтожено, и коренные жители приняли подданство России.

В сложившейся исторической обстановке судьбу своего народа и его освобождение от господства Кокандского ханства Байтик связывал с Россией, твердо решившей овладеть всей Средней Азией, в том числе, Кыргызстаном. Правда, Байтик не знал и не мог предвидеть, что царская Россия, захватив край, установит здесь жестокий режим колониального гнета и бесправия. Он, как и некоторые крупные манапы надеялся, что кыргызы, освободившиеся от гнета феодально-деспотического Кокандского ханства с помощью России и под ее покровительством, будут жить свободнее. Тем более, что первое десятилетие царская администрация не облагала коренное население налогами, освобождала его от военной службы и не чинила произвол и насилие. Поэтому Байтик батыр, хотя прежде был вынужден считаться с кокандскими ханами и служить им, теперь выступил против кокандского господства. При этом он искал помощь и покровительство России.

1 июня 1868 г. произошло столкновение коренного населения с представителями царизма в местности Тогуз-Торо. Его поводом послужила попытка представителей царской власти арестовать внука известного батыра Тайлака — Мархана Осмонова, а причиной — попытка усилить колониальный гнет царизма путем введения нового административного устройства в названной местности. Кочевники рода кашан из племени саяк во главе с Осмоном Тайлаковым напали на палатку, в которой находились: начальник Токмакского уезда, царский офицер, переводчик и несколько джигитов. Натиск их был настолько силен, что этот царский чиновник и окружающие его лица едва успели скрыться. Их спасли джигиты крупнейшего манапа Шабдана, подоспевшие им на помощь².

В результате этого столкновения представителям царской власти не удалось провести реорганизацию волости под рода ак-тёрё и

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. и. — 715, оп. I, д. 26, л. 30.

² Рапорт начальника Пишпекского уезда от 8 июня 1868 г. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 24, л. 11-15.

арестовать указанного внука Тайлака. Они с трудом унесли свои ноги с места столкновения под прикрытием джигитов Шабдана.

Одной из арен борьбы против феодально-ханского гнета стал Алай. В 1871 г. его население вновь поднялось на борьбу против господства кокандского хана и его чиновников¹. Вот что читаем о возникновении этого выступления в "Заметке из Средней Азии", помещенной в газете "Биржевые ведомости" за 1873 г. № 337: "Причиной нынешнего восстания было увеличение зякета со скота и обложение пошлиною дикорастущих фруктовых деревьев в горах близ Оша. Плодами этих деревьев пользуются черные кыргызы².

Выступление, принимая широкий размах, охватило Гульчу и некоторые районы, расположенные к югу и юго-востоку от г. Оша. К повстанцам сочувственно относилось узбекское население некоторых соседних районов. Кокандский хан, не уверенный подавить его своими силами, обратился к бухарскому эмиру с просьбой оказать ему помощь в "усмирении непокорных кыргызов". Это выступление, как и предшествующие, не увенчалось успехом. Ранней весной того же года выступили и кыргызы, населяющие местность Сох на юго-востоке Ферганы. Поводом к этому выступлению послужили, как обычно, произвол и насилие ханского наместника, а причиной — резкое усиление налогового гнета. К выступлению присоединились жители Алая. Число повстанцев быстро увеличилось, и выступление приняло серьезный характер. Его участники требовали от кокандского хана убрать из Соха жестокого и алчного кокандского наместника. Хан не только не удовлетворил требование повстанцев, но и направил против них карательный отряд, состоящий почти из 2 тыс. сарбазов под начальством главнокомандующего ханскими войсками. Неорганизованные и плохо вооруженные повстанцы вынуждены были уклониться от прямого столкновения и отступить в глубь труднодоступных гор. Каратели не осмелились подняться высоко в горы и ограничились взятием в плен первых попавших 12 кыргызов. Пленных доставили в столицу хан-

¹ Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. Т. I, часть II. — СПб, 1875. — С. 95-97.

² Заметки из Средней Азии "Биржевые ведомости", 1873, № 337. Туркестанский сборник, т. 73. — С. 45.

ства, где зверски казнили¹. Однако никакие жестокости не могли сломить свободолюбивый дух кыргызского народа.

Выступления кыргызов, происходившие в первой половине 60-х годов XIX века, были вызваны феодально-ханским гнетом и направлены против господства кокандского ханства². Они носили национально-освободительный характер. В них принимали активное участие узбекские, казахские и таджикские трудящиеся, изнемогавшие под гнетом кокандских ханов и их чиновников. Движущие силы этих выступлений — трудовые массы. Однако в них принимали участие и нередко руководили ими представители феодальной знати. Эти выступления носили локальный, стихийный и неорганизованный характер. Поэтому они не могли увенчаться успехом. Даже в случае победы повстанцев успех выступления сводился к смене одного хана другим, а феодальная эксплуатация и система государственного управления оставались прежними. Слишком велико еще было значение феодально-патриархальных отношений, вековых предрассудков, влияние родоплеменной верхушки, воздействия религии, забитости, массовой неграмотности, ограниченности социального кругозора.

Кокандские ханы и их чиновники, пытаясь держать кыргызов и другие подвластные им народы в покорности и повиновении, с целью убить в них все живое, с большой жестокостью подавили все эти разрозненные выступления. За подавлением, как правило, следовала зверская расправа, сопровождающаяся массовыми убийствами, грабежом населения. Этого не мог отрицать даже туркестанский генерал-губернатор генерал адъютант фон Кауфман, который покровительствовал и всячески поддерживал ханскую власть в Коканде. Вот что сказано по этому поводу в его секретном отчете от 1881 года: "Кокандские власти возбуждали против себя негодование кочевников, которое несколько раз переходило в открытую, ожесточенную борьбу. По усмирении мятежа каждый раз наступали

¹ Федченко А.П. Указанная работа. —С.— 96, 303—304. Хасанов А.Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. —М., 1977. —С. 47—48; Плоских В.М. Кыргызы и Кокандское ханство. —Фрунзе, 1977. —С. 307.

² Исключение составляло выступление жителей Тогуз-Торо, возникшее в начале июня 1868 г., которым руководил Осмон Тайлаков. Оно было вызвано колониальной политикой царского самодержавия и носило национально-освободительный характер.

многочисленные казни, жертвы насчитывались не десятками, а сотнями¹. Однако, никакие жестокости не могли сломить свободолюбивый дух кыргызского народа. Недовольство и возмущение, вылившиеся в открытые выступления, все росли, крепили и зрели. Наиболее крупное восстание, охватившее полностью территорию Кокандского ханства и всю южную часть Кыргызстана, произошло в 1873—76 гг. Оно смело со своего пути ханскую власть и привело к важным изменениям в исторических судьбах кыргызского и узбекского народов.

¹ ЦГА Республика Уз., ф. I, оп. 34, д. 346, л. 113.

ГЛАВА II

Восстание народных масс в 1873—1874 годах

Это восстание отличалось от предыдущего размахом, массовостью, продолжительностью и историческими последствиями.

Его причиной послужили все более усиливающийся феодально-ханский гнет, произвол, насилие кокандского хана и его чиновников. Это хорошо видно из письма самих повстанцев (написано осенью 1873 г.), адресованного на имя начальника Ходжентского уезда. В нем читаем: "Хан начал выступать против шариата, по которому полагалось взимать в порядке подати по одной овце со ста голов баранов. А ханские сборщики—зьякетчи, прибывшие весной 1873 г. к кыргызским кочевникам, начали насильно собирать с них по три барана с сотни голов. За это мы, не вынося несправедливости, ограбили его (хана — К.У.) зьякетчи"¹. Даже высокопоставленный царский чиновник, покровительствовавший власти Худояр-хана и его сына Наср-Эддина и по-своему пристально следивший за ходом восстания, вынужден был зафиксировать, что постоянные поборы и жестокость Худояр-хана в последнее время до того озлобили все народности и сословия в ханстве, что бедные и забытые подданные хана решились во что бы то ни стало сбросить ненавистное им бремя². А царский наместник, генерал-адъютант фон Кауфман, которому систематически докладывали о ходе интересующего нас восстания и возглавлявший действие карательных отрядов, в своем секретном отчете от 1881 г. под давлением действительности писал, что "с 1873 года начинается целый ряд восстаний и беспорядков в ханстве, вызванных жестокостью, алчностью хана и непомерными налогами и поборами, взимавшимися по приказанию владетеля Коканда с населения"³. Подобные сведения находим и в работе известного востоковеда и очевидца этого исторического события А.А. Куна⁴ и в показании одного из руководителей данного восстания

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 197, л. I.; там же, ф. 715, оп. I, д. 58, л. 362.

² Рапорт ген.-лейт. Колпаковского от 10 июня 1874 г., ЦГА Респ. Узб., ф. 715 оп. I, д. 60, л. 197, 199.

³ ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 346, л. 113.

⁴ Кун А.А. Очерк Кокандского ханства. //Изв. Русск. географ. общества, т. XII, 1876. —С. 64—65.

Муллы Искака Хасана оглы (Пулат-хана)¹. Это не единичные примеры. Основной приток письменных свидетельств о происходящих событиях в Кокандском ханстве шел за счет переписки по линии колониальной администрации края. Отношение к ней историка должно быть, конечно, настороженным и критическим. Принимать на веру всю содержащуюся в этой переписке информацию не приходится. Отношение представителей колониальной администрации к восстанию 1873—1876 гг. было сложным, выжидательным и не всегда последовательным, порой даже противоречивым. Зорко следя за развитием событий, колониальная администрация и петербургские сановные круги не сразу определили свой конечный подход к ходу восстания 1873—1876 годах. Сам размах восстания, его народный характер не могли не тревожить царизм и его туркестанскую администрацию, а тем более вызывать сочувствие к восставшим. Возникла опасность, что восстание может выйти за пределы ханства. В этой обстановке отдельные документы колониальной администрации могли стусать освещение событий или, наоборот, смягчать его, быть тенденциозным и проч. Тем не менее совокупность содержащегося в документации информационного материала, несомненно, может служить наглядным свидетельством о социально-освободительной основы народного движения 1873—1876 гг. и подтверждением, что главной его причиной были страшный гнет и дикий произвол властей феодально-деспотического Кокандского ханства.

Восстание началось весной 1873 года. Его поводом и непосредственной причиной послужило следующее. В конце марта — начале апреля к кыргызам, кочующим на юго-востоке Коканда, явились ханские зякетчи и потребовали от них уплаты "зякета" и "хараджи", размеры которых были увеличены в 3 раза². Кыргызы, решительно отказавшись от уплаты названных налогов, избили приехавших к ним сборщиков податей. Несколько зякетчи было убито, а имущество, собранное ими с местного населения, отобрано повстанцами.

¹ Эти сведения содержатся в материалах по ревизии Туркестанского края, проведенной под руководством сенатора Гирса. О них сказано в работе *Савицкого А.П.* Поземельный вопрос в Туркестане. — Ташкент, 1963. — С. 199.

² ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 343, л. 114; *Россель Ю.А.* Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. Вестник Европы, 1878, № 6-7, см. Туркестанский сборник, т. 222. — С. 606-607.

Худояр-хан

Получив об этом сведения, Худояр-хан отправил против восставших карательный отряд, состоявший из несколько тысяч регулярных сипаев (кавалерии) во главе с верным ему беком Алимканом, приказав жестоко "наказать кыргызов". Тем временем восстание быстро распространилось по всему Алаю и Гульче. Количество повстанцев резко увеличилось, К восставшим кыргызам присоединилась значительная часть кипчаков. Но в ожесточенной битве плохо вооруженные повстанцы были разбиты карательным отрядом.

Началось варварская расправа с восставшими. С полным основанием на страницах тогдашней центральной периодической печати России сообщалось, что "Худояр-хан приказывал вырезать бунтующих кыргызов и кипчаков без всякого суда не только сотнями, но и тысячами, так что можно сказать, он обратил Коканд в лобное место"¹. Действия ханского карательного отряда были настолько жестокими, что 20 тыс. семейств кыргызов и 10 тыс. кибиток кипчаков вынуждены были бежать в предгорья Кашгар-Даван в местности Кирлик и Хазраты, которые считались неприступными для кокандских войск².

Кровавые действия карателей лишь ожесточили повстанцев, дух которых уже невозможно было сломить. Кыргызы и кипчаки, полные решимости, готовились к новому выступлению. Под их влиянием находилось население южной и юго-западной части ханства. К ним с симпатией относились и жители северных районов края. А это не могло не беспокоить кокандского хана, боявшегося народного восстания, как огня. Худояр-хан решил еще раз дать кровавый

¹ "Санкт-Петербургские ведомости", 1874, № 268. См: Турк. Сборник, т. 73. — С. 44-48.

² ЦГА Респ. Узб., ф. I, д. 278, л. 16—18; оп. 34, д. 196, л. 28—30; ф. 715, оп. I, д. 58, л. 362.

урок непокорным кыргызам и кипчакам. С этой целью в мае 1873 г. он послал против них карательный отряд во главе с главнокомандующим ханскими войсками Абдурахманом Афтобачи, который только что вернулся из Мекки, куда он ездил на паломничество. Этот ханский сановник, крупнейший кипчакский феодал, увидев силы и боевое настроение многочисленных повстанцев, не решился предпринимать против них боевые действия и решил подавить восстание путем обмана. С этой целью он выдал себя за сторонника повстанцев, посоветовав им не выступать открыто против власти Худояр-хана и не проливать кровь, а лучше послать хану в знак примирения и покорности делегацию в количестве 40 человек. Темные и забитые кыргызские и кипчакские кочевники наивно поверили Афтобачи и послали к хану своих представителей, которые должны были объяснить ему тяжелое положение трудящихся. Кроважадный Худояр-хан, даже не выслушав представителей повстанцев, велел перерезать их, что и было исполнено его палачами.

Афтобачи занимал выжидательную позицию и проявля лицемерие, на некоторое время оставался в кочевьях повстанцев. Но позднее, когда хан вызвал его, он явился к нему как усмиритель восставших и в дальнейшем возглавлял действие карателей против повстанцев.

Кыргызы, узнав о зверском убийстве своих посланцев и предательстве Абдурахмана Афтобачи, снова поднялись на решительную борьбу. К ним стали прибывать представители трудящихся, особенно кочевники из ряда районов ханства. В июне 1873 г. десятки тысяч кыргызских и кипчакских скотоводов, собравшиеся в Кирликке и Хазраты, двинулись в сторону Ферганы. Они без боя заняли Узген, являвшийся главным стратегическим укреплением Кокандского ханства для поддержки его власти над Алаем и Гульчой. Ханская казна, хранившаяся в этом укреплении, была захвачена участниками выступления, а представители ханской власти во главе с комендантом Алим-Кипчаком убиты¹. Это усилило уверенность восставших и несколько помогло им в материальном отношении. Повстанцы, вдохновленные первыми успехами, заняли укрепление Сук, военные гарнизоны которого были уничтожены. Восстание продолжало усиливаться и расширяться.

¹ ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.—34, д. 196, л. 27—28.

Худояр-хан, обеспокоившись не на шутку, отправил против восставших карательный отряд под предводительством своего брата — бека города Маргелан Мурат-бека. В столкновении с повстанцами этот отряд потерпел полное поражение, а его начальник спасся бегством. Увидев размах восстания и его успехи, около 3 тыс. (по некоторым сведениям, 5 тыс.) сарбазов тоже перешли на сторону повстанцев. 300 человек из ханских войск были взяты в плен. Восставшие без боя взяли Ош, Сузак, Булак-Баши, Уч-Курган и другие города и кыштаки, жители которых присоединились к восстанию, а беки и старшины спаслись бегством. Бек Булак-Баши, попавший в руки повстанцев, был казнен.

Получив сведения об успешных действиях восставших, Худояр-хан был очень напуган. Боясь остаться в Коканде, он переехал в Маргелан. Против повстанцев хан отправил многочисленные войска во главе с братом одной из своих жен — Абдурахманом Афтобачи, сановником Иса-Аулие и наманганским беком Шаумило. На этот раз Афтобачи не удалось обмануть восставших и приостановить их выступления. Между повстанцами и карательным отрядом произошел ряд серьезных столкновений. С обеих сторон имелись значительные потери убитыми и ранеными. В одном из столкновений Абдурахману Афтобачи удалось захватить в плен ряд кыргызов. Повстанцы, несмотря на свое плохое вооружение и неорганизованность, сражались храбро. В последней битве, происшедшей недалеко от Тюре-Кургана, Афтобачи и другие ханские сановники потерпели поражение, их войска разбежались, а они сами бежали в Тюре-Курган, оттуда — в Коканд. Вдохновленные этими успехами, восставшие заняли г. Андижан, население которого присоединилось к ним¹. Но вскоре они вынуждены были покинуть этот город.

Разрозненные выступления повстанцев охватывали все новые и новые районы ханства, особенно южную часть Кыргызстана. На борьбу против феодально-ханского гнета поднялись ичкилики, адыгине, тагай, мундуз, кушка, багыш, басым (каманы), карабагыш, кытай и некоторые другие кыргызские племена и роды, а так же значительная часть кипчаков и соседнее узбекское население.

Весною 1873 г. выступили кыргызские кочевники Андижанского вилайета. Во главе их стал 36-летний Мамыр Мергенов — выход-

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 196, лл. 27. 28.30;

дец из простого народа¹. Как свидетельствует архивный источник, Мамыр Мергенов, "не желая платить ханскому правительству податей, хотел силою отстоять это желание и, собрав шайку (отряд повстанцев — К.У.) кыргызов, произвел нападение на представителей ханской власти². В начале повстанцы, возглавляемые Мамыром, действовали успешно. Им удалось занять г. Ханабад³. Однако в битве, состоявшейся недалеко от Ханабада, повстанцы не смогли одержать победу над карателями, хотя нанесли им серьезный урон. Восставшие потеряли только убитыми 300 человек.

На поле боя осталось много раненых. Было и немало пленных, которых распределили между киштакми по 5—7 человек и варварски посадили на кол. По приказу Худояр-хана "убивали женщин и детей, беременным женщинам распарывали животы"⁴. Такие зверства карателей еще больше ожесточили повстанцев.

Преследуемая карателями, часть повстанцев (1700 семейства) бежала в высокогорные районы в Тогуз-Торо и Кетмень-Тюбе в пределах Токмакского уезда Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства, т.е. в пределах России⁵. Худояр-хан обратился к представителям колониальной власти с просьбой вернуть ему этих беженцев — кыргызов. Кроме того, Абдурахман Афтобачи пытался вернуть беженцев, одаривая ценными подарками их старшин. Часть повстанцев по рекомендации царских чиновников действительно вернулась. Но тут же она была ограблена ханскими чиновниками и вынуждена была бежать вновь туда, откуда она вернулась, особенно в Кетмень-Тюбе. Ханские чиновники успели взять в плен около 60 беженцев, которых томили в темных сырых сараях. Беженцы добровольно не сдавались. При столкновении с карателями с обеих сторон имелись значительные потери. Было убито 40 повстанцев и 15 ханских вояк.

¹ Мамыр Мергенов родился в 1838 г. Иногда его называли Мамыр-бача. См. Рапорт и.о. Туркест. генерал-губернатора генерала-лейтенанта Колпаковского от 21 сентября 1874 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 61, л. 61, л. 155 (302—К.У.).

² Докладная записка, адресованная на имя туркестанского генерал-губернатора от 5 января 1879 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 19, оп. I, д. 275, л. 24.

³ ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 31, д. 278, л. 43—46.

⁴ ЦГА Респ. Узб., ф. I, д. 278 а, л. 43—46.

⁵ Письмо кыргызов рода илеят племени мундуз на имя И.О. туркестанского генерал-губернатора Колпаковского от мая 1874 г. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 243 а, л. 27, ЦГИВА, ф. ВУА, д. 6868, л. 12.

Мамыр Мергенов с сотней верных ему повстанцев удалился на зиму в горы в восточной части ханства — в кочевья племени адыгине¹. К весне он перешел в урочище Тогуз-Торо с той целью, чтобы поднять местных кыргызов на общую борьбу против Худояр-хана, но без особого успеха. При этом он, принимая все меры к усилению борьбы против феодально-ханского гнета и привлечению к ней как можно больше своих сторонников, старался заручиться помощью и поддержкой России. Не случайно Мамыр весной 1874 г. обратился к туркестанской администрации с просьбой о принятии его в русское подданство². Однако на эту просьбу Мамыра царские местные власти, всячески поддерживающие Худояр-хана и его сторонников, ответа не дали. Поэтому Мамыр, преследуемый ханскими карателями, перешел в Кашгар, надеясь получить поддержку местного кыргызского населения в борьбе против кокандских правителей³. Он продолжал готовиться к новому, более мощному выступлению.

После Ханабадского боя восстали кыргызы племени адыгине, кочевавшие в горах, расположенных на востоке ханства. К ним присоединилась часть кипчаков. Однако их выступление не успело принять широкого размаха и вскоре было подавлено ханским карательным отрядом⁴.

Стихийные, разрозненные восстания продолжали вспыхивать в разных районах южной части Кыргызстана и на юго-востоке Кокандского ханства. Летом 1873 г. подняли восстание кыргызы-кутлуксейитовцы и найманцы. Во главе повстанцев стал Мулла-Искак Асан оглы, выдавший себя за внука Алим-хана Пулат-хана.

Мулла-Искак родился в 1844 г. в семье Хасана в кишлаке Ухне Маргеланского вилайета. Он был выходцем из кыргызского рода бостон племени ичкилик⁵. Его отец был служителем религии ислама. Он работал мударисом маргеланского "Ак-Мадраса" Мулла Искак после окончания сельского мектеби учился в Кокандском мадрасе — "Тумкатаре", а потом — Маргеланском "Ак-Мадрасе".

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 175—176.

² Рапорт И.О. туркестанского генерал-губернатора ген.-действ. Колпаковского от 21 сентября 1874 г. ЦГА Респ. Уз., ф.715 оп.1, д. 61, л.155 (302—К.У.).

³ Там же.

⁴ ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп. 31, д. 278, л. 43—46.

⁵ Из Самарканда. //Туркестанские ведомости, 8,24 февр. 1876 г.

Искак Хасан уулу Пулат-хан

душа не терпела оков религии и вскоре Мулла Искак навсегда расстался со службой по линии исламской религии. По торговым делам ему приходилось часто ездить в Ташкент. Здесь он познакомился со старым воином, сподвижником бывшего кокандского ляхкари Алымкула, кыргызом Кураминцом Абду-Мумыном Аталыком, который раньше кочевал на Чаткале и в 1867 г. поселился в Ташкенте. У этого Абды-Мумына в качестве работника остался жить Мулла Искак. Своими рассказами о смелых выступлениях против кокандских ханов Абду Мумын оказывал определенное влияние на Муллу Исака. "Вероятно,— пишет Н.П. Корытов, — рассказы Абду Мумына о Мусулманкуле, Алымкуле, о восстаниях кыргызов и кипчаков, потрясавших ханство и ставивших на престол своих ханов, произвели сильное впечатление на молодого Муллу Исака и породили в нем стремление к приключениям"¹. Существенное влияние на психологию Муллы Исака оказывали бесправное и рабское положение кыргызских и узбекских трудящихся, их нищета и жалкое существование, а также недовольст-

Однако Мулла Искак не хотел стать служителем ислама и не послушал своего отца. В 1867 г. Мулла Искак, оставив учебу, поселился в кочевьях своего рода вблизи киштака Соха (по некоторым данным Сох), а в 1869 г. переехал в родной киштак Ухне.

Его больше тянуло в гущу народа. Беспокойного и любознательного Муллу Искак интересовала жизнь рядового кочевника и трудового дыйкана, а также городских низов.

Вскоре он поселился в г. Андижан. Здесь, как и в киштаке ухне, некоторое время работал имамом и од-

новременно занялся торговлей табаком. Но его живая

¹ Корытов Н.П. Самозванец Пулат-хан. //Ежегодник Ферганской области. Новый Маргелан. Вып. 1902. —С. 20

во и возмущение народных масс, особенно решительность трудового населения бороться против насилия и произвола кокандского хана и его чиновников. Возможно, Мулла Искак обратил свое внимание на наивное царско-монархическое настроение забитого, темного отсталого населения, т.е. на нереальное желание угнетенных добиться свободы с помощью "хорошего" и "справедливого" хана.

В самом деле, пытаясь избавиться от кокандского гнета путем свержения жестокого и алчного Худояра и провозглашения на его место более "справедливого" хана, в 1872 г. представители кыргызов во главе с Шердатхой приехали в г. Самарканд, где в одном из мадрасе проживал внук Алим-хана — Пулат-бек и вошли с ним в тайное соглашение. Они предложили Пулат-беку ехать с ними в наманганский вилайет и там объявить себя ханом, ручаясь ему за полную поддержку кыргызов. Но тот отказался. Указанные представители на обратном пути заехали в Ташкент, где и рассказали Абду-Мумыну о своей неудаче в попытке найти "справедливого хана". Эти разговоры слушал и Мулла Искак. Через своего хозяина он предложил себя под именем Пулат-хана вместо внука Алим-хана. Мулла Искак изъявил полное желание, на что депутаты с радостью согласились¹. Кстати, как подчеркивается в некоторых источниках, по внешности Мулла Искак был на редкость похож на настоящего Пулат-хана². Возраст Муллы Искака также соответствовал возрасту Пулат-хана. Все это благоприятствовало тому, что Искак выдал себя за сына Аталык-хана, внука Алим-хана — Пулат-хана и смог возглавить борьбу народных масс против власти Кокандского хана Худояра и его чиновников.

Вскоре новоявленный Пулат-хан в сопровождении более 200 вооруженных кыргызов появился на Чаткале, население которого готовилось к решительному выступлению против феодально-ханского режима. Жители, в том числе и аксакалы Чаткала и ближайших к нему кишлаков: Ала-Буки, Ак-Тама, Наная, Кук-яра, Мамая, Сафит-Булана и ряда айлов, признали Пулата ханом, изъявив желание выступить против несправедливого Худояра и его чиновников, чинивших над ними голый произвол и насилие³.

В общей сложности многие детали биографии Муллы Исхака остаются неизвестными, некоторые приобрели, видимо, апокрифический характер, особенно когда он рисуется в облике народного героя и ставленника масс.

Мулла Искак и Пулат-хан. Местом рождения Пулат-хана, по мнению некоторых исследователей, является село Чаткала. (Указание на это сделано в письме начальника Заравшанского отдела Абрамова А. На имя и.о. туркестанского ген.-губернатора от 6 января 1876 г. ЦГА Респ. Уз., ф.715, оп.1, д. 66, л.63.)

¹ Корытов Н.П. Указанная работа. — С. 20—22.

² Письмо начальника Заравшанского отдела Абрамова А. На имя и.о. туркестанского ген.-губернатора от 6 января 1876 г. ЦГА Респ. Уз., ф.715, оп.1, д. 66, л.63.

³ Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886. — С.213; Павлов Н. История Туркестана. — М., 1910. — С.174.

Восставшие заняли кыштаки Ахмат, Нанай и Кук-Яр, жители которых присоединились к ним. Восстание быстро разрасталось. Его поддерживало и местное узбекское трудовое население, изнемогавшее под гнетом хана и сановников. Повстанцы приближались к городу Намангану. Против них был направлен карательный отряд во главе с беком названного города. Но не решаясь сразиться с многочисленными восставшими, этот отряд два дня стоял в кыштаке Сафит-Буляне. Тем временем повстанцы напали ночью на его позиции между Сафит-Буляном и Ала-Букой и нанесли ему значительный урон. На следующий день карательный отряд вынужден был вступить в сражение. Он двигался на реку Ала-Бука, занятую повстанцами. Последние вышли навстречу ханским войскам. В нескольких верстах от Ала-Буки они встретились. Их разделял широкий овраг с обрывистыми берегами. Обе стороны оглашали воздух неистовыми воинственными криками, по вечерам раздавались ружейные выстрелы, но ни те, ни другие не решались перейти овраг. Наконец, участникам восстания это надоело, и часть их стала спускаться в овраг. "При виде такой отваги беки одними из первых пустились наутек, за ними бежали их войска", кыргызы бросились в погоню, догнали задних и перебили их". В этой битве карательный отряд был разбит. Повстанцы заняли кыштаки Кукумбая и Юмалах-Шейха¹, жители которых перешли на сторону повстанцев.

Однако повстанцы не смогли действовать более организованно и закрепить свои успехи. Вскоре они потерпели поражение в бою с карательным отрядом, посланным Худояр-ханом из городов Намангана, Тюре-Кургана и Яны-Кургана. После поражения Пулат-хан бежал на Чаткал. Для его поимки был послан карательный отряд. Но Пулат-хану удалось благополучно спастись от преследования. С ним находилось несколько сот повстанцев. Ханский карательный отряд подверг жестокому грабежу кыргызские айлы, жители которых принимали участие в восстании.

Почти одновременно с кутлук-сейтовцами и найманами восстали кыргызы, кочевавшие к северу от Намангана, которые разбили ханский отряд, возглавляемый беком Гадайбаем и приблизились к

¹ См. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886. — С. 214—215.

городу Намангану. Но затем тоже потерпели поражение в борьбе с карательным отрядом¹.

Вскоре восстали кочевники Ляйляка. Поводом к нему послужило следующее. К жителям Ляйляка явились ханские сборщики податей и потребовали от них уплаты зякета. Ляйляковцы обратились к начальнику зякетчей с просьбой предоставить им семидневный срок для уплаты налога. Последний не только не удовлетворил эту просьбу, но, наоборот, угрожал донести о них хану, как о непокорных бунтовщиках. Этот ханский чиновник приказал своим джигитам разогнать толпу людей, собравшихся вокруг него. Джигиты начали бить невооруженных людей. Последние, не выдержав насилия ханских сборщиков, убили самого начальника зякетчи и четырех его охранников². Все имущество и скот, отобранные зякетчиками у местного населения, были вновь возвращены дыйканам.

Как всегда, Худояр-хан отправил карательный отряд с приказом жестоко наказать бунтовщиков. В состоявшемся столкновении повстанцы одержали победу. Тогда взбешенный хан послал более сильный отряд из 1000 сарбазов под начальством Абдурахмана Афтобачи. Последний не решился вступить в открытый бой с восставшими, число которых превосходило его войско в несколько раз. Он рассчитывал подавить восстание хитростью. С этой целью Афтобачи вступил с восставшими в переговоры, уверял их в своем сочувствии их делу и уговаривал разойтись, обещая наладить дело мирным путем. Повстанцы, наивно поверив ему, стали разъезжаться по аилам. Этого только и ожидали каратели, которые бросились на разобщенных восставших и разбили их. Около 400 человек были взяты в плен и привезены в Коканд, где их казнили.

Во второй половине 1874 г. разрозненные выступления кыргызов продолжались в разных районах южной части Кыргызстана, нередко распространяясь на территорию Узбекистана, особенно Ферганы. На восстание поднялись скотоводы, кочевавшие на юге Ляйляка, в местности Кияксай. Четыре тысячи человек под руководством Мамырбая напали на крепость, расположенную недалеко от города Андижана. Но это выступление не увенчалось успехом.

¹ Наливкин В. указанная работа. — С.213—215.

² ЦГА Респ. Узб., ф. I, т. 34, 243 а, л. 19.

В мае 1874 г. восстали 5-6 тыс. кыргызов, кочующих в Кара-Кульдже. Предводимые Мамыром Мергеновым, они заняли кыштак Базар-Курган, расположенный в 8 верстах от Андижана. Повстанцы пытались взять г. Андижан, но не смогли. Против них был направлен карательный отряд из 2 тыс. сарбазов¹. Ему удалось подавить это выступление и захватить сотни пленных, а так же немало лошадей и разных трофеев. Предводитель повстанцев Мамыр вынужден был бежать в русские владения — на урочище Капка, где 15 июля 1874 г. по просьбе Худояр-хана был схвачен токмакским уездным начальником, боявшимся распространения народного восстания, и отправлен в Лепсинскую станицу, под надзор властей с целью "удалить его от очага восстания и отнять у него вместе с тем возможность подбивать наших (подданных России—К.У.) кыргыз к вмешательству в кокандские беспорядки"². В начале 1877 г., т.е. только через три с половиной года Мамыр Мергенов по ходатайству его матери был переведен в Андижанский уезд и то "с учреждением негласного над ним надзора"³.

В июле 1874 г. вновь восстали кочевники Чаткала. Во главе восстания стали Мусулманкул, родственник бывшего ляхкари—главнокомандующего ханскими войсками Алымкула, Мумын Шамурзаков и Пулат-хан. Как подчеркивается в источнике, в июне указанного года "инсургенты (восставшие—К.У.) переманили к себе Мумына с целью употребить его (русского подданного из Кураминского уезда—К.У.) в случае успеха при переговорах с русскими властями, с которыми они надеялись быть в хороших дружественных (разрядка наша—К.У.) отношениях"⁴. Повстанцы в количестве до 10 тыс. человек двинулись из Чаткала вниз через ущелье Алабуки по направлению г. Касан. К ним присоединились кыргызские роды кытай и другие. Число участников выступления значительно увеличилось. Они приближались к Касану. Повстанцы взяли в плен

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 243 а, лл. 20, 21, 62.

² Рапорт И.О. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Колпаковского от 21 сентября 1874 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 61, л. 155 (302).

³ Докладная записка, адресованная на имя туркестанского генерал-губернатора от 5 января 1879 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 19, оп. I, д. 275, л. 24.

⁴ Указанный рапорт Колпаковского ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 61, л. 115 (302), Мумын Шамурзаков родился на Чаткале в семье простого кочевника—кыргыза. В 1867 г. он принял русское подданство и поселился в Кураминском уезде. (там же).

сборщика податей Амлякдара и некоторых других ханских чиновников. Беки крепостей Чартак и Янги-Курган пытались приостановить наступление восставших у киштака Сафид-Булана, в 15 верстах от своих крепостей. Здесь было сосредоточено 400 человек, которые не могли противостоять повстанцам, превосходившим по численности во много раз. Восставшие действовали решительно. 1 августа "Кыргызы, — сказано в архивном документе, — напали на кокандцев и отбросили их обратно в укрепления"¹. Имелись значительные потери как со стороны восставших, так и со стороны осажденных. Кыштак Сафид-Булан, крепости Чартак и Яны-Курган были взяты повстанцами. Последние без боя заняли и г. Касан, начальник которого бежал в Тюре-Курган, расположенный недалеко от Намангана. Жители указанных киштаков и г. Касана становились на сторону восставших².

Все это не на шутку беспокоило Худояр-хана и его чиновников, больше всего боявшихся народного восстания. На следующий же день, т.е. 2 августа 1874 г., кокандский хан направил против восстания все свои военные силы из 7000 кавалеристов во главе с главным командующим Абдурахманом Афтобачи и высшим ханским сановником — беком г. Шахрихана Иса-Аулие. Сражение состоялось у г. Тюре-Курган. Несмотря на свое численное превосходство, плохо вооруженные и неорганизованные отряды восставших были разбиты. Большие жертвы имелись с обеих сторон. Несколько сот повстанцев попало в плен. Мусулманкул был убит, Пулат-хан с остатками повстанцев бежал в горы в северо-западную часть ханства, а Мумин Шамурзаков возвратился на Чаткал³.

На урочище Кызыл-Тогай, в горах севернее Намангана, остатки разбитых восставших пытались дать отпор преследовавшим их карателям. Но здесь они были окончательно разбиты сравнительно хорошо вооруженным, регулярным карательным отрядом.

По просьбе кокандского хана военный губернатор Сыр-Дарьинской области усердно старался посадить за решетку одного из руководителей восстания Мумына Шамурзакова. Однако исполнить это оказалось не просто, ибо Мумин не собирался сдаваться

¹ Рапорт И.О. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Колпаковского от 21 сентября 1874 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.61, л.156 (303).

² Там же.

³ Там же, д.61, л.155—156 (302—303). ЦГВИА, ф.ВУА, д.6868, лл.176—177.

без боя. Он скрывался в Чаткальских горах, в труднодоступном урочище Таш-Суниян. Причем вместе с ним находились до 1000 юрт повстанцев, которые были полны решимости продолжать восстание. Мало того, к ним прибывали представители трудового населения из других районов, решившие стать под знамя борьбы против феодально-ханского гнета. Военный губернатор Сыр-Дарьинской области, руководивший поимкой названного руководителя восстания, в своем рапорте от 21 сентября 1874 г. подчеркивал: "Около Мумыне находится большое количество народа, и без драки нельзя взять Мумына"¹.

Не случайно этот высокопоставленный царский чиновник решил взять Мумина в плен путем обмана. С этой целью он отправил на Чаткал несколько представителей феодальной знати, занимавших в Алуие-Атинском уезде должности волостных управителей и баев. Их сопровождала группа казаков во главе с царским офицером. Им было дано указание: "Войти в сношение с Мумыном и убедить его прибыть в Алуие-Ата"². Эти люди, прибыв в Чаткал, послали своих джигитов с письмом к Мумыну. Они приглашали его к себе, обещая ему покровительство царских местных властей. Но Мумын, не доверяя им, отказался от их предложения. Тогда на следующий день к Мумыну явились четыре влиятельных лица из числа посланников царской местной власти. Все-таки удалось уговорить Мумина прибыть на урочище Идрыс-Байгамбар, где должна была состояться встреча и переговоры с представителями царской власти. Мумын, наивно поверив этим представителям, явился на условленное место. Здесь 24 августа он был арестован и доставлен в г. Алуие-Ата, где его заключили в тюрьму. Мумын Шамурзаков подвергся жестокому наказанию "за принятие участие в восстании кокандских кыргызов"³. Нельзя было ожидать других поступков от цар-

¹ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп. I, д.61, л.158—159 (305—306). Уместно заметить, что подобного рода примеры отчетливо свидетельствуют, что колониальной администрации, естественно, было свойственно стремление к сохранению ханской власти, несмотря на явную очевидность допускавшихся ею злоупотреблений и насилии. Задача сводилась лишь к тому, чтобы как и во всем Туркестане держать ханство в зависимости от царской власти.

² Там же.

³ Рапорт И. О. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Колпаковского от 21 сентября 1874 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп. I, д.61, л.156 (303).

ских чиновников, поддерживающих власть кокандского хана, ставшего к этому времени официальным вассалом России.

Как видно из изложенного, в рассматриваемый период душителями восстания являлись войска кокандского хана. Что касается царской колониальной власти, то она выступила как покровитель кокандского хана и поддерживала его, оказывая ему определенную помощь в подавлении народного восстания.

Ханские карательные отряды действовали против восставших с неслыханной жестокостью. Они грабили и сжигали кыргызские айлы и кишлаки. Особенно варварскому грабежу и убийству подвергались кыргызы, кочующие по течению рек Алабука, Урюкты и Касан¹. Каратели убивали почти всех, кто им встречался. Они не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Число одних только повешенных составило почти 1000 человек. Как видно из архивных документов, "За неимением виселиц вешали на деревьях"². Капитан Бессонов, проезжая спустя более двух месяцев по местности, где действовал ханский карательный отряд, видел болтавшиеся на деревьях трупы, покинутые дома и остатки сожженных юрт³.

Имущество и скот повстанцев были разграблены карателями. Ханские войска, производя погромы и оставляя дымящиеся айлы и кишлаки, с огромной добычей — скотом и имуществом — возвращались в столицу ханства в г. Коканд. За жестокое подавление выступление трудящихся кыргызов, кипчаков и узбеков Абдурахман Афтобачи был пожалован Худояр-ханом высоким титулом "парваначи". Однако кровавые действия ханских карателей не могли сломить свободолюбивый дух повстанцев и всего кыргызского народа. Наоборот, они ожесточили коренное население против тех, кто принес ему неисчислимые бедствия. Но с наступлением зимы, лютых морозов и закрытием горных перевалов кочевники вынуждены были временно прекратить активные действия. Они начали готовиться к более решительной борьбе за свою свободу.

Кончился первый этап восстания, имевший некоторые свои особенности, о чем скажем ниже. Здесь лишь отметим, что рассматриваемый период восстания продолжался около полутора лет. Высту-

¹ См: Наливкин В. Указанная работа. — С.215.

² ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. I, д. 278, л. 43—46; оп. 31, д. 278, лл. 1—11.

³ Там же, оп. 31, д. 278, л. 11—16.

пления повстанцев носили локальный и стихийный характер. Они возникали то в одном то в другом районе южной части Кыргызстана. Восстание имело широкий размах и отличалось своей массовостью. В нем принимали участие 42 кыргызских рода, составлявшие 132500 юрт¹, т.е. все население южных районов Кыргызстана. Нередко число участников выступления достигало 10 тысяч и более человек. Восстание охватило широкие слои трудящихся. Его движущую силу составляли кыргызские скотоводы и земледельцы, томившиеся под двойным гнетом. Выступлением трудящихся руководили выходцы из народа. Правда, в восстании принимали участие некоторые представители феодальной знати, по-своему недовольные ханской властью Коканда. Но они не имели такого влияния, как на втором этапе восстания.

На первом этапе восстание носило ярко выраженный народно-освободительный и антифеодальный характер. Его причиной являлся феодально-ханский гнет кокандского правителя и его чиновников. Острые выступления повстанцев было направлено против господства Кокандского ханства. Участники восстания захватывали кокандские крепости, находившиеся на юге Кыргызстана, разрушали их, уничтожали представителей ханской власти.

Хотя на первом этапе восстание имело широкий размах, но оно ограничивалось рамкой южных районов Кыргызстана и лишь отчасти, да и то редко, перекидывалось на территорию Узбекистана. И в 1873—1874 гг. узбекские трудящиеся, обездоленные и разоренные кокандскими ханами и их чиновниками, сочувственно и с симпатией относились к восставшим кыргызам. Они оказывали им возможную помощь и поддержку, а в ряде случаев принимали активное участие в их выступлениях. Этого не могли отрицать даже высокопоставленные чиновники, следившие за ходом восстания и поддерживающие кокандского хана, против которого боролись повстанцы. Вот что сказано по этому поводу в секретном рапорте туркестанского генерал-губернатора от 31 июля 1873 г.: "Очень сомнительно, чтобы Худояр-хан нашел много сторонников, так как и оседлое (узбекское — К.У.) население ожесточено против него

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп.31, д.320, л.10—11. Заметим, что на наш взгляд здесь значительно преувеличено число юрт участников восстания. Ибо, если считать, что каждая семья (юрта) в среднем состояла из 5 человек, то в 132500 юртах имелось 662500 людей. Ведь на юге Кыргызстана тогда не насчитывалось столько кыргызов.

сильными поборами, которые с каждым годом увеличиваются, и доброжелательно смотрит на возникшие беспорядки”¹, т.е. восстание кыргызов. В рапорте генерал-лейтенанта Колпаковского от 10 июня 1874 г. подчеркивается: ”Кипчаки и кара-кыргызы, старые враги ханской власти в Коканде, нашли себе союзников в среде населения городов и даже между приближенным властителя Коканда”². А 21 сентября 1874 г. этот царский чиновник, подтверждая свое предположение, писал: ”Волнение между кочевниками (кыргызами—К.У.) нашло себе отголосок и в среде оседлого (узбекского—К.У.) народонаселения, недовольного жестокими и чрезмерными поборами хана”³. Поддержка восставших кыргызов узбекским трудовым населением еще ярче видна из секретного донесения того же Колпаковского от 4 сентября 1874 г. В нем читаем: ”В городах Коканде и Андижане сильные волнения. Ожидают только прихода кыргызов, чтобы присоединиться и свергнуть Худояр-хана”⁴. Подобные же сведения содержатся в рапорте царского чиновника Вейнберга⁵ и других официальных архивных документах⁶. Итак, на первом этапе восстания, вопреки желаниям феодальной знати и несмотря на политику правителей Кокандского ханства и местных феодалов, разжигавших национальную вражду между братскими народами, проявилась солидарность трудящихся кыргызов и узбеков, которая сплачивала и объединяла трудовое население в борьбе за социальную и национальную свободу.

И на этом этапе восстание находило поддержку со стороны кыргызов, находившихся под властью царской России. Бывали случаи, когда их представители принимали участие в открытых выступлениях повстанцев. И.о. туркестанского генерал-губернатора ген.-лейтенант Колпаковский больше других чиновников был осведомлен о данном восстании и с тревогой подчеркивал: ”Постоянные волнения в ханстве отзываются и на жизнь кыргызов, кочующих на границе Коканда. Многие из них — выходцы из ханства, недавно перешедшие в наши пределы, имевшие родственников, родовичей в

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 31, д. 196, л. 1—8; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 174.

² ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 60, л. 197.

³ ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 61, л. 154 (301).

⁴ Там же, ф. I, оп. I, д. 278, лл. 26—30.

⁵ Там же, ф. 715, оп. I, д. 61, л. (документ) 331.

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 174; ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 346, л. 119 и др.

Коканде, частые отношения неизбежны, а так как в ханстве беспорядки не перестают уже второй год, то и наши кыргызы находятся постоянно в каком-то напряженном настроении. Со вниманием следя за успехами и неудачами их родовичей в соседнем ханстве, иногда они сами принимают участие в инсurreкционном движении”¹. Этот высокопоставленный царский чиновник, боявшийся распространения народного восстания на подвластной ему территории, имел полное основание беспокоиться. Ибо, не говоря об обычном участии, такие русские подданные, как Мумын Шамырзаков из Кураминского уезда, стали руководителями отдельных выступлений повстанцев. Мало того, восстание действительно могло распространиться на соседние районы, находившиеся в составе России, как это случилось на втором его этапе.

На данном этапе восстания, несмотря на то, что царские колониальные власти открыто поддерживали ненавистного народу кокандского хана и окружающую его феодальную верхушку, проводили враждебную народу политику, преследовали некоторых руководителей вышеуказанных выступлений, повстанцы старались “быть в хороших и дружественных отношениях” с русскими². В этом именно и состояла одна из особенностей первого этапа восстания 1873—1876 гг.

Кыргызские трудящиеся, борясь против господства Кокандского ханства, видели, что силы не равны, что необходима помощь извне. Поэтому они искали покровительства, поддержки и помощи у России, изъявили желание принять русское подданство³. В этих целях участники восстания неоднократно обращались к русским властям⁴, но не могли добиться положительного ответа.

Об ориентации восставших на Россию, об их симпатиях к русскому народу ярко свидетельствует тот факт, что тысячи повстанцев со своими семьями, спасаясь от жестокостей ханского карательного отряда, переходили в те районы, которые находились в

¹ Рапорт И.О. турк. генерал-губернатора генерал-лейтенанта Колпаковского от 21 сентября 1874 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.61, л.154—155 (301—302).

² Там же, л.155 (302).

³ Об этом более подробно говорится в наших специальных работах “К вопросу о присоединении Южной Киргизии к России” //Труды Института истории АН Кирг. ССР, вып.1, 1955; Присоединении Южной Киргизии к России.—Ф., 1960.

⁴ Там же.

составе России. Так, после Ханабадского поражения, летом 1873 г. 1700 юрт восставших перекочевали в Кетмень-Тюбе и Тогуз-Торо Токмакского уезда¹. Осенью того же года 800 (по некоторым данным более 1000) семейств восставших кыргызов переселились с юго-востока Андижанского вилайета в Аулие-Атинский уезд². Однако весной 1874 г. по просьбе Худояр-хана царская администрация вернула этих беженцев обратно на прежние места жительства в ханстве³. Как и следовало ожидать, при появлении же на своих родных местах "они были разграблены" ханскими сарбазами во главе с Ахмадбеком Батыр башием. Поэтому часть повстанцев, пытаясь найти спасение в русских пределах, опять возвратилась в Токмакский уезд⁴. Но им не разрешили оставаться здесь долго.

Вообще царские колониальные власти давали отрицательные ответы на все просьбы восставших кыргызов, как об оказании им помощи и покровительства, так и о принятии их в русское подданство. Это объясняется боязнью царской власти народного восстания, которое в то время происходило во владениях Кокандского ханства и могло быть направлено не только против феодально-ханского гнета, но и против его покровителя и защитника — правительства России. Сравнительно немногочисленные военные силы колониальной власти буквально тонули в массе населения Средней Азии и Казахстана. Вот почему усилия колониальной власти направлялись на оказание поддержки кокандскому хану в подавлении рассматриваемого восстания. Об этом красноречиво говорит тот факт, что туркестанский генерал-губернатор Кауфман искренне обрадовался, получив известие об успехах ханского карательного отряда над восставшими. Он поспешил поздравить кокандского хана с победой. Вот что сказано в его письме, адресованном на имя Худояр-хана от 8 октября 1874 г.: "Для меня было весьма приятно узнать, что смута и беспорядки в подвластной вам стране, как кажет-

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп. 34, д. 196, л. 70; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 174; ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 61, л. 154 (301).

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 12; ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 61, л. 154 (301).

³ Рапорт И.О. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Колпаковского от 21 сентября 1874 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 61, л. 154—155 (301).

⁴ Рапорт И.О. туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Колпаковского от 21 сентября 1874 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 61, л. 154—155 (301).

ся, совсем прекратились. Искренне желаю, чтобы не повторялось подобное положение дел»¹.

Следует отметить, что в рассматриваемый период царская власть хотела такого положения дел, при котором Кокандское ханство, сохраняя тень "независимости", являлось бы, в сущности, колонией России. Для осуществления этой цели царское правительство опиралось на Худояр-хана, который стал фактически марионеткой в руках туркестанского генерал-губернатора. Этим, собственно, и объясняется враждебность колониальной власти к восставшим и ее поддержка Худояр-хана и его придворной феодальной верхушки.

Генерал К.П. фон-Кауфман

В свою очередь, Худояр-хан и его приближенные, видя силу царской России, тянули свои руки к русскому самодержавию с тем, чтобы сохранить внутри ханства свое господствующее положение. Это объясняется тем, что хан боялся нарастающей борьбы против его власти трудящихся масс подвластных ему узбеков, кыргызов и таджиков. 29 января 1868 г. Худояр-хан вынужден был подписать торговый договор, предложенный ему туркестанским генерал-губернатором фон Кауфманом².

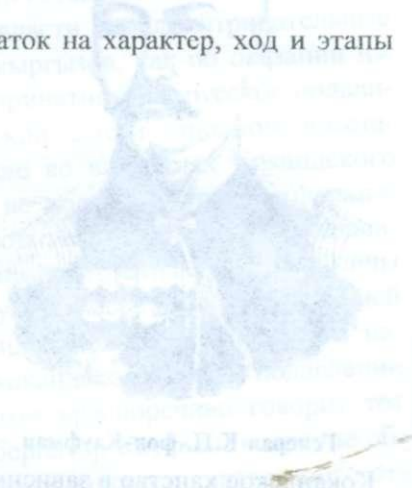
Этот договор фактически ставил Кокандское ханство в зависимость от царского правительства, а его правителя—вассалом туркестанского генерал-губернатора. Об этом может свидетельствовать заметка, помещенная на страницах то-

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп.34, д.346, л.117.

² В 1867 г. Туркестанская область, возникшая в 1865 г., была преобразована в Туркестанское ген.-губернаторство с центром в Ташкенте, которое состояло из двух военных губернаторств: Сыр-Дарьинского и Семиреченского, куда входила северная часть Кыргызстана. В состав Туркестанского ген.-губернаторства входили все земли, приобретенные за счет Кокандского ханства и Бухарского эмирата. Царское правительство предоставило туркестанскому ген.-губернатору, одновременно являвшемуся и командующим войсками в Туркестане Кауфману, право непосредственно вести переговоры со среднеазиатскими ханами, объявлять им войну и заключить мир.

гдашней газеты "Русский инвалид". В ней читаем: "Худояр-хан понял, что его существование всецело зависит от русского могущества, и поэтому о своих действиях, как внешних, так и внутренних, он доносит туркестанскому генерал-губернатору и спрашивает его соизволения"¹. Он всячески старался проявить рабскую преданность перед своим покровителем — колониальной властью, послушно исполняя любое его желание. В 1869 г. за эти заслуги хан был пожалован титулом "высочества" и орденом Станислава I-степени с бриллиантовой звездой². Но кокандскому хану были важны не награды царского правительства, а его покровительство и помощь в подавлении народных восстаний. И царская власть, боявшаяся не меньше хана выступлений трудящихся, не скупилась на поддержку и помощь последнему в этом случае.

Все это накладывало свой отпечаток на характер, ход и этапы изучаемого восстания.

¹ Корреспонденция из Ташкента. —Русский инвалид, 1870, № 62, см.: Туркестанский сборник, т.40. —С.78.

² ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп.34, д.346, л.101.

ГЛАВА III

Борьба трудящихся против кокандских ханов и их покровителя — царской власти в 1875—1876 гг.

В середине 1875 года вновь вспыхнуло широкое народное выступление в ханстве. Оно охватило все ханство и подвластные ему районы, населенные узбеками, кыргызами и таджиками. В исторической литературе это выступление получило название "Кокандского восстания", что не совсем соответствует его содержанию, размаху и масштабу. Оно, как и предыдущие выступления, было вызвано резко усиливающимся феодально-ханским гнетом. Дело ухудшалось тем, что к этому времени, не говоря о подвластных Коканду обширных районах, в том числе в Семиречье, населенном казахскими и кыргызскими кочевниками, значительная часть территории Кокандского ханства отошла в состав России. Теперь алчущий Худояр-хан пытался получать ранее поборы и подати разложить на оставшуюся под его властью часть населения. Увеличение налогового гнета ложилось тяжелым бременем на плечи трудящихся и вызывало выступление узбекского, кыргызского и таджикского народов в 1875—1876 гг. Очевидец этого восстания, известный востоковед, изучавший историю Кокандского ханства, А. Кун отметил, что "...Август 1875 г. и последующее время показало, как глубоко пустила корни болезнь всеобщего недовольства против хана и его приближенных, душивших народ непомерными налогами, взяточничеством, насилием и т.п. действиями. Кокандское ханство и до сих пор (январь 1876 г.—К.У.), как известно, охвачено внутренними беспорядками"¹. В.Г. Котельников, интересовавшийся историей Ферганы, где проходило это восстание, подчеркивал: "Народное чувство было слишком сильно оскорблено несправедливостью, и в конце лета 1875 г. всеобщее недовольство против хана и его приближенных, душивших народ непомерными налогами, взяточничеством, насилием и т.п. действиями, наконец, опасения ежеминутной смерти выразились открытым поголовным восстанием

¹ Кун А. Очерк Кокандского ханства. 1876. —С.1. //Известия русского географического общества, т.ХП. —СПб, 1877. —С.59.

столицы и низвержением правительства Худояр-хана”¹. Периодическая печать того времени также обратила внимание на то, что выступление 1875—1876 гг. было вызвано крайне деспотическим, суровым управлением хана Худояра”². Даже такой высокопоставленный царский чиновник, как генерал-адъютант фон Кауфман, не мог отрицать истинную причину данного восстания. В одном из его рапортов интересующего нас времени читаем: ”В зиму 1874—1875 гг. недовольство на хана увеличивалось и наконец к весне 1875 г. охватило все население ханства не только кочевое, но и оседлое. В восточной части ханства снова собирались кипчаки и кыргызы”³. Однако и приведенные данные в достаточной степени свидетельствуют об основных причинах этого восстания.

Волнение, быстро переходившее в открытое выступление против ханско-феодалного гнета, возникло в начале июня 1875 г. в районах Узгена и Ляйляка. Во главе его стояли Мулла Исака Асан оглы, ”служивший знаменем прошлогоднего (1874 г.—К.У.) восстания на Чаткале”⁴, и выступивший под именем Пулат-хана — племянника Худояр-хана. Выступление приняло широкий размах и охватило всю юго-восточную часть ханства, особенно южные районы Кыргызстана. Такому размаху восстания способствовали повсеместное и всеобщее недовольство трудящихся масс края.

Худояр-хан бросил против восставших свои основные военные силы, возглавляемые Абдурахманом Афтобачи, Иса Аулие и Хал-Назаром Ишик Агасы. Против восстания также было отправлено из Андижана 5000 человек под начальством старшего сына Худояра Наср Эддина с артиллерией. 17 июля эти ханские карательные отряды перешли на сторону восставших. Увидев широкий размах и численное превосходство повстанцев, к последним присоединились и начальники этих карательных отрядов, преследовавшие свои корыстные интересы и пытавшиеся использовать восстание в личных целях.

¹ Котельников В.Г. Ферганская область. — Живописная Россия. Т.Х. Русская Средняя Азия. — СПб, 1885. — С.208—209.

² Краткий очерк военных действий против кокандцев.//Военный сборник, № 12, 1875. — С.114.

³ ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп.34, д.346, л.126.

⁴ Донесение коллежского советника Вейнберга от 19 июля 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.I, д.63, л.137 (44)—(308).

Повстанцы заняли Ош, Наманган, Андижан, Ассак и другие города, жители которых присоединились к ним. Они приблизились к г. Маргелану, который вскоре заняли. Правитель этого города, брат Худояр-хана Мухаммед Алим-бек, с 4000 войском присоединился к восставшим¹. Теперь восставшие приближались к столице ханства г. Коканду, в котором нарастало волнение против Худояра и окружающей его феодальной верхушки. Царский чиновник — коллежский советник Вейнберг, в то время находившийся в г. Коканде и пытавшийся открыто защитить со своим отрядом Худояр-хана, подчеркивал, что "...известие о приближении инсургентов сильно повлияло на жителей. Волнение в городе все усиливалось. Хан не мог рассчитывать на симпатии народа. В городе оставаться нам (имеется в виду и Худояр-хан — К.У.) было невозможно вследствие возбужденного состояния народа"². Другой высокопоставленный представитель царской колониальной власти — военный губернатор Сыр-Дарьинской области в своем рапорте от 19 июля 1875 г. с тревогой отмечал: "Все ханство, от центра до окраин, охвачено пламенем восстания"³. Действительно, восстало все трудовое население Кокандского ханства и некоторых районов, находившихся в составе Туркестанского генерал-губернаторства.

Худояр-хан, еще до этого трижды низвергнутый и выгнанный из страны⁴, получив грозные вести о всеобщем восстании, в страхе растерялся и не мог принять каких-либо мер. Коллежский советник Вейнберг, находившийся в те дни вместе с ханом в Коканде, отметил, что "Худояр-хан совершенно упал духом, окружил себя дуванами (дервишами—К.У.) и постоянно гадает. Он не надеялся ни на окружающих его, ни на кокандский гарнизон и думает обратиться за помощью к вашему высокопревосходительству"⁵, т.е. туркестанскому генерал-губернатору Кауфману.

¹ Донесение коллежского советника Вейнберга от 19 июля 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.63, л.136—307 (43), 137—308 (44), 138 (47)—(311); *Макиев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. — С. Петербург, 1890. — С. 329—330.

² ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.63, л.85—86.

³ ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп.34, д.272, л.7.

⁴ Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана от 14 ноября 1872 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.53, л.177.

⁵ Донесение коллежского советника Вейнберга от 19 июля 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп.1, д.63, л.137 (44).

Ненавистный народу хан, лишившись основной части своих войск и не имея поддержки даже со стороны окружающих его лиц и близких, не мог подавить восстание теми, весьма незначительными силами, которыми он располагал. В этих условиях хан искал помощи и спасения у своего покровителя — царской колониальной администрации. 20 июля он обратился к туркестанскому генерал-губернатору Кауфману с письмом, в котором слезно умолял спасти его от народной кары. "В эти трудные и злосчастные времена, — говорится в данном письме, — люди, которых я считал верными и надежными... с войсками перешли на сторону моих врагов-бунтовщиков кыргызов и, соединившись с ними, пошли на меня войной. Так как я от Вашего высокопревосходительства видел уже много дружбы и расположения, то надеюсь, что и на этот раз Вы не оставите меня действительно помощью и поддержкой. Отдаю себя и Кокандское ханство под могущественное покровительство Его Величества Государя императора и обращаюсь к Вам с дружественной просьбой, благоволить приказать направить в г. Коканд русское войско с артиллериею возможно скором времени, дабы замыслы мятежников не осуществились"¹. Ввиду усиления натиска со стороны повстанцев и всеобщего волнения жителей г. Коканда царский чиновник Вейнберг, находившийся в те дни у Худояр-хана, того же 20 июля обратился к Сыр-Дарьинскому военному губернатору с просьбой срочно прислать в г. Коканд батальон войск². Но ни Худояр, ни Вейнберг не успели получить ответа на свои письма. Между тем их положение резко ухудшалось. Они не могли больше оставаться в столице ханства, где бурно нарастали возмущение, гнев и волнения трудовых горожан. На Худояр-хана и его вельможей особенно наводило страх приближение восставших, которых с нетерпением ждали трудящиеся столичного города.

22 июля Худояр-хан с семейством, состоявшим из 70 лиц женского пола, 500 приближенными вельможами, с казной, нагруженной на 42 арбах (бричках) под прикрытием 2000 сипаев (кавалерии), 4000 сарбазов (пехоты) и одного царского взвода из 22

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 48.

² Там же, л. 51.

казаков, во главе которого стоял полковник Скобелев¹, покинул г. Коканд и выпел по направлению к г. Ходженту — под защиту царской власти. К нему присоединились 9 русских купцов. Восставшие жители столицы с гневом и негодованием преследовали беглецов, нередко угрожали им физической расправой. Вот что писал об этом Вейнберг, который находился в числе лиц, сопровождавших хана во время его бегства: "Войска двигались по середине улицы, по обеим сторонам же народ стоял шпалерами, вооруженный батиками, палками и с камнями в руках. Нам приходилось проходить по одному, весьма медленно продвигаясь вперед и останавливаясь через каждые 15—20 шагов. Недалеко от дворцовой площади народ и войска до того сгруппировались, что невозможно было двигаться. Мы остановились. Один из проходивших мимо нас с отрядом кавалерии Юз-Баши, посмотрев в нашу сторону, с улыбкою проговорил: "Проходите, проходите, мы потом со всех вас снимаем головы!...", наконец ударил казака палкой, а последний взялся за шашку... Из среди толпы раздавались голоса, предсказывавшие нам путь в могилы. Шествие наше продолжалось тихим шагом молча и под довольно тяжелым впечатлением"². Повстанцы упорно преследовали беглецов. Между ними состоялся ряд столкновений, которые показали превосходство сил восставших, хотя последние действовали неорганизованно. Во время бегства последние остатки ханских войск численностью в 4000 сарбазов и 2000 сипаев тоже перешли на сторону восставших³ и вместе с ними стали преследовать беглецов. Натиск беглецов со стороны преследовавших стал настолько

¹ 13 июля в сопровождении военного конвоя, состоявшего из 22 казаков и 6 джигитов, в г. Коканд прибыли флигель-адъютант полковник Скобелев и чиновник особых поручений по дипломатической части коллежский советник Вейнберг. Они имели поручение доехать дальше в Кашгар и вести переговоры с правителем Восточного Туркестана Якубеком. Но в связи с возникшим восстанием их поездка была отложена, и этот царский взвод взял под защиту Худояр-хана и прикрывал последнего во время его бегства из страны. См.: Донесение полк. Скобелева от 20 июля 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 142 (52). Всеподданнейший отчет Туркестанского ген.-губернатора Кауфмана за 1877—1885 гг. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 346, лл. 93—176, копийные материалы фонда НАН Кырг. Респ., инв. № 81. — С. 29—30; ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 346, л. 129—131.

² Рапорт коллежского советника Вейнберга от 28 июля 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 88—89.

³ Всеподданнейший рапорт туркестанского ген.-губернатора Кауфмана за 1877—1885 гг. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 346, л. 131—132.

стремительным и угрожающим, что Вейнберг, умоляя о помощи, 22 июля писал ходжентскому уездному начальнику: "Ханское войско все перешло к мятежникам, по нам стреляют и преследуют. Вышлите хоть сотню на помощь по дороге в Махрам и Беш-Арык. Отступаем с ханом"¹. Это письмо не дошло до места назначения. Оно было по дороге в киштак Канабадам перехвачено повстанцами, а джигит, несший его, спасся бегством пешком в Ходжент². Беглецам пришлось бежать почти непрерывно, даже и ночью. Преследование их продолжалось двое суток до самого Ходжента, куда прибыли беглецы вечером 24 июля; восставшие отбили у Худояр-хана 2 арбы, нагруженные ценностями, убили 10 его сторонников и ранили 9 человек³. Худояр-хан и окружающие его лица спаслись от заслуженной кары со стороны восставших трудящихся лишь благодаря царскому казачьему отряду, во главе которого стояли полковник Скобелев и коллежский советник Вейнберг. Это хорошо видно из рапорта начальника Ходжентского уезда подполковника барона Нольде от 25 июля 1875 г., к которому прибыли указанные беглецы. "И если бы не отряд полковника Скобелева, — подчеркивал этот царский чиновник, — хану не спастись бы. Вообще и сам хан и свита его выражают мнение, что если бы не эта горсть русских с полковником Скобелевым, ни один человек из них не ушел бы, не говоря уже о казне и семействе хана, которые положительно потеряли бы возможность достигнуть Ходжента"⁴. Царская колониальная власть сочла невозможным пребывание Худояра вблизи границы Кокандского ханства. Вскоре его со свитой отправили в Ташкент, куда он прибыл 8 августа. Здесь Худояр-хана принял туркестанский генерал-губернатор Кауфман. Хан сдал в Ташкентское отделение государственного банка серебро на 140 тыс. рублей. 12 августа его с семейством и приближенными отправили в Оренбург. Однако это

¹ Письмо коллежского советника Вейнберга начальнику Ходжентского уезда от 22 июля 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 54.

² Всеподданнейший рапорт туркестанского ген.-губернатора Кауфмана за 1877—1885 гг. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 346, л. 130.

³ Телеграмма коллежского советника Вейнберга от 25 июля 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 67; Рапорт начальника Ходжентского уезда от 24 июля 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 242, л. 39; Рапорт военного губернатора Сыр-Дарьинской области от 29 июля 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 272, л. 5—8.

⁴ Рапорт начальника Ходжентского уезда подполковника барона Нольде от 25 июля 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 69—70.

не привело к желаемому для царизма результату, т. е. положило конец народному восстанию.

Повстанцы заняли столицу ханства г. Коканд, жители которого присоединились к ним. Они расправлялись с оставшимися ханскими чиновниками и другими представителями феодальной знати. Восставшие "произвели много убийств, — писал Кауфман в 1875 г. в своем рапорте, — прежде всего служащих беков Худояра"¹. Н.Корытов, который еще в то время проявил интерес к рассматриваемому восстанию и его руководителю Пулат-хану, подчеркивал, что "они (восставшие — К.У.) подступили к г. Коканду. К ним примкнула кокандская чернь. Часть бунтовщиков бросилась грабить богатых и ханскую орду, а другая с Хасан Кылей и кыргызами разыскала спрятавшегося Султан-Муратбека (брата Худояр-хана, правителя г. Маргелана — К.У.)². Представителям феодальной знати, за исключением некоторых, удалось спастись бегством.

После изгнания Худояр-хана временные попутчики восстания Абдурахман Афтобачи, Иса-Алуие и другие представители феодальной знати, преследовавшие личные корыстные интересы, которые не имели ничего общего с интересами восставших трудящихся масс, провозгласили ханом послушного им Наср-Эддина. Сведения об этом находим в официальном архивном документе. В нем читаем: "Духовенства и старшие люди провозгласили (ханом — К.У.) хан-заде" (Наср-Эддина — К.У.)³. Но трудовые массы, особенно восставшие рядовые кыргызы, "требовали немедленного удаления с престола сына Худояр-хана" (Наср-Эддина — К.У.)⁴. Несмотря на возмущение и негодование восставших трудящихся, Абдурахман Афтобачи и окружающие его феодалы, опираясь на военную верхушку бывшей ханской армии, оставили ханом Наср-Эддина, а руководителя рядовых повстанцев Пулат-хана, претендовавшего на ханский престол, арестовали и посадили за решетку в крепости Махрама, откуда через месяц — 22 августа последнему удалось бе-

¹ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.63, л. 143.

² Корытов Н. Самозванец Пулат-хан. Ежегодник Ферганской области, т.1, вып. 1902, Новый Маргелан, 1902. — С. 30.

³ Рапорт туркестанского генерал-губернатора от 3 августа 1875 г. ЦГА Респ.Уз., ф. 715, оп 1, д.63, л. 116, 166.

⁴ Рапорт старшего помещика начальника Ходжентста 1875 г. ЦГА Респ.Уз., ф. 715, оп 1, д.63, л. 116, 166.

жать на Чаткал, где он скрывался до конца сентября 1875 г.¹ По сути дела Наср-Эддин хан являлся марионеткой в руках Абдурахмана Афтобачи и его приближенных².

Абдурахман Афтобачи

Представители феодальной знати во главе с Афтобачи и Наср-Эддином, в целях сохранения и укрепления своей власти, решили обезвредить для себя восстание, отупить его социальное острие, направить выступление трудящихся в религиозное русло и придать ему антирусский характер. Они объявили газават и рассылали прокламации и воззвания, в которых призывали верующих, в том числе население, находившиеся под властью России, на священную войну против русских вообще³. Заметим, что лозунг газавата

был связан исключительно с именами Афтобачи и окружающих его

¹ Из Самарканда. // Туркестанские ведомости, № 8, 24 февраля, 1876 г.

² Наср-Эддин, Абдурахман Афтобачи, мулла Иса-Аулие и Хал-Назар Ишик Агасы, с одной стороны, пытались заручиться поддержкой колониальной власти и быть с нею в хороших отношениях, с другой — не решались идти против нарастающего восстания. Но все-таки эти попутчики восставших, с целью выиграть время для подготовки "Священной" войны отправили своих представителей с письмом в Ташкент к туркестанскому генерал-губернатору Кауфману. В нем извещалось "о совершившемся перевороте и о желании жить в мире с Россией" (Военные действия против кокандцев в 1875—1876 гг. — СПб. — С. 4.). 31 июля эти представители "были милостиво приняты" Кауфманом. Последний в своем письме от 4 августа признал Наср-Эддина законным ханом при условии сохранения в силе договора, подписанного Худояром в 1868 г., который поставил Кокандское ханство в вассальную зависимость от царской России (Письмо И. О. туркестанского генерал-губернатора от 7 февраля 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп. 34, д. 273, л. 24. Всеподданнейший отчет туркестанского генерал-губернатора Кауфмана за 1877—1885 гг. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 136—137). Однако, Наср-Эддин Абдурахман Афтобачи, мулла Иса-Аулие и другие попутчики, увидев широкий размах и массовость восстания, решили пока остаться с повстанцами и прекратили дальнейшие связи с царской колониальной властью.

³ Военные действия против кокандцев в 1875 г. (по официальным донесениям). // Военный сборник, № 1, 1876. — С. 23—24.

лиц и ничего общего не имел с лозунгами восставших народных масс. Это нашло отражение даже в официальных документах, выходивших из-под пера высокопоставленных царских чиновников. Так, в донесении командующего войсками Сыр-Дарьинской области от 2 августа 1875 г. говорится о беседе с одним из вельмож Наср-Эддин-хана Мирзой Хакимом, который утверждал, что газават выдвинут и поддерживается только Абдурахманом Афтобачи и его приближенными, а народные массы равнодушны к нему¹. Действительно, узбекские, таджикские дехкане и кыргызские скотоводы, хотя и были верующими, но поднялись на восстание не ради религии ислама, а за социальную и национальную свободу. Тем более, что тогда коренное население вообще, повстанцы в частности, еще не испытывали колониального гнета царской власти и их религиозное чувство пока не задевалось "иноверцами". Поэтому они не поддерживали лозунг газавата.

Как видно из выше излагаемого, на первом, и в начале второго этапа рассматриваемое восстание было направлено исключительно против феодально-ханского гнета. Повстанцы, пытаясь получить помощь и поддержку у русской власти, старались находиться с нею в дружественных отношениях, хотя это им не удавалось. "Факт изгнания Худояр-хана, — подчеркивает очевидец этого восстания, — его подданными в глазах кокандцев, так и нашего ташкентского начальства (колонияльной царской власти в Туркестане — К.У.) не заключал в себе ничего враждебного русским"². Однако повстанцы, убедившись в том, что царская власть враждебно относится к ним и открыто поддерживает феодально-ханский гнет, против которого они боролись, а также увидев, как казачий взвод под начальством полковника Скобелева прикрывает бежавшего Худояр-хана и его вельможей, предоставляя им убежища и спасая им жизнь, вынуждены были бороться и против царских колонизаторов. Не случайно восстание, охватившее все ханство, вскоре распространилось в Ходженском, Кураминском и некоторых других районах, находившихся под властью царской России. Разделившись на несколько групп по 2-10 тысяч и более человек, с утра 6 августа повстанцы

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. 715, д. 63, л. 167.

² Боголюбов А. Очерк войны с Средней Азией. // Военный сборник № 1, 1880. — С. 153.

начали овладевать пограничными кыштаками, городами в названных двух уездах. Одна из этих групп заняла г. Курамы, Аблык и несколько кыштак. Другая группа пыталась занять укрепление Телляю, в котором находились 4-й Туркестанский батальон и полусотня казаков. Повстанцы перерезали телеграфные линии и разгромили некоторые почтовые станции, пленили нескольких ямщиков. Почтовое сообщение между Ташкентом и Ходжентом, а также с Ура-Тюбе было прервано. Восставшими были захвачены и разгромлены стекольный завод купца Исаева, чугунно-плавильный завод Позднякова. Часть повстанцев, двигаясь по Сыр-Дарье, заняла Сил-Махрала и ряд кыштак, в том числе Паркент, находившийся в 40 верстах от Ташкента. Произошел ряд столкновений восставших с царскими карателями. Об их серьезном характере свидетельствует то, что только в одном столкновении 2 августа повстанцы потеряли 500 человек убитыми и много раненых. Потери имелись и со стороны карателей. Энергично действовала группа повстанцев, состоявшая из 4000 кыргызских кочевников во главе с Мумыном. С утра 9 августа восставшие пытались захватить города Ходжент и Ура-Тюбе¹. Везде и всюду местное население присоединялось к восстанию. Все это создавало серьезную угрозу для царских колониальных властей. Туркестанский генерал-губернатор Кауфман, ощутивший силу народного выступления и возглавлявший действия царских карателей против повстанцев, отмечал, что "пламя тогдашнего мусульманского движения охватило огромное пространство" и все население Кокандского ханства, а также ряд районов Туркестанского генерал-губернаторства². Он также подчеркивал, что широкий размах и массовость восстания, сочувствие и поддержка его населением, находившимся под властью царской

¹ Донесение генерал-лейтенанта Головачева от 25 августа 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 63, лл. 288—293 (319—325); Донесение И.Д. военного губернатора Сыр-Дарьинской области ген.-майора Эйлера. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 63, л. 284. Рапорт туркестанского генерал-губернатора от 21 сентября 1875 г. ЦГВИА, Ф. ВУА, д. 6877, л. 135—136; Донесение подполковника Барановского от 10 августа 1875 г. ЦГВИА, ВУА, д. 6877, л. 141, 142. Всеподданнейший отчет Туркестанского ген. губернатора Кауфмана за 1877—1885 гг. ЦУГА Респ. Уз., ф. 1, оп. д. 346, л. 139. Письмо И.Д. Туркестанского генерал-губернатора от 7 февраля 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп. 34, д. 273, лл. 24—25.

² Всеподданнейший отчет Туркестанского ген. губернатора Кауфмана за 1877—1885 гг. ЦГА Респ. Уз., ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 139.

России — "все это представляло в первое время наше положение дел здесь весьма трудным и серьезным"¹

Царские колониальные власти были очень сильно встревожены. Они приняли срочные меры для подавления восстания. Был быстро сформирован карательный отряд из 5000 солдат и казаков. В состав этого отряда входили 18 пехотных рот, 8 сотен казаков, одна саперная часть. Им были приданы также 20 орудий². При отряде находились джигиты во главе с Шахризязбским и Куштскими беками. Командовал всеми карательными силами лично туркестанский генерал-губернатор генерал-адъютант фон Кауфман, а начальствование отдельными частями было поручено генералам Головачеву, Бардовскому, Троцкому, полковнику Скобелеву и другим царским офицерам. Кроме того, Кауфман объявил призыв бессрочно и временно освобожденных от службы лиц, проживавших в Ташкенте, из них собрал 2200 человек, которые были направлены для охраны почтовых и телеграфных линий.

12 августа карательные войска приступили к подавлению восстания. Между карателями и повстанцами произошел ряд серьезных столкновений. Восставшие, храбро сражаясь с карателями, оказывали им самое сильное сопротивление. Генерал-майор Бардовский о столкновении, состоявшемся недалеко от Ходжента в 20 числах августа, писал, что на втором переходе от Ходжента карательный отряд повстанцами в числе 7000 человек. Казаки под начальством полковника Скобелева, в числе восьми сотен, 4 орудий и ракетной батареи, "целый день вели бой с неприятелем"³, т.е. восставшими. Представитель колониальных властей, коллежский советник Вейнберг, отметил, что 21 августа царские войска "перешли границу Кокандского ханства и вскоре были окружены громадными скопищами кипчаков и кара-кыргызов, с которыми наши (царские

¹ Рапорт туркестанского ген.-губернатора от сентября месяца 1875 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, л. 10; Военные действия против кокандцев в 1875 г. (по официальным донесениям. // Военный сборник, № I, 1876. — С. 23—24.

² Донесение коллежского советника Вейнберга от 25 августа 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 775, оп. I, д. 63, л. 309 (329); Всеподданнейший отчет Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана за 1877—1885 гг. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 138.

³ Приказ по войскам Туркестанского военного округа от 25 августа 1875 г. за подписью генерал-майора Бардовского. г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 286—287 (317—318); ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп. 34, д. 272, л. 49.

войска — К.У.) вступили в перестрелку, время от времени приходилось прибегать к артиллерийскому огню, чтобы отгонять партии слишком назойливых (инсургентов—восставших—К.У.)¹. Но все же повстанцы, несмотря на свое численное превосходство и упорное сопротивление, не могли устоять против хорошо вооруженного регулярного и обученного царского отряда и постепенно отступили к крепости Махрам, находившейся в 44 верстах от г. Ходжента. Махрам считался одной из крупнейших крепостей в Кокандском ханстве. Она была обнесена двойными глинобитными толстыми стенами, снабжена водой, продуктами питания, всевозможными военными припасами, большим запасом пороха, снарядов, многими фальконетами и 40 орудиями. Махрам был укреплен валами, особенно его левая сторона, откуда ждали наступления карателей. Там был наполнен водой глубокий ров и установлено 24 орудия. В этом укреплении были сосредоточены основные силы восставших, насчитывавших в своих рядах более 30 тысяч человек². Повстанцы решили в Махrame дать решающий отпор царским войскам.

С 21 августа карательный отряд начал наступление с двух сторон: горным путем через кыштак Кара-Кум и с южной стороны крепости. Повстанцы, несмотря на превосходство сил карателей в вооружении и организации, стойко защищались и нанесли наступающим колоннам сильный урон. Смелость и решительность действий восставших не отрицали даже царские чиновники и офицеры. В частности, Вейнберг в своем донесении от 25 августа 1875 г. вынужден был признать, что "неприятельские скопища бросились на нас с тыла и левого фланга"³. Однако, плохо вооруженные и неорганизованные восставшие не могли устоять против царских регулярных войск и вынуждены были отступить с боем. Часть отступающих бросилась в реку Сыр-Дарью, не желая попадать в руки карателей.

¹ Донесение коллежского советника Вейнберга от 25 августа 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 311 (331).

² Приказ по войскам Туркестанского округа от 25 августа 1875 г. за подписью генерал-майора Бардовского. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 286—287 (317—318); Донесение коллежского советника Вейнберга от 25 августа 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 309—312 (329—332); Телеграмма Кауфмана от 2 сентября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 272, лл. 49, 62.

³ ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 311 (331).

Царские генералы и офицеры, жаждавшие военной карьеры и славы, пытались отличиться в подавлении восстания. Они, проявляя большую жестокость в Махрамском "деле", безжалостно уничтожали повстанцев. Пытаясь нагнать страх на коренное население и "проучить" его, каратели зверски потопили в Сыр-Дарье сотни восставших. Вот что можно читать по этому поводу в приказе по войскам Туркестанского военного округа от 25 августа 1875 г.: "Начальник кавалерии полковник Скобелев довершил поражение кокандцев, лихо преследуя, гнал неприятеля на протяжении 15 верст, бегущих прижали к Сыр-Дарье (река — К.У.), потоплено и порублено много"¹. Об этом же, как о героическом поступке, поспешил сообщить императору туркестанский генерал-губернатор².

В Махрамском сражении, состоявшемся 21—22 августа, восставшие понесли огромные потери, оставив на поле боя несколько тысяч человек убитыми и ранеными. Они вынуждены были покинуть крепость Махрам. Каратели тоже понесли потери. С их сторон было убито и ранено 40 человек³. Восставшие с боем отступили, Абдурахман Афтобачи "бежал одним из первых"⁴. Карательный отряд, преследуя отступающих повстанцев, 25 августа подошел к г. Коканду, где его начальник Кауфман получил телеграмму, в которой царь поспешил поздравить с махрамской победой⁵.

Первое же серьезное поражение сорвало маску с лица временных попутчиков восстания. В частности, после поражения при Махrame Наср-Эддин, Иса-Аулие, Султан-Муратбек, Атакул-Батыр-Баши, Хал-Назар-датха и многие другие представители феодальной верхушки, не уверенные в дальнейших успехах восстания и считавшие свою цель в основном достигнутой, изменили восстанию и поспешили перейти на сторону карателей и просить пощады у царской власти. Они решили сохранить в своих руках власть под покровительством царизма. В этих целях 25 августа Наср-Эддин хан отправил к Кауфману делегацию в составе Исой-Аулие и има-

¹ ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 274(286)—(317).

² Телеграмма Кауфмана императору. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 272, лл. 49.

³ Донесение коллежского советника Вейнберга от 25 августа 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 312 (332).

⁴ Всеподданнейший отчет Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана за 1877—1885 гг. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 348, л. 142.

⁵ ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 272, л. 62.

мом Фазил-Ахматом Магзума, с ценными подарками и русскими пленными. Эта делегация заявила о покорности и просила пощады. Кауфман сказал о том, что он предпочитает "иметь с ним (Наср-Эддин-ханом—К.У.) личные переговоры под Кокандом"¹. На следующий день Наср-Эддин-хан вышел на встречу с Кауфманом, "склонив свою повинную голову и изъявив покорность вместе с вожаками восстания просил пощадить и сохранить самостоятельность Кокандского ханства"². Кауфман признал ханом Наср-Эддина и обещал сохранить ханство. 31 августа с письмом к названному начальнику царского карательного отряда обратился Абдурахман Афтобачи и другие представители кипчакской и кыргызской феодальной знати, предавшие восстание. Они просили о даровании им и их народу того же спокойствия, каким пользуется население г. Коканда"³. Однако Кауфман изъявил желание "лично переговорить со старшими людьми" и предложил им прибыть к нему. Афтобачи и окружающие его кипчакско-кыргызские феодалы не решились явиться к указанному царскому сатрапу. Они предпочли пока остаться с восставшими. Ибо эти представители феодальной знати опасались упустить власть из своих рук в случае победы повстанцев. Но среди попутчиков восстания все больше и больше росло стремление прекратить борьбу при условии полной амнистии со стороны царской власти.

27 августа Кауфман вместе с вышеуказанной депутацией отправил письмо жителям г. Коканда, в котором пытался утратить свободолобивый дух. Вот что сказано в этом письме: "Если жители Коканда встретят меня с хлебом и солью, я зла им не сделаю. Но если они будут драться, то тогда пощады городу не будет, он будет занят с боем, разгромлен, и тогда кровь несчастных жертв падет на головы виновных в непокорности и несправедливой борьбе против

¹ Рапорт туркестанского генерал-губернатора Кауфмана от 27 августа 1875 г. № 132. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп.34. д.272, л.53—54.

² Письмо И.Д. туркестанского ген.-губернатора Кауфмана от 7 февраля 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп.34. д.273, л.25; ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп.34. д.273, л.25; Там же, д.346, л.143; д.272, л.62.

³ Всеподданнейший отчет Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана за 1877—1885 гг. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп.34. д. 346, л.150.

войск Великого Белого Царя”¹. Городская феодальная верхушка, получив это письмо, поспешила встретить царских победителей с хлебом и солью и заявить им о своей раболепной покорности. Иначе отнеслись к указанному письму городские низы, которые видели, что царские каратели также жестоко действуют, как и ханские войска, защищая интересы эксплуататоров. Они стали готовиться к более серьезному выступлению.

29 августа царские каратели во главе с Кауфманом заняли отличный город Коканд, жителей которого пытались принудить к покорности и выплатить харадж, танап и другие виды податей за 1875 г.. Сбор этих налогов был возложен на Мирзу-Хакима².

За активное участие в восстании были наказаны жители Маргелана. Несмотря на то, что 8 сентября представители городской верхушки явились к Кауфману с повинованием, на Маргелан наложили денежный штраф в сумме 125 тыс. тилле, т.е. 500 тыс. рублей³.

Представители феодальной знати, не уверенные в дальнейших успехах повстанцев, один за другим продолжали изменять восстанию и переходить на сторону царских карателей. 10 сентября к Кауфману явилось двое сподвижников Афтобачи: Атакул-Батыр-Баши и Хал-Назар⁴.

Между тем, рядовые участники восстания, отступая, оказывали карателям сильное сопротивление. 7 сентября более 10 тыс. повстанцев вынуждены были оставить г. Маргелан и идти по направлению к г. Ассакке. Их преследовал карательный отряд под начальством полковника Скобелева. Между повстанцами и карателями произошло несколько столкновений. Более серьезное из них состоялось 9 сентября в кыштаке Мин-Тюбе, где восставшие потеряли только убитыми 40 человек, не считая раненых⁵. Повстанцы, преследуемые карателями, отступили в направлении г. Ош, а затем в районы Кара-Суу и Узген. 10 сентября Ош был занят царскими

¹ Письмо Кауфмана от 27 августа 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп.34. д. 272, л.53—54; Рапорт начальника Туркестанского военного округа от сентября 1875 г., ЦГВИА, ф.ВУА, д.6877, л.189.

² ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.34. д. 272, лл. 53—54, 56.

³ Всеподданнейший отчет Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп.34. д. 346, л. 155.

⁴ Там же, л.156. Там же, ф.715, оп.1, д.63, л.533 (342).

⁵ Рапорт генерала-адъютанта Кауфмана от 15 сентября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.63, л.529 (338)—531 (340)—533 (342).

войсками, которые, как и в других городах, заставили представителей местных жителей встретить их с хлебом и солью и изъявить покорность "белому царю"¹. Более того, полковник Скобелев потребовал от жителей города клевера — 6500 снопов, лепешек — 4700 штук, ячменя — 60 батманов (в одном батмане около 6 пудов — К.У.), лошадей — 144 голов, быков — 30 и орудие, имевшееся у населения, "как знак безусловной покорности"². Названный царский полковник потребовал от ошан выдать ему руководителей восстания. С таким же требованием он обратился к населению Узгена. "В случае невыполнения моего желания, — писал он, — будете сами виноваты в своем несчастье, которое будет великое"³. Но горожане и население Узгена упорно молчали. Тогда 10 сентября к ним и жителям Кара-Суу обратился сам туркестанский генерал-губернатор Кауфман, возглавлявший карателей. Он в категорической форме потребовал выдать ему руководителей восстания⁴.

Такие угрозы и жестокие действия царских карателей еще больше ожесточали восставших и толкали их на более решительную борьбу за свою социальную и национальную свободу. Иначе реагировали на них попутчики восстания из числа кыргызской и кипчакской феодальной знати. У них появилась явная неуверенность, произошло смятение, каждый заботился только о своем личном благополучии. Некоторые из них изменили не только восстанию, но и решили предать друг друга. Так, 10 сентября между Узгеном и Кара-Суу кыргызские феодалы, участвовавшие в восстании, пытались выдать Абдурахмана Афтобачи в руки царских карателей и таким образом спасти свою шкуру. Тогда Афтобачи, якобы, сказал им, "что он на это согласен, если народ по выдаче его избавится от разорения"⁵. Между прочим, сказав эти слова, Афтобачи заплакал. Феодалы не решились выдать его. Но все же "обезоружили Абдурахмана Афтобачи, отдали его оружие молодому Пулат-хану"⁶. Афтобачи, преследуемый карательным отрядом,

¹ Рапорт генерала-адъютанта Кауфмана от 15 сентября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, лл. 532 (341).

² Там же, л. 536 (345).

³ Там же, л. 537 (346).

⁴ Там же, л. 536 (345).

⁵ Там же, л. 535 (344).

⁶ Там же.

покинутый большинством своих сподвижников и не надеясь на оставшихся лиц, которые по-прежнему окружали его, пытался обратиться "на урочище Кара-Кульджу, к кипчакским кочевникам рода кугай (наверно, кегей), откуда он происходил"¹. Афтобачи до того спешил, что не смог даже взять с собой свою семью, находившуюся в г. Оше. В дальнейшем, по некоторым сведениям, Афтобачи намеревался идти в Восточный Туркестан и найти убежище у кашгарского правителя Якуббека. Однако последний, не желая осложнения взаимоотношений с царской Россией, принял меры к недопущению Афтобачи в свои владения. На пограничном перевале Терек-Даван он выставил охрану из 2 тыс. стрелков, которыми командовал его сын. Эта военная часть должна была преградить путь Афтобачи в Восточный Туркестан. Вот что пишет по этому поводу Кауфман, который возглавлял карателей и преследовал восставших, в том числе и Абдурахмана Афтобачи: "Есть слух, весьма упорный, что Якуббек отказался принять Афтобачи в Кашгарские владения"². Но Афтобачи пока оставался с восставшими, преследуя при этом, как и прежде, свои личные интересы и не появился в пограничных районах с Восточным Туркестаном.

Казалось, что восстание подавлено, население приведено к покорности новому хану Наср-Эддину и его покровителю—царской России. Во всяком случае, царский карательный отряд под начальством полковника Скобелева 11 сентября снялся из лагеря в г. Оше и 13 числа того же месяца подошел к г. Маргелану. На следующий день он направился к г. Намангану. В это время до него дошел слух о том, что "в восточной части ханства снова поднялись кипчаки и кыргызы с Афтобачи и Пулат-беком во главе"³. Это серьезно обеспокоило туркестанского генерал-губернатора Кауфмана и Наср-Эддин-хана, способствуя более тесному их объединению в подавлении народного выступления.

Наср-Эддин-хан и окружающие его феодалы, пытаясь сохранить власть в своих руках под покровительством царских колонизаторов, 22 сентября заключили договор с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом, по которому кокандский хан признавал

¹ Рапорт генерала-адъютанта Кауфмана от 15 сентября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. I, д. 63, л. 535 (344).

² Там же, л. 535 (344).

³ Там же, д. 64, л. 139, (348).

себя покорным слугой российского правительства, отказывался от права на непосредственные дипломатические сношения с другими государствами и от каких-либо военных действий без разрешения туркестанского генерал-губернатора, открывал свои владения для русских купцов и предпринимателей, обязывался уплатить контрибуцию в сумме 600 тысяч рублей¹. Кроме того, Кокандское ханство должно было платить ежегодно России налогов — 5 тыс. рублей.

По этому договору вся северная часть ханства по правому берегу реки Сыр-Дарьи и Нарына, в том числе часть Ферганы с городом Наманганом, отходила к владениям царской России². Из вновь приобретенных земель в составе Туркестанского генерал-губернаторства был образован Наманганский отдел, начальником которого стал полковник Скобелев. Подписав вышеуказанный договор, Наср-Эддин-хан, подобно своему отцу Худояру, стал послушным слугой царизма. А царская власть, в свою очередь, взяла его под свое покровительство. Не случайно Кауфман обратился к населению Кокандского ханства с угрожающим призывом прекратить борьбу и помочь новому "законному" хану Наср-Эддину всем, чем только можно". Так, в одном из его воззваний от 25 сентября читаем, что "...Пулат-бек (Пулат-хан — К.У.) снова беспокоит народ... Приглашаю помочь в этом деле всеми силами своему хану. Объявляю также всему народу, что я беспорядков в ханстве терпеть не буду... Предупреждаю, что в случае продолжения беспорядков в ханстве наступит час наказания, тогда раскаяние будет поздно, а будет плач и горе"³. Однако ни угрожающие воззвания Кауфмана к местному населению, ни жестокие действия царских карателей, о которых говорилось выше, не могли приостановить народного восстания.

Попытки нового хана и представителей царской власти собрать с населения поборы и подати, а также войска для ханской армии, большая контрибуция, ложившаяся дополнительным тяжелым грузом на плечи узбекских, кыргызских и таджикских трудящихся, жестокость Наср-Эддина поднимали новые волны восставших против феодально-ханского гнета и покровительствующих ему колонизаторов. Поводом вновь вспыхнувшего восстания послужила по-

¹ Письмо И.Д. туркестанского генерал-губернатора от 7 февраля 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп. 34, д. 273, л. 24—25. Там же, д. 268, лл. 34—48.

² Там же, д. 25; Там же, д. 268, лл. 34—38.

³ ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 162.

пытка Наср-Эддина собрать людей на ханскую военную службу. Очевидец рассматриваемого восстания журналист Н. Маев не без основания писал: "Никто не хотел идти на службу к непопулярному хану, который и был избран на престол единственно вследствие того, что вожди инсургенционного движения надеялись его именем управлять ханством"¹. С фактическим положением дел в Кокандском ханстве вынужден был считаться и Кауфман, который зафиксировал, что "Наср-Эддин-хан не сумел или не смог собрать ни воинов, ни денег для борьбы (с восставшим — К.У.). Беки, им назначенные в Андижане, Тарихане и Балыкчи, без денег, без войска, без оружия изгнаны из городов, а народные силы, оружие — все в руках восставших"². Жестокость нового хана, послужившая одной из причин выступления, не отрицается даже в архивных документах, выходивших из-под пера официальных представителей царской власти. В одном из них читаем: "Личность эта (Наср-Эддин—К.У.), не обладая ни умом, ни способностями, необходимыми для управления государством и отличаясь лишь жестокостью, качеством, свойственным не человеку, а зверю, управление свое ханством начала с того, что в припадке кровожадности и стремления к полновластию перерезала многих людей ханства"³. Не случайно острие народного выступления было направлено против Наср-Эддин-хана и тех, кто его открыто поддерживал.

Восстание с новой силой возникло во второй половине сентября 1875 г. в Восточной части ханства среди кыргызских и кипчакских полукочевников. Оно быстро распространилось на оседлые районы, населенные узбеками и таджиками. Во главе восстания вновь стали Мулла Искак Асан оглы Пулат-бек, который вскоре был провозглашен ханом⁴, и Абдурахманом Афтобачи. В конце сентября восставшие заняли г. Андижан, жители которого присоединились к ним, и вместе стали преследовать царский военный от-

¹ Маев Н. О беспорядках в Коканде. //Туркестанские ведомости, 1876, № 8, 24 февраля.

² ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 346, лл. 96—176.

³ Письмо туркестанского генерал-губернатора от 7 февраля 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 273, л. 25.

⁴ ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 273, л. 24—25. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. —СПб, 1906, т. II. —С.381.

ряд, бежавший от повстанцев¹. Город Андижан стал центром восстания. Здесь сосредоточились основные силы повстанцев, число которых доходило до 60—80 тысяч человек². Сюда стекались узбеки и таджики из соседних кишлаков и некоторых городов, а также многие кочевые и полукочевые кыргызы и кипчаки горных и предгорных районов края. Они, имея общую историческую судьбу, находясь в одинаковом угнетенном положении, объединенные социальными интересами, преследуя единые цели, выступили совместно и решили дать под Андижаном должный отпор Наср-Эддин-хану, окружающим его феодалам и представителям царской власти. В этом отношении заслуживает внимание сообщение одного из жителей г. Андижана, который в ночь с 30 сентября на 1 октября попал в руки царских карателей, возглавляемых генералом Троцким. По его словам, "В Андижане собрались кипчаки, кыргызы и разный народ из Оша, Шахрихана, Булак-Баши, Ассаке, Аравана, Маргелана и даже из Коканда, которые и дали клятву не отступать, невзирая ни на какие потери"³. Повстанцы и присоединившиеся к ним жители г. Андижана энергично готовились к сражению с карательным отрядом. В силу своих возможностей они вооружились, устроили завалы по 12 главным улицам города, разобрали мосты, по которым могли пройти каратели и т.п. Обороной города собирался руководить Абдурахман Афтобачи, а Пулат-хан с 15 тыс. конными кыргызами расположился в городских ворот с тем, чтобы не допустить карателей в Андижан⁴.

Не дремали и Наср-Эддин-хан со своим окружением, и царская колониальная власть. 27 сентября был сформирован новый карательный отряд, состоявший из 1400 царских солдат, казаков и офицеров под начальством генерал-лейтенанта Троцкого. В его составе находились джигиты, возглавляемые ханскими беками и пансатами. На следующий день он вышел из г. Наманган и направился в Андижан. По дороге произошло несколько столкновений с некоторы-

¹ Коротков Н. Самозванец Пулат-хан. Ежегодник Ферганской области, вып. I, Новый Маргелан, 1902. — С. 26, ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 64, л. 139, (348).

² В рапорте ген. Троцкого от 15 октября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 64, л. 140, (349); Макишев А. Н. Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. С.-Петербург, 1890. — С. 336.

³ Рапорт генерала Троцкого от 15 октября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 64, л. 155, (364).

⁴ Там же, л. 140 (349).

ми группами восставших. Но главное сражение было впереди. 31 сентября отряд подошел к Андижану. Его начальник, увидев превосходящие силы восставших, не осмелился войти в город. Сначала он попытался вбить клин между повстанцами, т.е. поднять оседлых узбеков против кочевых кыргызов и кипчаков. В его воззвании, адресованном отставшим узбекам, читаем: "Андижанские узбеки, к вам я особенно обращаюсь, опомнитесь, не верьте зачинщикам смут, поймите, что они, решившись воевать, ничего не могут потерять, не имея никакой оседлости. Когда город будет взят войсками могущественного белого царя, вы одни поплатитесь и жизнью, и имуществом... Вы потеряете все. Советую вам не слушаться ваших крикунов и вместе с почетными жителями города представить мне всех зачинщиков войны (восстания—К.У.) и выйти с аманом, полагаясь на милость представителя государя"¹. Как и раньше, это воззвание не дало представителям царизма желаемых для них результатов. Оно не могло разъединить трудовые массы узбеков и кыргызов, спаенных общими классовыми интересами и социальной ненавистью против феодально-ханского гнета и его покровителя — царской колониальной власти.

Не добившись разлада между повстанцами, каратели приступили к жестоким военным действиям. Одна из частей карательного отряда, направленная 30 сентября на разведку в г. Андижан, буквально сметала, сжигала на своем пути и убивала всех, кого она встречала. Ее начальник полковник Скобелев, считая себя и других участников в сожжении попутных кыштаків героями, в своем рапорте от 15 октября 1875 г. генерал-лейтенанту Троцкому сообщал: "Согласно приказанию Вашего...все кыштаки по пути следования летучего отряда, где только было можно, зажигались"².

Такие жестокие действия карателей не могли не ожесточить восставших. Население пригородных кыштаків оказывало настолько сильное сопротивление, что этот царский вояка вынужден был приостановить дальнейшее продвижение до прихода основной части карательного отряда.

31 сентября авангард карателей вступил в окрестность г. Андижана, защитники которого оказывали им ожесточенное сопротивление.

¹ ЦГВИА, ф.ВУА, д. 6882, л.202.

² ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д.64, л. 173, (382).

ление и нередко переходили в наступление. Как подчеркивал начальник карательного отряда Троцкий, "1 октября завязался затем ожесточенный бой на улицах, саках, мечетях и дворах; неприятель пользовался каждым укрытием, стрелял из-за стенок, с крыш, с деревьев"¹. Этот царский генерал также отметил, что "штыковой бой закипел направо и налево"². Полковник Скобелев в своем рапорте от 15 октября 1875 г. признавал массовость и активность защитников г. Андижана, имея в виду храбрость, отважность и упорство восставших, писал: "Даже женщины принимали участие в защите родного города"³. Каждым завалом, каждой улицей и почти каждым домом приходилось овладеть после ожесточенного и упорного сражения. Кровавопролитный бой продолжался двое суток. Начальник указанного карательного отряда вынужден был отметить, что "защитники города держались упорно"⁴. Восставшие, в том числе конники Пулат-хана, нередко теснили карателей и переходили в контратаку, вступая в рукопашный бой⁵.

Однако после упорного и кровавопролитного сражения к вечеру 2 октября карателям удалось занять г. Андижан и жестоко наказать его защитников. Город был предан огню. Как отмечено в указанном отчете Троцкого, карательный отряд продвигался вперед, зажигая все, что могло гореть⁶. Начальник царских карателей, в числе которых имелись и джигиты Наср-Эддина-хана, считая свою военную миссию выполненной, докладывал туркестанскому генерал-губернатору и командующему военного округа Кауфману: "Андижан наказан; город разгромлен произведенными нами в нем пожарами; окрестные к городу кыштаки на расстоянии 25 верст от Андижана, жители которых принимали участие в борьбе с нами,—"сожжены и разорены"⁷. Как отмечено в архивном документе, из которого приведена выдержка, в сражении под Андижаном восставшие понесли огромные потери убитыми и ранеными⁸. Лучше

¹ Рапорт генерала-лейтенанта Троцкого от 15 октября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 64, л. 146(355).

² Там же, л. 147(356).

³ Там же, л. 177(387).

⁴ Там же, л. 156(365).

⁵ Там же, л. 154(363).

⁶ Там же, л. 153 (362).

⁷ Там же, л. 147 (356).

⁸ Там же, л. 156 (365).

вооруженные и обученные каратели несли меньше потерь. По далеко неполным данным, с их стороны было 12 убито и ранено более 40 солдат и офицеров¹.

Жестокие действия карательного отряда не смогли поставить на колени восставших узбекских, кыргызских, таджикских и кипчакских трудящихся, сосредоточенных в г. Андижане. Сопротивление последних было настолько сильно и упорно, что каратели не могли больше оставаться в Андижане, и утром 3 октября они покинули его. Как отмечено в рапорте Троцкого от 15 октября 1875 г. "Обратное передвижение по городу снова сопровождалось боем"². Восставшие преследовали карателей не только по городу, но и за его чертой, нередко вступая в серьезные столкновения. Карательный отряд, отходя, снова предал город огню. Сразу же после освобождения Андижана горожане начали "тушить пожары, свирепствовавшие на всем пути следования (карательного—К.У.) отряда"³. Последний, чуть отойдя от Андижана, подверг его, особенно базар, урду, т.е. центральную часть и другие важные объекты, сильному артиллерийскому обстрелу, который продолжался в течение трех часов⁴. Словом, царские каратели старались дать восставшим такой урок, чтобы они запомнили его надолго. Но напрасно.

Повстанцы продолжали преследовать карателей. Серьезное столкновение состоялось в Мир-Рабате, Табылде, Муллесе, Сырмаке и некоторых других кыштаках. В ночь с 4 на 5 октября более 4 тыс. повстанцев под руководством Абдурахмана Афтобачи, расположившихся на ночлег в кыштаке Ханихафат, подверглись внезапному нападению карательного отряда и были разбиты⁵.

Каратели, считая восстание подавленным, 8 октября отошли в г. Наманган. Но они просчитались. Вскоре восставшие кыргызы, кипчаки и присоединившиеся к ним жители г. Маргелана выступили против бека, назначенного Наср-Эддин-ханом. Во главе выступления стал бывший Ура-Тюбинский бек Абдул-Гафар. Однако под Маргеланом повстанцы потерпели поражение в борьбе с ханским

¹ Телеграмма Кауфмана от 9 октября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. I, оп. 34, д. 272, л. 147.

² ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 64, л. 153 (362).

³ Там же, л. 156 (365).

⁴ ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 64, л. 154 (363).

⁵ ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 64, л. 168—169 (377—378).

карательным отрядом, возглавляемым старшим братом Наср-Эддина Султаном Муратбеком. 7—8 октября восставшие снова выступили против ханского наместника. Карательный отряд на этот раз не смог выдержать натиска повстанцев и разбежался, а его начальник Султан-Муратбек спасся бегством¹.

Утром 9 октября многочисленные отряды восставших вновь подошли к столице ханства г. Коканду. Горожане, отворив городские **ворота**, присоединились к ним. Повстанцы и горожане напали на ханский дворец. "Народ в Коканде разбунтовался,— сказано в рапорте ходжентского уездного начальника от 10 октября 1875 г.,—и 9 октября утром массой напал внезапно на дворец его (Наср-Эддин-хана—К.У.). Хан три часа отчаянно защищался, но должен был бежать с самою небольшою свитой"². Наср-Эддин-хан, не имея возможности подавить восстание своими силами, обратился с просьбой о военной помощи к начальнику Ходжентского уезда³. Однако, не дожидаясь ответа, он вынужден был бежать в Ходжент под защиту царской власти. Его бегство было настолько поспешно, что он не мог взять с собой ни казны, ни денег, ни ценных вещей. Хан и его приближенные бежали "кто в чем был"⁴. Восставшие преследовали беглецов до тех пор, пока они не переправились через Сыр-Дарью; 10 октября Наср-Эддин-хану и его свите, состоявшей из 60—70 человек, удалось прибыть в Ходжент.

Повстанцы расправились с крупными феодалами: ими были убиты Муратбек, басмандинский аксакал Файзы и ряд других представителей феодальной знати⁵.

Сообщение об успехе повстанцев в г. Коканде и изгнание ненавистного Наср-Эддина вскоре распространилось во всему ханству, вселяя надежду на возможность успешной борьбы за социальную и

¹ Рапорт начальника Ходжентского уезда Нольде от 10 октября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 64, л. 93—94. По некоторым данным, Султан-Муратбек присоединился к восставшим. См: Всеподданнейший отчет Кауфмана за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп. 34, д. 346, л. 164.

² ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 64, л. 93—94. Об этом же говорится в книге *Макшеева А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. —СПб, 1890. —С.338.

³ Рапорт начальника Ходжентского уезда от 10 октября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп. 34, д. 272, л. 132.

⁴ Там же, ф. 715, оп. 1, д. 64, л. 95.

⁵ Там же, л. 95. д. 66, лл. 217—218.

национальную свободу. Они вызвали значительный подъем народного движения. Восстание продолжало усиливаться, принимая широкий размах. Повстанцами было прервано сообщение между Ходжентом и Наманганом. Восставшие приближались к названным городам. Все это очень беспокоило царские колониальные власти. По просьбе Наср-Эддин-хана был организован новый карательный отряд во главе с начальником наманганского отдела Скобелевым. Царские войски, как всегда, пытались нагнать страх на коренное население, особенно восставших, и тем самым отбить у них охоту к выступлению. Вот что сказано по этому поводу в приказе военного губернатора Сыр-Дарьинской области от 18 октября 1875 г.: "Объявить во всех кыштакх и аулах местным властям, что если население, подведомственное им, будет участвовать в шайке (восставших—К.У.), скрывать их или помогать каким бы то ни было способом этим шайкам, то кыштак или аул будет разорен, а начальники их подвергнутся заслуженному наказанию"¹. Однако этот угрожающий приказ не вызвал в среде коренного населения страха, а наоборот, еще раз показал подлинное лицо царской власти и поднял трудящихся на дальнейшую борьбу.

18 октября карательный отряд "встретил ожесточенное сопротивление жителей кыштакх Ак-Джар и Ашоб"². Однако последние не могли устоять против регулярного войска и потерпели поражение. Карательный отряд "уничтожил до основания кыштак Ашоб, жестоко наказав его жителей"³. Такая же участь постигла кыштак Ак-Джар и его обитателей. Но все же восстание в целом успешно развивалось. В 20 числах октября в его рядах насчитывалось несколько десятков тысяч человек. Одну из групп восставших, состоявшую из 10—12 тыс. человек, возглавлял бывший наманганский бек Батыр-Гисря. 25 октября повстанцы подошли к г. Намангану, в котором находилось управление одного из отделов Туркестанского генерал-губернаторства и новосформированный карательный отряд. Как отмечал очевидец этого восстания, "к ним (восставшим—К.У.)

¹ ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп. 34, д.272, л.163.

² *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. —СПб, 1890. —С.340.

³ Там же.

присоединилось поголовно все городское население”¹. Сражение восставших с карательным отрядом продолжалось в течение нескольких дней. Действия повстанцев отличались упорством и носили наступательный характер. А.И. Макшеев отмечал, что “три дня гарнизон цитадели отражал отчаянные нападения кипчаков и вооруженных жителей (г. Намангана—К.У.), производя по временам “на улицы города вылазки, поддерживаемые действиями войск из лагеря (расположенного вне города—К.У.)”². Однако усилия восставших не увенчались успехом. 27 октября под Наманганом повстанцы были разбиты³.

Наср-Эддин-хан, мечтавший вернуть в свои руки власть при помощи царских высокопоставленных чиновников, решил воспользоваться этим временным поражением восстания. С этой целью 31 октября он написал воззвание к жителям г. Коканда, в котором говорилось: “Неужели же жители столицы ханства могут терпеть управление людей, поставленных над ними Пулат-беком и Афтобачи?” В конце воззвания указывалось, что “Кокандкому ханству не под силу бороться с могущественным соседом”⁴. Разумеется, это воззвание вызвало лишь взрыв негодования со стороны совместно выступивших трудящихся узбеков, кыргызов, таджиков и кипчаков. Вскоре Наср-Эддин переехал из Ходжента в Махрам — поближе к столице ханства. Но надежды его не оправдались. Здесь он был разбит восставшими, возглавляемыми Пулат-ханом⁵, который отбил у него охоту вновь стать кокандским ханом. Ему с трудом удалось унести ноги с поля сражения и, как раньше, пришлось искать спасения у колониальных властей.

В конце ноября Пулат-хан, несмотря на свою серьезную рану, полученную им в сражении под Андижаном, переехал из Ассака, в

¹ Серебренников А. Кокандский поход 1875—1876 гг. (без выходных данных—К.У.). —С.42 (138).

² Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. —СПб, 1890. —С.339.

³ О Наманганском сражении имеются сведения во всеподданнейшем рапорте Кауфмана за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп. 34, д.346, л.166, и в статье “Военные действия против кокандцев в 1875—1876 гг. (по официальным данным)”//Военный сборник, № 3, 1876. —С.62.

⁴ Всеподданнейший рапорт Кауфмана за 1877—1888 гг. ЦГА Республика Уз., ф.1, оп.34, д. 346, лл. 166—167.

⁵ Рапорт туркестанского генерал-губернатора от 7 февраля 1876 г. ЦГА Республика Уз., ф.1, оп.34, д. 273, л. 26.

котором он находился около двух месяцев, в г. Маргелан. Вместе с ним в названный город прибыли до 4 тыс. восставших кыргызов с 14 орудиями¹. Маргеланцы встретили их с радостью. Как подчеркивал начальник карательного отряда Скобелев, получивший к этому времени звание генерала, в конце 1875 г. и в начале следующего года восставшие, возглавляемые Пулат-ханом и Абдурахманом Афтобачи, "располагали... огромным ополчением, сосредоточенным в Маргелане и его окрестностях"², а также на левом берегу реки Нарына и побережью реки Сыр-Дарьи — недалеко от Намангана. В середине декабря в Маргелане, не считая самих горожан, насчитывалось 8—10 тыс. кыргызов—повстанцев³. А общее число восставших в этом городе доходило до 80 тыс. человек⁴, ими руководил Пулат-хан.

Восставшие готовились к отпору карательному отряду. Для организации обороны Ассак Пулат-хан отправил Абдул-Гафара, сам 15 декабря приехал в г. Коканд. Жители столичного города "встретили его (Пулат-хана — К.У.) с большим почетом... Кроме того, ему сделаны были разные приветствия"⁵. По поручению Пулат-хана отдельными группами восставших руководили кипчак Батыр-Кул, кыргыз Иш-Пула, узбек Тана-Берди, таджик Исман-диар, Калтыр-Сун и другие⁶.

В ноябре и в первой половине декабря передовые части повстанцев нередко появлялись на Наманганско-Ходженгской дороге к северу от нее, а некоторые из них подходили к г. Намангану⁷. За указанное время между карателями и восставшими состоялся ряд стычек в следующих кыштакх: 2 ноября — у Кепе, 12 ноября — в Балыкчах, 18 ноября в Ашобе, 30 ноября — Тур-Тюбе, 2 декабря —

¹ ЦГА Республика Уз., ф.715, оп.31, д. 64, л. 329(390).

² Рапорт начальника Наманганского отдела Скобелева от 28 января 1876 г. ЦГА Республика Уз., ф.715, оп.1, д. 66 л.207— 208.

³ Рапорт военного губернатора Сыр-Дарьинской области от 19 декабря 1875 г. ЦГА Республика Уз., ф.1, оп.34, д.272, л.171.

⁴ Серебренников а. Кокандский поход 1875—1876 гг. (без выходных данных — К.У.). —С. 79(163).

⁵ Рапорт военного губернатора Сыр-Дарьинской области от 19 декабря 1875 г. ЦГА Республика Уз., ф.1, оп.34, д.272, л.171.

⁶ *Серебренников А.* Кокандский поход 1875—1876 гг. с.37(133).

⁷ Донесение ген.-майора Скобелева от 12 марта 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.67, л.68. Всеподданнейший рапорт Кауфмана за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.34, д.346, л.170.

при Ульджибае и 4 декабря у Байбачи. В этих столкновениях принимало участие большое число восставших. Например, в столкновении в Балыкчи участвовало до 20 тыс. повстанцев¹. Некоторые столкновения превращались в настоящие сражения, в которых восставшие ожесточенно сражались против царских войск. Так, 18 ноября "сопротивление жителей (к. Ашоба—К.У.) было отчаянное,— читаем в архивном документе,—били людей из-за баррикад и бойниц. Жители пощады не просили и гибли с оружием в руках, женщины кидались с ножами на солдат и бросали в них камни. Все население кыштак (Ашоба — К.У.) было переколото"². Число одних только убитых ашобцев превышало 250 человек, а раненых—несколько сотен. Каратели потеряли трех убитых и 14 раненых солдат³. Названный кыштак был варварски сожжен. Этого не скрывал начальник карательного отряда полковник Пичугин. В его рапорте от 20 ноября 1875 г. сказано: "Я отправил часть отряда для разрушения кыштак (Ашоба—К.У.). Через некоторое время он представлял сплошную лаву огня, в котором горели трупы, завалившие все улицы, сады и дворы, скот, забившийся в разных закутах и все ненужное отряду имущество"⁴. Словом, Ашоб был сравнен с землей. Не уцелели и другие соседние кыштакты, расположенные в горном районе на юго-востоке Намангана, по которому прошли каратели. Последние в нередких случаях на своем пути оставляли повешенных представителей коренного населения с надписью о том, что каждого ждет такая же участь, если он примет участие в восстании или поддержит его⁵. Каратели этим не ограничивались. Они отобрали у восставших ценные вещи и угнали их скот⁶. Однако все эти жестокие действия карательного отряда не дали желаемых ре-

¹ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. —СПб, 1906, т. II. — С.385; Макшеев А.И. Указанная работа. —С.339; Серебренников А. Указанная работа. —С.48(144).

² Рапорт начальника Ак-Джарского карательного отряда полковника Пичугина от 19 ноября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.65, лл.200—201.

³ Там же.

⁴ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.65, лл.203—204.

⁵ Рапорт начальника Наманганского отдела от 21 ноября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.65, лл.222,228.

⁶ Терентьев М.А. Указанная работа т. II. —СПб, 1906. —С.389; Серебренников А. Кокандский поход 1875—1876 гг.. —С.52(148)—53(149).

зультатов. Каратели не успели отойти, как трудящиеся вновь и вновь поднимались на борьбу против насильников за свою свободу.

Царская колониальная администрация решила окончательно подавить восстание и дать его участникам такой урок, который запомнился бы им надолго. С этой целью она мобилизовала почти все имеющиеся военные силы. Был сформирован новый карательный отряд во главе с генералом Скобелевым, имевшим значительный опыт в подавлении народных выступлений. Его называли "зимним отрядом" или "зимней экспедицией". Он состоял из конно-стрелкового дивизиона, 9 пехотных рот, 750 казаков; был снабжен всеми видами военного оружия того времени, в том числе 12 орудиями и ракетной батареей¹.

Зимний отряд должен был "проучить" полукочевых кыргызов и кипчаков, населявших Эки-Суу-Арасы, т.е. район между Нарыном и Кара-Дарьей и принимавших наиболее активное участие в восстании². Решили наказать их зимой, когда они были менее подвижны и более прикованы к зимовьям. В это время года полукочевники не могли откочевать в труднодоступные высокогорные районы и тем самым спастись от преследования карателей. Отряд 25 декабря вышел из г. Намангана, а на следующий день он уже был на Эки-Суу-Арасы. Здесь этот отряд часто подвергался нападениям со стороны восставшего коренного населения. Последние, прекрасно зная местные географические условия, внезапно нападали на карательный отряд, наносили ему ощутимые удары и заметные потери³. Однако жители Эки-Суу-Арасы своими неорганизованными и локальными действиями не могли приостановить продвижение карателей. Несмотря на глубокий снег и сильный мороз, они вынуждены были бежать и присоединиться к народному ополчению, расположенному в горах и в районе Андижана.

¹ Рапорт зимней экспедиции ген.-майора Скобелева от 12 марта 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.67, 70; Всеподданнейший рапорт Туркестанского ген.-губернатора за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.350(469).

² Всеподданнейший рапорт Туркестанского ген.-губернатора за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.350(469); Рапорт ген.-майора Скобелева от 10 мая 1876 г. ЦГВИА, ф.ВУА, д.6882, л.119,135; Всеподданнейший рапорт Туркестанского ген.-губернатора за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.34 д.346, л.170—171.

³ Рапорт начальника зимней экспедиции от 12 марта 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.83.

Генерал М.Д. Скобелев

Каратели огнем и мечом прошли Эки-Суу-Арасы. Ими были сожжены кыштаки: Чужо, Мергузар, Тода, Ходжа-Абад, Байток, Ак-Мазар, Лагум-Бек, Испаскан, Бута-Кара, Массы, Такачы, Караянтак, Кайрабат, Кокан-Кишлак, Медресе Афтобачи, Джанабат, Майгыр, Турткул, Хакул-Абад, Чумбагыш (Чонбагыш), Хайрабат, Янгызбак и другие¹. Каратели убивали всех, кого только встречали. Они не жалели ни детей, ни женщин, ни стариков. В нередких случаях людей подвергли зверским пыткам, а затем их вешали. Это нашло отражение в дневнике известного царского вояки, одного из начальников карательного отряда — Куропаткина, который оставил следующую запись: "Первое, что мы увидели, войдя с бивака, был повешенный кипчак. Прежде чем повесить, его страшно секли и разбили ему голову"². Каратели грабили местное население, собирали все ценные вещи и уводили скот. Вот что сказано по этому поводу в указанном дневнике: "В этом походе фуражировка имела странное значение: вместе с фуражом и топливом брали все, что попадало под руку: одеяла, ковры, скот, лошадей, книги, инструменты. Большей частью жители благоразумно убегались, но кое-где, доверившись силе достархана, они поплатились (жизнью—К.У.). Были пойманы унтер-офицер и много солдат, которые ...рубили иногда безоружных жителей... Все разбежались, оставив несколько детей, которые беззащитно бегали с плачем по снегу"³. Жестокие действия карате-

¹ Рапорт зимней экспедиции ген.-майора Скобелева от 12 марта 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, лл.83—93; Его же, Рапорт от 10 мая 1876 г. ЦГВИА, ф.ВУА, д.6882, л.132—141. *Серебренников А.* Кокандский поход 1875—1876 гг. — С.51—89. Военные действия в бывшем Кокандском ханстве. //Военный сборник, № 8, 1876. — С.130—137.

² Цитируем по статье Павлова С. и Рабиновича М. Кокандское восстание (1875—1875 гг.)// *Борьба классов*, № 4, 1936. — С.54.

³ Цитируем по статье Павлова С. и Рабиновича М. Кокандское восстание (1875—1875 гг.)// *Борьба классов*, № 4, 1936. — С.54.

лей на Эки-Суу-Арасы продолжались более недели. В начале января карательный отряд, оставляя за собой кровавые следы, руины кыштакгов и айлов, с награбленным имуществом и несколькими тысячами голов скота, подошел к г. Андижану, который второй раз стал основным очагом восстания. Как сказано в архивном документе, "к Андижану стекались военные люди и ополчения со всего ханства, в нем сосредоточились отборные силы кипчаков и кара-кыргызы"¹. Общее число повстанцев в названном городе доходило до 87 тысяч человек². На Андижан "были устремлены взоры всей Средней Азии"³. Кауфман, пристально следивший за ходом восстания, писал, что "Андижан приобрел большое значение, как оплот жертв войны против нас"⁴. Действительно, узбекские, кыргызские, кипчакские и таджикские трудящиеся, сосредоточившиеся в Андижане и в пригородных ему кыштакгах, были полны решимости бороться против царских карателей. Они энергично укрепляли город, строили в нем баррикады, возводили заграждения, преграждали улицы, вооружались, изготовляли огнестрельное оружие и боевые припасы⁵.

Начиная с 3 января, между восставшими и карательным отрядом произошел ряд крупных столкновений. В пригородном районе Андижана — Арык-Мусулманкуле — карательный отряд "встретил сильное сопротивление местных жителей"⁶. Перед главным сражением, которое состоялось 8 января, Абдурахман Афтобачи со своими сподвижниками покинул г. Андижан и занял позицию у г. Ассаке, с жителями которого готовился к новому выступлению⁷. С утра указанного числа каратели начали штурм г. Андижана. Его защитники оказывали упорное сопротивление. Они боролись за каждую улицу, за каждый дом⁸. Сражение продолжалось до позднего

¹ Рапорт зимней экспедиции на Эки-Суу-Арасы ген.-майора Скобелева от 12 марта 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.89. Там же, д.67, л.88.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Всеподданнейший рапорт Туркестанского ген.-губернатора Кауфмана за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.354.

⁵ Там же, л. 89.

⁶ Там же, лл. 89—90, 354.

⁷ Всеподданнейший рапорт Туркестанского ген.-губернатора Кауфмана за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л. 360 (479).

⁸ Там же, л. 358 (477).

вечера. Однако, повстанцам не удалось выиграть его. Они не могли противостоять хорошо вооруженным и обученным карателям. Им пришлось оставить город. По утверждению участника данного сражения А. Боголюбова, "Весь базар и около половины города (Андижан—К. У.) погибли все в пламени"¹. Но и это не могло сломить свободолюбивый дух повстанцев.

Царские военные чиновники наложили на г. Андижан денежную контрибуцию и обязали его жителей дать победителям продукты питания и фураж². Все это способствовало вселению ненависти к царским колонизаторам и возникновению новых волн восстаний.

В середине января значительную остроту приобрело выступление на правом берегу Сыр-Дарьи в районе Камыш-Курган и Чил-Махрама. Здесь действовало несколько групп повстанцев, каждая из которых состояла из 200 до 2000 человек. 16 января на юго-востоке Ходжента — в ущелье между Камыш-Курганом и Самгаром — часть восставших в числе 150 человек напала на караван купца Громова, захватила 300—350 верблюдов, 50 проводников и несколько джигитов. Другая группа повстанцев, состоявшая из 200 кыргызов, подошла к кышткам Биш-Арык и Бахман, жители которых присоединились к ней. 18 января часть восставших кипчаков в числе 150 конников, руководимая сыном Абдул-Гафара Актуба, взяла в плен басмандинского аксакала Файзы, 4-х джигитов и младшего помощника начальника Заравшанского уезда — Мурадбека³. Последний был убит. В середине января Пулат-хан значительной частью восставших продолжал занимать г. Маргелан, куда он переехал в начале декабря из кыштака Ассаке, где стоял этот вожак в октябре и ноябре.⁴ Теперь в названном кыштаке находились 15 тыс. повстанцев во главе с Абдурахман Афтобачи⁵. В этом

¹ Боголюбов. Очерк войны в Средней Азии 1877 г. // Военный сборник, № 1, 1880. — С. 169.

² Всеподданнейший рапорт Туркестанского ген.-губернатора за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 69, л. 360 (479).

³ Рапорт Колпаковского от 30 января 1876 г. ЦГА Республика Узбекистан ф. 715, оп. 1, д. 66, лл. 217—218.

⁴ Рапорт начальника Наманганского отдела от 28 января 1876 г. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 715, оп. 1, д. 66, л. 208; Корытов Н. Указанная статья. — С. 30.

⁵ Рапорт начальника Наманганского отдела от 28 января 1876 г. ЦГА Республики Узбекистан, ф. 715, оп. 1, д. 66, л. 208; Серебренников А. Кокандский поход 1875—1876 гг. — С. 57(201).

кыштаке восставшие решили дать отпор карателям. Они заняли крепкую позицию на дороге в Ассаке за арыком Шарихан-Сай, разобрали мост и перегородили завалом улицу. 18 января царский карательный отряд, возглавляемый генерал-майором Скобелевым, подошел к Ассаке и попытался взять его приступом. Повстанцы оказывали карателям упорное сопротивление и отступили, оставив на поле боя 200 человек убитыми и много раненых¹. И после асакинского сражения восставшие продолжали оказывать сопротивление карателям.

Некоторые руководители восстания, особенно из феодальной знати, во главе с Абдурахманом Афтобачи шли с повстанцами до определенного времени. Но когда они увидели, что восстание терпит поражение, то сразу же позаботились, как и всегда, о своих личных интересах: они готовились перейти на сторону царизма, изменив восставшим. Так, после поражения под Ассаке, в результате ряда письменных переговоров с представителями царской власти 24 января в Инду-Кыштаке, недалеко от г. Андижана, Абдурахман Афтобачи сдался². Вместе с ним сдались Батыр-Тюря, Исфандияр, Нурмухамед-датка и другие 26 крупных феодалов с 400 джигитами. Царь видел в лице Афтобачи своего сторонника и социальную опору в эксплуатации местного трудового населения, почему ему была пожалована пожизненная пенсия в размере 3000 руб. в год.

Наср-Эддин-хан, жадно следивший за ходом событий в ханстве и искавший подходящий момент, после поражения восставших в Ассаке еще раз попытался вернуть себе ханский трон при помощи царизма. 22 января он выехал из г. Ходжента и остановился в к. Кайнар (по некоторым данным к. Найманча—К.У.) в 9 верстах от Коканда. Здесь Наср-Эддин готовился к захвату власти в Кокандском ханстве³. Боясь войти в г. Коканд, он выслал туда своих глашатаев в сопровождении 100 джигитов, которые по местному обычаю провозгласили на базаре о наступлении владычества Наср-Эддин-хана. Но "народ вступил в драку с его джигитами и убил из

¹ Всеподданнейший рапорт Туркестанского ген.-губернатора за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, лл.360—361(201).

² Там же, л.361(480); Ф.1, оп.34, д.346, л.172.

³ Рапорт начальника Наманганского отдела от 28 января 1876 г. ЦГА Республики Узбекистан, ф.715, оп.1, д.66, л.210; Рапорт начальника ходжентского уезда барона Нольде от 28 января 1876 г. Там же, Л. 214.

них 11 человек”¹, а остальные едва спаслись бегством. По некоторым сведениям, с помощью феодальной верхушки столичного города и представителей царской власти Наср-Эддину все же удалось 30 января временно занять престол Кокандского ханства². Но с этим не могли мириться узбекские, кыргызские, кипчакские и таджикские трудовые массы. ”Весь народ Андижана,—читаем в архивном документе, — кипчаки и кыргызы говорят: когда русские (царский карательный отряд—К.У.) уйдут в свои пределы, Наср-Эддин не больше месяца удержит власть. Его прогонят или зарежут”³. И действительно, вскоре трудящиеся указанных братских народов, спаянные едиными классовыми интересами и общностью исторической судьбы, поднялись против ханской власти, разбили Наср-Эддина и окружающих его феодалов. В этом бою Наср-Эддин-хан потерял 200 человек убитыми и много раненых, и сам едва унес ноги. Об этом сражении его очевидец—начальник Ходжентского уезда — в своем рапорте писал: ”На него (Наср-Эддин-хана—К.У.) в к. Кайнар напали кыргызы и кипчаки. Дав им сражение, сам хан бежал, едва не попавшись в плен. Он разбит наголову”⁴. Восставшие преследовали его до к. Беш-Арыка, расположенного недалеко от Ходжента. Наср-Эддин вновь нашел убежище у своего защитника и покровителя—царской колониальной администрации. Теперь он перестал уже мечтать о ханском престоле в Коканде.

Любопытно отметить, что 15 января Пулат-хан отправил делегацию в составе 14 человек во главе с Ахун-Дамуллой-Мир-Бадал-Мауляном к начальнику Ходжентского уезда барону Нольде. Последнего просили пропустить депутацию в г. Ташкент для переговоров с и. о. Туркестанским генерал-губернатором Колпаковским о заключении мира. Однако глава туркестанской колониальной власти Кауфман, находившийся в то время в Петербурге, телеграммой от 21 января дал указание задержать эту делегацию в Ташкенте до

¹ Рапорт начальника Наманганского отдела от 28 января 1876 г. ЦГА Республики Узбекистан, ф.715, оп.1, д.66, л.210;

² Рапорт ген.-майора Скобелева от 15 февраля 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.66, л.265,279.

³ Там же, л. 279.

⁴ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.66, л.214.

его приезда, что и было исполнено¹. Пытаясь вести переговоры с администрацией Туркестанского генерал-губернаторства о мире, Пулат-хан не сложил оружия и не склонил головы перед карателями. Он продолжал руководить действиями восставших.

Пулат-хан, получив сведения о предательстве Афтобачи в Маргелане, зарезал трех его братьев и некоторых других лиц. 26 января он с оставшимися повстанцами двинулся в к. Уч-Курган, в котором намеревался дать отпор царским войскам². 27 января 5000 конных повстанцев и 100 сарбазов с 5 орудиями расположились на ночлег в названном кишлаке. Пулат-хан и его приближенные и сарбазы занимали укрепленную урду (центр—дворец—К.У.) Уч-Кургана, которая состояла из двух частей. В первой расположились Пулат-хан и его приближенные, а во второй—сарбазы с орудиями. Глубокой ночью с 27 на 28 января часть карательного отряда, насчитывающая в своем составе 450 солдат и 6 ракетных станков во главе с флигель-адъютантом бароном Меллером Закомельским внезапно напала на спящих повстанцев и застала их врасплох³. Как отмечал начальник карательного отряда, повстанцы, несмотря на неожиданность нападения и темную ночь, оказали отчаянное сопротивление⁴. Восставшие, "оправившись от нечаянности нападения, бросились частью в Урду на ее защиту, частью на противоположный берег реки, откуда открыли по штурмовой колонне сильный огонь"⁵. Повстанцы, хотя и оказывали упорное сопротивление, не могли устоять против хорошо вооруженных и обученных карателей. Они потерпели полное поражение и большинство из них погибло в этом кровавом сражении. Как и повсюду, действия царских карателей в к. Уч-Кургане носили кровавый характер. Этому не скрывал и генерал Скобелев. В его рапорте от 12 марта 1876 г. сказано, что "на штурмовую колонну стали наталкиваться густые толпы конного и

¹ ЦГА Республики Узбекистан, ф.1, оп.34, д.346, л.5. Там же, д.327, л.1; Телеграмма Кауфмана от 21 января 1876 г. ЦГА Республики Узбекистан, ф.1, оп.34, д.327, л.5.

² Рапорт генерал-майора Скобелева от 12 марта 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.140.

³ Всеподданнейший рапорт Туркестанского ген.-губернатора за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.362(481).

⁴ Рапорт генерал-майора Скобелева от 12 марта 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.146.

⁵ Там же, л.145.

пешего неприятеля (восставших—К.У.). Залпы, даваемые с расстояния нескольких шагов, опрокидывали неприятеля, оставлявшего груды тел на месте, одиночные люди пытались прорваться сквозь колонну, но умирали на штыках”¹. Пытаясь выдать свои жестокие действия за героизм, этот царский вояка далее пишет: ”Всех, кто не успел бежать, перекололи... Защитники ее (урды—К.У.) после отчаянной схватки были переколоты... Неприятель пытался пробиться на выючную Каратегинскую дорогу. Он был атакован и во множестве изрублен”². На поле боя осталось много трупов восставших.

В Уч-Кургане в качестве трофея в руки карателей достались: 5 медных орудий, 100 фальконетов, бунчуки Пулат-хана и его сподвижника Абдул-Мумина, много разного оружия, пороха и снарядов, 20 барабанов, 4 трубы, имущество и продовольствие восставших, нагруженных на 189 верблюдах³. Карательный отряд потерял убитыми 4-х солдат и двух джигитов, ранеными—5 нижних чинов.

Пулат-хану удалось с группой восставших бежать из Уч-Кургана в Исфаринское ущелье. Через 2 дня, т.е. 30 января он с верными ему рядовыми восставшими добрался до высокогорного урочища Алай и остановился в местности Дараут-Курган. Сюда к нему стекались остатки разбитых повстанцев. Однако обессиленные и обескровленные, они не успели подготовиться к отпору карателям. На них напал с тысячей вооруженных всадников правитель Каратегина Раим-ша, который пытался выслужиться перед царской властью, и разбил его. Пулат-хан с несколькими десятками повстанцев бежал в Исфару, оттуда — в Алайские горы, где скрывался в пещере в Чавайском ущелье. Некоторые недовольные им представители феодальной знати сообщали об этом соответствующим лицам. Кстати, после уч-курганского поражения оставшиеся попутчики восстания перешли на сторону царского карательного отряда, всячески стараясь оказать ему содействие и помочь в поимке Пулат-хана. В этом отношении заслуживает внимания рапорт генерал-майора Скобелева от 12 марта 1876 года, в котором сказано, что в конце января, т.е. после сдачи Абдурахмана Афтобачи, ”против нас (царской власти — К.У.) в ханстве осталась лишь разбойничья пар-

¹ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.145.

² Там же. —С.146.

³ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.145, с.147.

тия (восставшие — К.У.) Пулат-хана, но она насчитывала в своих рядах (только простолюдины) племени кара-кыргыз: многие пансаты (представители феодальной знати — К.У.) этого племени были у нас и выражали готовность содействовать его (Пулат-хана — К.У.) умиротворению¹.

На следующий же день после Уч-Курганского поражения городская знать Маргелана, стараясь угодить победителям и спасти свою собственную шкуру, явилась к начальнику карательного отряда, изъявив покорность, и передала ему 15 орудий, принадлежавших восставшим, которыми руководил Пулат-хан². Начальник карательного отряда генерал-майор Скобелев, обеспокоенный тем, что восстание могло вспыхнуть с новой силой, срочно организовал специальную группу, куда входили представители феодальной знати из Маргелана, Оша и других местностей. Он отправил ее с 30 джигитами, дав ей поручение схватить Пулат-хана и доставить в г. Андижан. В ночь с 18 на 19 февраля после перестрелки этой группе удалось взять в плен Пулат-хана и привести его в указанный город. В лице Пулат-хана царская власть видела не только руководителя национально-освободительного восстания, но и непримиримого врага. Не случайно туркестанский генерал-губернатор Кауфман, находившийся в то время в Петербурге, поспешил отправить телеграмму, в которой он дала распоряжение безотлагательно повесить Пулат-хана в г. Маргелане и щедро наградить лиц, предавших его в руки царской власти³. Представители царской власти решили провозвести казнь Пулат-хана публично и тем самым устроить присутствующих и отбить у них охоту к дальнейшему выступлению. С этой целью 1-го марта с утра жителей г. Маргелана и окрестных кыпшаков сгоняли на дворцовую площадь — урду. Здесь собралось несколько тысяч людей. Пулат-хан накануне 29 февраля спокойно выслушал свой смертный приговор, сказал "хоп" — хорошо и, поужинав, лег спать. На следующий день утром его повели на эшафот. Он шел медленно, прихрамывая на больную ногу, внимательно рассматривая собравшийся народ и как бы прощаясь с ним. Перед

¹ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.140.

² Всеподданнейший рапорт Туркестанского ген.-губернатора Кауфмана за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.34, д.346, лл.170—175.

³ Телеграммы Колпаковского и Кауфмана от 19 23 февраля 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.34, д.272, лл.209—210.

эшафотом экзекуторы заторопились и схватили его за плечи, но Пулат-хан гордо отстранил их руки и сказал: "Чего вы торопитесь? Разве вы не видите, что у меня болит нога? Успеете еще!" И сам поднялся на помост¹. Умер Пулат-хан с большим достоинством как национальный герой. Так в 12 часов дня 1 марта 1876 г. был казнен один из верных и видных руководителей рассматриваемого восстания Мулла Искак Асан Оглы, принявший имя Пулат-хана².

В конце января — середине февраля 1876 г. восстание было подавлено. Однако его участники продолжали оказывать сопротивление карателям. Еще происходили некоторые стычки и столкновения. Так, 26 марта указанного года в местности Кара-Кия южнее киштака Сох восставшие кыргызы численностью более 800 человек вступили в бой с отрядом карателей из 42 казаков и 25 стрелков, которыми командовал полковник Н.И. Корольков. Но повстанцы, потеряв несколько десятков человек убитыми и ранеными, вынуждены были отступить³. И после возникали отдельные выступления, которые, однако, не смогли приобрести широкий размах и охватить более или менее значительные районы края.

Как видно из вышеизложенного фактического материала, ханские и царские войска проявляли большую жестокость при подавлении восстания 1873—1876 гг. Они прошли буквально мечом и огнем по районам, охваченным пламенем восстания и потопили в крови народные выступления. Своей жестокостью отличались не только ханские военачальники, но и царские генералы, в частности, Скобелев. Имея в виду жестокое подавление рассматриваемого восстания царскими войсками, академик Пономарев Б.Н. отмечает, что Скобелев проводил "карательные походы в Среднюю Азию"⁴. Подвергая критике некоторых лиц, пытавшихся идеализировать выше-названного царского генерала, доктор исторических наук А.Яковлев пишет, что некоторые авторы "в явно романтизированном виде представляли царского генерала Скобелева без учета его

¹ Хроника. Туркестанские ведомости, 16 марта 1876 г. Рабинович М.Д. и Софинов П.Г. Кокандское восстание 1875—1876 гг. Фонды НАН КР, инв.№ 67. —С. 139—140.

² ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.66, л.391; Там же, л.371.

³ Всеподданнейший рапорт Туркестанского ген.-губернатора Кауфмана за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.365(485).

⁴ Пономарев Б.Н. Исторические науки и образование на уровень задач коммунистического строительства. Коммунист, 1963, № 1. —С.21.

реакционных умонастроений и роли в подавлении народных выступлений в Средней Азии”¹.

Общее число царских войск, действовавших против восставших в 1875—1876 гг., доходило до 20000². Во главе этих карателей стояли царские генералы, в том числе Скобелев, отличавшийся своей жестокостью. Он не жалел ни детей, ни стариков, ни женщин³. Скобелев и другие царские генералы безжалостно сжигали айлы и кишлаки, стирали их с лица земли, убивали и разоряли безоружных жителей только с одной целью — навести страх на коренное население, преподать ему суровый ”урок”, отбить у него охоту к освободительной борьбе и сломить свободолюбивый дух народа. Для них война с восставшими была чрезвычайно выгодна. Ибо она служила им источником славы и боевых заслуг, отличий и орденов, также быстро продвигала по военной службе. Достаточно сказать, что Скобелев начал свои военные действия против повстанцев в чине полковника и не успев справиться с восстанием, ”обличался” в звание генерал-майора царской армии. То же самое можно сказать о Кауфмане, державшем в своих руках все нити руководства военными действиями царских карателей в подавлении интересующего нас восстания. По своей жестокости он не уступал Скобелеву. Не случайно о нем Ф. Энгельс в своем труде ”Анти-Дюринг” писал, что ”генерал Кауфман летом 1873 г. напал на татарское племя омудов, сжег их шатры и велел изрубить их жен и детей, ”согласно доброму кавказскому обычаю”, как было сказано в приказе...”⁴. Жестокость Кауфмана и возглавляемых им карательных отрядов не менее ярко проявились и при подавлении изучаемого восстания.

В результате кровавых действий ханских и царских карателей число взрослого населения южной части Кыргызстана и Кокандского ханства заметно уменьшилось. Академик Миддендорф А.Ф., специально обследовавший Ферганскую долину и ее население по

¹ Яковлев А. Против антиисторизма. Литературная газета, 15 ноября, 1872 г.

² Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. Вестник Европы, 1978, № 6. — С.609.

³ Кровавые действия царских войск во главе ген.-майором Скобелевым при завоевании Средней Азии хорошо показаны академиком Академии наук Туркестанской Республики М.А. Анненсовым. См. Его статью. Присоединение Туркестана к России. Правда истории. // Вопросы истории № II, 1989. История и историография национально-освободительных движений второй половины XIX—начала XX веков. в Средней Азии и Казахстане. —Ташкент, 1989.

⁴ Маркс К. И Энгельс Ф. Соч., т.20. —С.103.

горячим следам рассматриваемого восстания, подчеркивал, что "в категориях по возрастам между 15 и 40 годам число женщин значительно превосходит число мужчин. Это объясняется тем, что во время усмирения восстания в 1875 г. пало большое число способных носить оружие кара-кыргызов"¹. Например, в родах кутлуксеит и кытай до указанного восстания в каждой семье в среднем имелось 5 человек, а после подавления семья состояла лишь из 3,15 душ², т.е. она уменьшилась на 1,85 человек. Приблизительно такая же картина наблюдалась в других кыргызских родах и среди узбеков, принявших участие в восстании.

Царизму — покровителю кокандских ханов, не удалось восстановить ни власть Худояр-хана, ни Наср-Эддин-хана. Царское правительство, не желавшее ранее по тактическим соображениям принять в свое подданство кыргызов, населяющих южные районы Кыргызстана, теперь, напуганное размахом и упорством восстания, было вынуждено ликвидировать Кокандское ханство и 19 февраля 1876 г. присоединить его территорию, в том числе южную часть Кыргызстана, к России³. Вот что сказано по этому поводу в письме туркестанского генерал-губернатора Кауфмана от 2 февраля 1876 г.: "Не видя возможности успокоить население другим способом, Государь император соизволил ныне же принять (Кокандское—К.У.) ханство в подданство Его Величества"⁴, т.е. России. 19 февраля 1876 г. Кокандское ханство и подвластная ему южная часть Кыргызстана была присоединена к России⁵. Из них образовалась Фер-

¹ Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. —СПб., 1882. —С.349—350.

² Там же.

³ Об этом более подробно говорится в нашей специальной монографии "Присоединение Южной Киргизии к России". —Фрунзе, 1960.

⁴ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.66, л.254. Аналогичные сведения находим в следующих архивных документах: Письмо И.Д. Туркестанского ген.-губернатора эмиру Бухарскому от 17 февраля 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.66, л.289—290; Указанное письмо Колпаковского. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.34, д.273, л.26—27; Обращение того же Колпаковского к населению Кокандского ханства от 7 февраля, 1876 г. Там же, л.124; Рапорт ген.-майора Скобелева от 12 марта 1876 г. Там же, д.68, л.148—152.

⁵ Указ императора Александра II от 19 февраля 1876 г. См.: Полное собрание законов Российской империи. —СПб., 1876. Собр. 2-ое отд. I. —С.139—140; Об этом историческом акте говорится также в архивных документах — ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.66, л.254—290.

ганская область, вошедшая в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Итак, восстание кыргызского, узбекского и таджикского народов 1873—1876 гг. объективно привело к ликвидации Кокандского ханства и к присоединению его территории с подвластным ему районами к России. Это имело определенное значение в историческом развитии вышеназванных братских народов.

Несмотря на массовость, широкий размах и продолжительность выступлений, упорство, решительность и смелость их участников, исследуемое восстание не увенчалось успехом. Это объясняется слабой организованностью, стихийностью и плохим вооружением повстанцев, отсутствием единого руководства, плана действий и ограниченностью политического сознания восставших, изменой представителей феодальной знати, а также превосходством ханских и царских регулярных войск—карателей — в вооружении и организации. Поражение восстания тесно связано прежде всего с внутренней социальной обстановкой в ханстве. Восстание протекало стихийно, его участники — трудящиеся — наивно пытались избавиться от феодального гнета путем свержения ненавистного им жестокого хана и провозглашения на его место "доброго" хана. Основная масса повстанцев мирилась с тем, что определенная часть руководителей восстания состояла из феодалов знати, которая выше всего ставила свои интересы, стараясь направить антифеодальную борьбу народных масс по религиозному руслу и после первых же серьезных неудач переходила на сторону карателей. Рядовые повстанцы, убедившись в корыстных целях феодальных попутчиков, не имевших ничего общего с основными задачами восстания, значительно охладели, теряя уверенность и решительность в своих действиях против хана и кокандских феодалов и их покровителя царской власти, хотя они еще имели возможность продолжать освободительную борьбу. Предательские действия представителей феодальной знати способствовали ослаблению и поражению восстания 1873—1876 гг.

Исследуемое восстание было вызвано феодально-ханским гнетом и направлено против феодальной знати во главе с ханом и его покровителя и защитника — царизма. Оно носило антифеодальный

и народно-освободительный характер¹. По своей массовости, размаху и продолжительности это восстание являлось самым крупным движением в истории народов Средней Азии до начала XX века, когда революция потрясла всю страну и весь мир. В то же время по своему социальному составу, целям и характеру интересующее нас восстание составляло одно из сложных исторических событий.

Оно охватило всю территорию Кокандского ханства южной части Кыргызстана и значительную часть Таджикистана, в том числе ряд районов, которые находились в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Это восстание продолжалось в течение трех лет. В нем участвовали сотни и тысячи повстанцев. Часто количество восставших доходило до 70—80 тысяч и более человек. Бывали случаи, когда число борцов за свободу превышало 200 тысяч человек. Участие в восстании 1873—1876 гг. широких масс узбекских, кыргызских и таджикских трудящихся, боровшихся против феодально-ханского гнета и его защитника — царской власти, обусловило его массовость, общенародность и упорство. В этом отношении значительный интерес представляет следующее сообщение очевидца рассматриваемого восстания, известного востоковеда Куна А.Л. Вот что он пишет: "Страсти наружно на время успокаивались, но оскорбленное народное чувство однако не дремало. Август месяц 1875 г. и последующее затем время показало, как глубоко пустила корни болезнь всеобщего недовольства против хана и его приближенных, душивших народ непомерными налогами, взяточничеством и т.п. действиями"². Даже некоторые высокопоставленные царские чиновники не могли отрицать общенародный и массовый характер изучаемого восстания. Так, Кауфман, пристально следивший за ходом этого восстания и являвшийся организатором, руководителем царских карателей, в своих замечаниях и воз-

¹ Мы вполне разделяем мнение некоторых авторов, оценивающих изучаемое восстание как народное движение, носившее антифеодальной и антиколониальный характер. См.: *Хасанов А.Х.* Народное движение в Киргизии в период Кокандского ханства. — М., 1977. — С.65—93. *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. — Фрунзе, 1977. С.308—320. *Юсупов Э.Ю., Турсунов Х.Т.* К вопросу о характере восстания 1916 г. в Средней Азии. История СССР, № 5, 1981. — С.163.

² *Кун А.Л.* Очерки Кокандского ханства. // Изв. Русск. Геогр. Общ., т. XII, 1876. — С.59. Заметим, что в июле 1876 г. и последующее время, т.е. во втором периоде изучаемого восстания Кун А.Л. находился в Коканде. Им доставлен в Петербург архив Кокандского ханства, насчитывающий более 5 тысяч документов.

ражениях, сделанных им по поводу статьи "О борьбе русских с кипчаками и кара-кыргызами", напечатанной на страницах либеральной газеты "Голос", вынужден был заметить, что "Борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так легко подавить... Никогда еще в Средней Азии русским (царским властям—К.У.) не приходилось испытывать такой длинной и упорной борьбы. Мы первый раз столкнулись с энергичным бойцом и познали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств"¹. Нетрудно заметить, что в этих строках звучит тревога, боязнь и страх, испытываемые представителями царской власти в ходе народного восстания 1873—1876 гг.

Восстание 1873—1876 гг. началось и протекало как антифеодальное и народно-освободительное выступление. Его движущими силами были кыргызские, узбекские и таджикские трудовые дыйкане, рядовые скотоводы, ремесленники и кустари, обнищавшие и разоренные в результате грабительской политики кокандского хана и его чиновников. В этом восстании принимали участие и представители феодальной знати. Занятие царской Россией большей части территории ханства привело к резкому уменьшению размеров феодальных, особенно вакуфных владений и сильному сокращению доходов феодальной знати. Более того, Худояр-хан, опираясь на поддержку царской власти, перестал считаться с крупными феодалами, даже с такими высокопоставленными лицами, как Абдурахман Афтобачи, Иса-Аулие и другими, которые играли раньше большую роль во внутренних и внешних делах ханства. Все это ущемляло интересы и привилегии части феодалов, военно-чиновничьей знати, мусульманского духовенства, правителей отдельных городов и создавало почву для присоединения их к восстанию. Представителям феодальной знати, присоединившимся к восстанию, удалось отчасти стать во главе повстанцев. Характер рассматриваемого восстания, как и всех других исторических событий, определялся участием трудящихся масс, которые составляли его движущую силу, а не действиями представителей феодальной знати.

¹ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.67, л.312—316; О борьбе русских с кипчаками и кара-кыргызами. //Голос. 1876, № 105, см. Туркестанский сборник, т.151, — С.76—88.

Кстати, основная часть феодалов оставалась в стороне от восстания. Она проявила свою верность кокандским ханам и их защитнику—царской власти. Многие оказывали свои услуги карателям в подавлении восстания. И царская власть, боявшаяся народного восстания как огня, не оставила без внимания представителей феодальной знати, проявивших особое усердие в подавлении восстания. Солидную пенсию дали бывшим кокандским ханам Худояру и Наср-Эддину, против которых боролись повстанцы, а также предателям Абдурахману Афтобачи, Иса-Аулие и другим. Тем самым царская колониальная власть пыталась укрепить свою социальную базу в крае и более активно привлечь местных эксплуататоров к борьбе против выступлений трудящихся за свою социальную и национальную свободу.

Местное население, томившееся под гнетом "своих" эксплуататоров и царской власти, всячески поддерживало восстание и принимало в нем активное участие. Даже царские чиновники, как правило, умалчивающие о народной борьбе и скрывающие ее от других, вынуждены были зафиксировать факты о сочувствии, поддержке и участии в восстании трудящихся кыргызов, находившихся в подданстве России. Один из них писал: что "туземцы по случаю происходивших (восстание 1873—1876 гг.—К.У.) находились в напряженном состоянии и скрывали от русской (царской—К.У.) власти то, что им известно. Тревожные слухи усиливались с каждым днем, а 15 августа (1875 г.—К.У.) перед выступлением сотни мне было донесено, что на ауле-атинских кара кыргызов надеяться нельзя"¹. А другой царский чиновник, принимавший активное участие в действиях карательного отряда, заметил, что жители Ходжентского уезда, "как и все кишлачные жители, заведомо принимали участие в восстании, чему есть очень много доказательств"². Под давлением фактов начальник карательного отряда Скобелев в своем рапорте от 5 ноября 1875 г. отмечал: "Жители кыштакон хотя высказываются за нас, но тайно участвуют в общем восстании, помогая шайкам (восставших—К.У.) деньгами и натурой"³. Царские

¹ Рапорт начальника Аулие-Атинского уезда от 3 сентября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.34, д.272, л.82—83.

² Рапорт начальника Ходжентского уезда барона Нольде от 17 августа 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.63, л.230(315—К.У.).

³ Рапорт Скобелева от 5 ноября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.65, л.71.

власти приняли ряд мер для того, чтобы не давать восстанию распространиться на территорию, подвластную им. Помимо открытых действий против повстанцев, представители колониальной власти под угрозой смертной казни запрещали жителям уездов общаться с восставшими, установили военные патрули и объездчиков, которое строго следили за населением пограничных районов и ловили подозрительных лиц, а также усилили полицейскую охрану”¹. Однако, все это не привело к желаемому результату. Как указано выше, ряд районов и городов, которые несколько лет тому назад вошли в состав России, были охвачены пламенем восстания.

Как показывают вышеизложенные фактические материалы, восстание 1873—1876 гг. являлось совместным выступлением трудящихся узбеков, кыргызов, таджиков и каракалпаков, томившихся под гнетом кокандских феодалов во главе с ханом. Общность исторической судьбы, все усиливающийся феодальный гнет и поддержка его царской властью объединили и подняли трудящихся этих братских народов на борьбу за народную свободу. Национальная вражда и недоверие между народами, которые усиленно пропагандировали кокандские ханы и их чиновники, а также местные феодалы, не могли помешать объединению трудящихся на общую борьбу против угнетателей. Совместное выступление узбеков, кыргызов, таджиков и каракалпаков в восстании 1873—1876 гг. нашло отражение в официальных архивных документах. Вейнберг, очевидец нападения восставших на кокандского хана и окружающих его феодалов, летом 1874 г. отмечал, что ”оседлое население (узбекские и таджикские дехкане—К.У.) наравне с кочевниками (кыргызские и кипчакские рядовые скотоводы—К.У.) тяготится настоящим положением дел в ханстве, и если доньше между этими двумя элементами не было солидарности, то не потому, что они относились враждебно один к другому: подобные отношения существуют между главными представителями (феодалами—К.У.) этих народностей, простолюдин или хлебопашец или работник вполне

¹ Рапорт Аулис-Атинского уездного начальника от 3 сентября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.34. д.272, л.82—85; Рапорт военного губернатора Сыр-Дарьинской области от 20 сентября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.34. д.272, л.108—110; Рапорт военного губернатора Семиреченской области от 22 января 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.34. д.272, л.26—27.

сочувствует кочевнику, живущему со своими стадами”¹. Кауфман, пристально следивший за ходом восстания, отмечал, что ”в зиму 1874—1875 гг. недовольство на хана все увеличивалось и наконец к весне 1875 г. охватило все население ханства не только кочевое (кыргызское и кипчакское—К.У.), но и оседлое узбекское и таджикское”². Начальник карательного отряда генерал-майор Скобелев в начале января 1876 г. подчеркивал, что узбеки, кыргызы, кипчаки и таджики, собиравшиеся в г. Андижан, число которых подходило до 80 тыс. человек, ”по общему согласию дали клятву защищаться до последних сил и не отступать, несмотря ни на какие потери”³. Социальные интересы трудящихся узбеков, кыргызов и таджиков сплачивали их в борьбе против феодально-ханского гнета и его защитника — царской власти.

По своей социальной сущности данное восстание представляло крестьянское движение. В его основе лежала борьба за землю. Но разные классы по-разному смотрели на землю. Для узбекских, кыргызских и таджикских трудовых дыйкан земля являлась необходимым условием для существования, а Абдурахман Афтобачи, Иса Аулие и другие крупные феодалы относились к земле, как к собственности, унаследованной от своих предшественников. Борьба эта была порождена и обострена суживанием земельных угодий в связи с вытеснением трудовых дыйкан с обжитых участков, узурпацией пастбищ кочевой знатью и занятием большей части территории Кокандского ханства царскими войсками.

Как и всякие другие крестьянские выступления, восстания 1873—1876 гг. носило стихийный, локальный, разрозненный и неорганизованный характер, порожденный патриархальным бытом, экономической, политической и культурной отсталостью повстанцев. Далеко не всегда и не везде ощущалось единое руководство восстанием, хотя общими руководителями последнего считались Пулат-хан и Абдурахман Афтобачи. Выступления возникали в разных районах и нередко в разное время. Часто каждое выступление имело своего руководителя, который по существу никого не признавал и ни с кем не считался. Это проявилось в выступлениях кыр-

¹ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.61, л.326, док.331.

² Всеподданнейший рапорт Кауфмана за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.1. оп.31, д.346, л.126.

³ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.64, л.400.

кыргызских и кинчакских кочевников. Вот что сказано по этому поводу в архивном документе: "В каждом роде между кыргызами и кипчаками есть свой начальник, никому не подчиняющийся и действующий самостоятельно"¹. Такой же стихийный характер носили выступления повстанцев—узбеков, кыргызов и таджиков, а также борьба жителей кишлаков и городов, принимавших участие в этом восстании. Повстанцы не имели боевого штаба и единого центра, которые могли бы конкретно и четко наметить основные цели и задачи восстания, заниматься вооружением и обучением восставших, обеспечить их продовольствием и боеприпасами, направить удары выступления против феодально-ханского гнета и его защитника—царской колониальной власти. Силы восставших оказались раздробленными и распыленными.

Это восстание относится к числу крестьянских движений, которые имели массу темноты, неорганизованности. В политическом отношении участники восстания были неразвитыми. Они не осознавали ясно цели и задачи восстания. Их классовое самосознание было еще недостаточно развито. Повстанцы, особенно кыргызские и кипчакские кочевники, не были свободны от патриархально-родовых пережитков и недостаточно понимали своих классовых интересов. Они не развернули полностью собственные требования. Для идеологии восставших узбекских, кыргызских, таджикских дыйкан характерны были царистские иллюзии. Участники восстания наивно пытались избавиться от феодально-ханского гнета путем замены жестокого, ненавистного хана "народным", "гуманным" ханом. Кроме ханской власти, они не знали и не могли знать другую форму правления страной. Повстанцы, выступая против феодально-ханского гнета и его защитника—царизма, не проявляли твердости, последовательности в отношении представителей эксплуататорского класса, принимавших участие в этом восстании. Более того, они в значительной степени уступили руководство восстанием, особенно во втором его этапе, феодалам, стремившимся направить народное выступление, против самих же трудящихся масс.

Абдурахман Афтобачи, недавно вернувшийся из г. Мекки, куда он ездил на паломничество, Иса-Аулие, отличавшийся религиозным

¹ Рапорт токмакского уездного начальника от 8 декабря 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1. оп.34, д.272, л.186.

фанатизмом, и другие представители феодальной знати, пытаясь использовать выступления трудящихся в своих интересах и направить его по антирусскому руслу, в августе 1875 г., т.е. в начале второго этапа восстания, объявили газават, т.е. священную войну против "неверных". Названные лица и другие попутчики восстания писали религиозные воззвания, в которых призывали верующих, в том числе кыргызов, принявших русское подданство, к газавату¹. Однако, представителям феодальной знати не удалось навязать восставшим лозунг газавата и направить народное выступление по антирусскому руслу. Религиозный призыв не находил широкой поддержки у участников восстания, боровшихся против феодально-ханского гнета и его защитника—царской власти. Ибо газават не имел ничего общего с антифеодальным выступлением трудящихся масс. Но при этом нельзя упускать из виду того, что в этих условиях восстание не могло быть свободным от религиозной окраски². В интересующий нас период коренное население исповедовало ислам, следовательно, восставшие были верующими и боролись не только против феодально-ханского гнета, но и его защитников — царских карателей, которые придерживались другого верования. Религиозная окраска, свойственная многим национально-освободительным движениям, была присуща и восстанию 1873—1876 гг. на втором его этапе. Однако она не могла изменить антифеодальный и народно-освободительный характер последнего.

Как свидетельствуют некоторые архивные данные, газават все же не является единственным лозунгом восставших. У кыргызских

¹ Об этих воззваниях и религиозном лозунге, выдвинутом представителями феодальной знати, более подробно говорится в текстах докладов *А.В. Пяковского* и автора данных строк, помещенных в "Трудах института языка, литературы и истории кыргызов. ФАН СССР, вып. IV, 1954.

² Всеподданнейший рапорт Кауфмана за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.34, л. 346, л.140—141; Письмо бухарского эмира Сеида Музафара от 30 декабря 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.65, л.л.400—402; Рапорт командующего войскам Сыр-Дарьинской области от 2 августа 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.716, оп.1, д.63, л.167; Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. Вестник Европы, 1876; № 6. —С. 606; Боголюбов А. Очерки войны в Средней Азии 1876 г. //Военный сборник № 1, 1880. —С. 153; *Костенко Л.* Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии. //Военный сборник, № 10, 1887. —С. 153; *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. Санкт-Петербург, 1890. —С. 313—314; Россия, полное географическое описание нашего отечества. Под ред. *Семенова Тян-Шанского*. П.П., т. XIX. —СПб, 1913. —С. 311.

и кипчакских повстанцев, отличавшихся меньшей приверженностью к религии ислама, популярным был призыв "кыл-куйрук", т.е. призыв к поголовному участию в восстании¹. Вот что сообщал по этому поводу кыргызский повстанец, попавший в плен к карателям. У кыргызов, "как и у кипчаков, своего рода газават, или как они называют "кыл-куйрук" (кыл-куйрук — К.У.), т.е. поголовное участие всего населения в войне (восстания — К.У.)"². Призыв кыл-куйрук находил поддержку в широких слоях кочевого и полукочевого населения ханства.

Восстание ни в какой степени не носило антирусский характер. Наоборот, значительные слои восставших народных масс, особенно кыргызские скотоводы, тяготели к России и придерживались русской ориентации. Но представители царизма своими действиями, направленными на защиту власти Худояр-хана, а затем Наср-Эддин-хана, настроили против себя повстанцев, сопротивление которых пришлось им сломить лишь военной силой. То были трагические страницы истории. Правящим классам царской России были ближе интересы правящих верхов Кокандского ханства, нежели интересы народных масс, охваченных к тому же "смутой и беспорядками". Трудно не согласиться с мнением некоторых исследователей, что если бы царская власть не брала под свою защиту свергнутых ханов Худояра и Наср-Эддина, а также окружавших их феодалов, то со стороны восставших не было бы действий, направленных против русских войск.

Рассматриваемое восстание происходило в два этапа. Первый из них охватывал время с ранней весны 1873 г., т.е. с начала восстания до середины июля 1875 г. На этом этапе основными участниками восстания являлись кыргызские кочевники и полукочевники, населяющие южные и юго-восточные районы ханства. Их поддерживали узбекские и таджикские дехкане, которые нередко принимали активное участие в открытых выступлениях скотоводов. При занятии узбекских и таджикских кыштак и городов повстанцами местные жители, как правило, присоединялись к восставшим и вместе с ними активно боролись против кокандского хана и окружающих

¹ Хасанов А.Х. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. — М., 1977. — С. 64.

² Рапорт коменданта крепости Махрама от 28 октября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.65, л.257.

его феодалов. На этом этапе восставшие, в частности, кыргызские народные массы, борясь против кокандских угнетателей во главе с ханом, искали помощи и поддержки у России. Они, пытаясь заручиться покровительством русских властей, неоднократно обращались к ним с письмом и присылали своих представителей. И даже изъявили желание принять русское подданство. Однако представители царизма, поддерживая власть кокандского хана и окружающих его феодалов, не давали положительного ответа на эти просьбы повстанцев. На этом этапе восстание, хотя и успело приобрести массовый характер, но не имело еще широкого размаха. Оно ограничивалось захватом южной части Кыргызстана и некоторых районов самого Кокандского ханства. В этот период выступлениями повстанцев руководили в основном выходцы из народа. Восстание было направлено исключительно против кокандского хана и его окружения из феодальной знати.

Второй этап охватывал вторую половину июля 1875 г. до середины февраля 1876 г., т.е. до конца восстания. Выступление приобрело особенно широкий размах и небывалую массовость. Восстанием была охвачена южная часть Кыргызстана, вся территория Кокандского ханства, в том числе некоторые районы и города, недавно вошедшие в состав России. В нем принимали активное участие широкие слои коренного населения Кокандского ханства и подвластные ему народы. На этом этапе восстание превращалось в совместное выступление узбекских, кыргызских и таджикских трудящихся против феодально-ханского гнета и его покровителя и защитника — царизма. Восстание, не теряя своей антифеодальной сущности, приобрело антиколониальный характер. Его острие постепенно направлялось против царской власти, которая, руководствуясь своими колониальными интересами, взяла под открытую защиту свергнутых кокандских ханов и направила войска для подавления восстания. На втором этапе, в частности, начиная с августа месяца, восстание в известной степени приобрело религиозную окраску, что однако не могло повлиять на характер восстания и направить его по антирусскому руслу. На этом этапе к восстанию присоединился ряд представителей феодальной знати, преследовавших свои личные интересы. Некоторые из них сумели пробраться к руководству восстанием. Но им не удалось использовать выступление трудящихся в своих корыстных интересах придав ему реакционный характер.

Верным и более последовательным руководителем восстания 1873—1876 гг. являлся Мулла Искак Асан оглы — Пулат-хана (1844—1876 гг.)¹. Как свидетельствует ряд архивных документов и литературных источников, Пулат-хан был выходцем из народа. Начальник Заравшанского отдела А. Абрамов и военный историк М. Терентьев подчеркивает, что Пулат-хан был простым кыргызом². Правитель Кашгара Мухаммед Яккуббек и шах Каратегина Мухаммед Рахимбай называли Пулат-хана безродным самозванцем или неким муллою Искаком³. На социальную принадлежность Пулат-хана обратили внимание представители коренного населения Ферганы. Так, кокандский поэт того времени Котиби, осуждая и бичуя Абдурахмана Афтобачи за его предательство под крепостью Махрам, отмечал, что измученные народные массы "нашли некоего бедного кыргыза, избрав его ханом, назвали Пулат-хан"⁴. Деятельность Пулат-хана, как руководителя восстания, нашла отражение и в кыргызском народном фольклоре. В нем он изображается как бесстрашный, смелый и решительный народный вождь⁵. Пулат-хан руководил восстанием с самого его начала до конца. Ему пришлось возглавить повстанцев в сложных социально-политических условиях и испытать немало трудностей. Ни тюремное заключение, которому он подвергнулся в течение месяца, ни угроза физического уничтожения и ни те опасности, в результате которых его жизнь висела на волоске, не заставили Пулат-хана отказываться от восстания. Несмотря на серьезное ранение, полученное им в одном из сражений, он продолжал руководить восстанием.

¹ На наш взгляд, Пулат-хан как руководитель восстания объективную оценку получил в вышеуказанных работах *Хасанова А.Х.* (стр. 65, 80, 88), *Плоских В.М.* (стр. 309—311), а также во II томе *Истории Узбекской ССР*. — Ташкент, 1968. — С. 30.

² Письмо начальника Заравшанского отдела Абрамова А. От 6 января 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 66, л. 63. *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. — СПб, 1906, т. II. — С. 361.

³ Письмо правителя Кашгара Мухаммеда Якуба (Якуббека — К.У.) от марта 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 67, л. 1; Письмо Каратегинского шаха Мухаммеда Рахимбая. ЦГА Респ. Узб., ф. 715, оп. 1, д. 67, л. 168.

⁴ Цитируем по работе *Иноятова Х.Ш.* Восстание 1873—1876 гг. Завоевание Кокандского ханства, в кн.: *История Узбекской ССР*, т. II. — Ташкент, 1968. — С. 35.

⁵ Ноокаттын тарыхый материалдары. Собрал *Мифтяков К.* Фонды НАН Кыргызской Республики, инв. № 380 (209), л. 52; Там же, инв. 205, л. 76. Пулат-хан нашел отражение в художественной литературе. Его образ как верного руководителя восстания 1873—1876 гг. ярко запечатлен в романе писателя Т. Касымбекова *Сломанный мечь*. — Фрунзе, 1983.

Самозванство, т.е. царские черты русского крестьянского движения, четко проявилось в рассматриваемом восстании и в действиях его руководителя за "хорошего" и "справедливого" царя". А Пулат-хан, как и все другие повстанцы, не знал и не мог знать другой формы правления, кроме ханской. Он приложил все свои усилия к упрочению ханской власти к краю. После провозглашения его ханом (октябрь, 1875 г.) Пулат-хан стал действовать соответственно своему титулу. В целях укрепления своей власти он проявил некоторую твердость, подвергая казни не только представителей феодальной знати, но и тех, кто вызывал у него подозрение в измене¹. Как подчеркивается в архивных документах, он казнил и "преимущественно старших людей"², т.е. влиятельных феодалов. Пулат-хан приказал казнить даже своего отца, трехкратно предупрежденного не вмешиваться в его политические дела, "за просьбу оставить жизнь одному влиятельному человеку"³, т.е. крупному феодалу. Жестокими казнями он пытался нагнать страх на своих врагов, царских карателей, да и на все население ханства.

Став кокандским ханом, мулла Искак, хотя и не оторвался от народных масс и продолжал опираться на них, но привлекал к власти некоторых представителей феодальной знати, назначая их правителя городов и на другие должности⁴.

Пулат-хан, возглавляя борьбу трудящихся против кокандских ханов и царской колониальной власти, не проявил враждебности к России и русскому народу. Бывали случаи, когда он пытался установить дружественные связи с Россией⁵, присылал к ней своих

¹ *Корытов Н.* Самозванец Пулат-хан. // Ежегодник Ферганской обл. т. 1, вып. 1902. —С. 30,31,32,38. *Серебренников А.* Кокандский поход 1875—1876 гг. (Без выходных данных), стр. 67 (211)—68 (212).

² Записка (автор неизвестен — К.У.) от 15 ноября 1875 г. ЦГВИА России, ф. ВУА, д. 6878, л. 32.

³ Рапорт генерал-майора Скобелева от 4 ноября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.65, л.33.

⁴ Послесловие рапорта Скобелева от 29 ноября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.64, л.328(389); Письмо Каратегинского шаха Мухаммед Рахимбая от 15—17 марта 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.67, л.168—169; *Корытов Н.* Указанная статья. —С.27, 30, 34—35; Военные действия против кокандцев 1875 и 1876 гг. (по официальным донесениям) // Военный сбор., № 3, 1876. —С.64,70; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. —СПб, 1906, т.11,—С.405,408.

⁵ Рапорт военного губернатора Сыр-Дарьинской области от 21 сентября 1874 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.61, л.158—159 (305—306).

представителей. Но царская власть, видя в его лице непримиримого врага, относилась к нему враждебно, арестовывала членов делегацией и тем самым не допускала дальнейших связей. Пулат-хан старался привлечь на свою сторону некоторых русских военнопленных. Так, в ноябре 1875 г. по его настоянию двое русских солдат возглавили небольшие группы восставших, а один офицер и рядовой военнослужащий, не желавшие присоединиться к восстанию, были убиты¹. Пулат-хан все же надеялся на улучшение отношений с Россией.

Отношение людей к Пулат-хану обуславливалось социальными симпатиями и антипатиями. Разные социальные группы относились к нему по-разному. Для трудящихся масс Пулат-хан был руководителем выступления угнетенных, т.е. народным вожаком, которого воспевали в песнях и складывали о нем стихи. Наоборот, для кокандских ханов и окружающих их феодалов, а также царской колониальной власти Пулат-хан являлся "бунтовщиком", "самозванцем", "злодеем", "разбойником", "кровопийцей", осмелившимся поднять руку на эксплуататоров и нарушившим их благополучие.

Рассматриваемое восстание хотя и кончилось поражением, имеет большое историческое значение. Оно играло определенную роль в деле роста социального самосознания трудящихся. Это восстание ярче и глубже раскрыло социальные противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми, дало возможность трудовым массам лучше осознать свои классовые интересы и отчетливо разглядеть подлинное лицо местных феодалов, а также царских чиновников. Оно нанесло серьезный удар царским завоевателям, в конечном счете объективно привело к ликвидации Кокандского ханства, насильственному присоединению его территории, в том числе южной части Кыргызстана, к России. Это восстание избавило южных кыргызов от кокандского господства, хотя здесь был установлен наиболее тяжелый колониальный режим царской России.

¹ Послесловие рапорта Скобелева от 29 ноября 1875 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.64, л.330(391).

ГЛАВА IV

Антиколониальные выступления коренных жителей края в 80—90 годах XIX века

Андижанское восстание 1898 года

Хотя в середине февраля вся территория бывшего Кокандского ханства и южная часть Кыргызстана была присоединена к России, некоторые высокогорные районы, в частности Алай, Гульча и Памир, фактически оставались вне сферы Российской империи. В этих труднодоступных районах находили спасение от царских карателей бывшие сподвижники казненного Пулат-хана: Абдуллабек, Оморбек, Сулайман Удайчи, Валихан-Тюре и ряд других. Представители царской колониальной власти, напуганные только что подавленным восстанием, опасались дальнейших вспышек народных выступлений, пытались изловить указанных и других ненадежных лиц и строго их наказать. С этой целью в 20-х числах апреля 1876 г. на Алай, в частности в укрепление Дараут-Курган, был направлен полубатальон под начальством капитана Исполат-бека. При столкновении с кочевниками данной местности, во главе которых стоял Абдуллабек, отряд потерпел поражение, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, и вынужден был вернуться в г. Маргелан¹. Не увенчалось успехом действие и второго царского карательного отряда².

Тем временем часть кочевников Алая (600 кибиток) в целях принятия русского подданства стала перекочевывать из названной местности к низовьям урочища Гульчи, где строилось одноименное укрепление, в котором находился царский военный отряд³. Абдуллабек, Оморбек, Сулайман Удайчи, Таныкул Пансат, Валихан-Тюре и некоторые другие влиятельные лица, возглавляя местных жителей, решивших отстоять свою независимость с оружием в руках, заняли стратегически труднодоступную позицию в высокогорной

¹ Тагеев В.Л. Памирский поход (воспоминание очевидца). // Русский вестник, 1889, № 11, см.: Туркестанский сборник, т.420. — С.378, 369.

² Всеподданнейший рапорт туркестанского ген.-губернатора за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.365(485).

³ Рапорт начальника карательного отряда генерал-майора Скобелева от 20 мая 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.399.

местности Янги-Арык (вернее Жанырык) в 25 верстах от Гульчи. Число повстанцев доходило до 1500 человек. В этом выступлении активное участие приняли кыргызы рода сарттар, ульджаке, кокче и некоторые другие, кочующие в названных высокогорных урочищах. Как подчеркивал начальник царского карательного отряда, к участникам выступления "пристали и бродяги разного происхождения"¹. Участниками выступления было прервано караванное сообщение с Восточным Туркестаном по Терек-Даванскому торговому пути. Кроме того, возникала реальная угроза нападения восставших на царский военный гарнизон, находившийся в Гульчинском укреплении.

Все это очень обеспокоило царскую колониальную власть и способствовало организации специального карательного отряда, назвавшегося "экспедицией на Алай". Этот отряд состоял из 390 вооруженных солдат и офицеров. Во главе его стоял генерал-майор Скобелев², приобретший опыт подавления народных выступлений. Этот карательный отряд должен был разгромить указанное выступление, очистить караванный путь в Восточный Туркестан и установить власть царского самодержавия над населением Алая и Гульчи³, т.е. присоединить названную местность к России.

25 апреля 1876 г. каратели подошли к Янги-Арыку, где участники выступления энергично готовились к решительному отпору. Повстанцы перегородили тропу, ведущую к ним, устроили несколько рядов каменных завалов и разобрали мост на речке. Им казалось, что их позиция неприступна. Однако, вскоре они увидели карательный отряд, с которым завязалось сражение. Как отмечено в архивном документе, по карателям "был открыт сильный и меткий огонь, и вместе с тем обнаружилось, что хребет этот до самой вершины занят многочисленным неприятелем (повстанцами—К.У.), укрывшимся за каменными завалами"⁴. Нелегко было справиться с повстанцами, которые занимали выгодную позицию в стратегическом

¹ Указанный рапорт. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.408.

² Всподданнейший рапорт туркестанского ген.-губернатора за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.366(486).

³ Рапорт начальника карательного отряда генерал-майора Скобелева от 20 мая 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.399.

⁴ Рапорт начальника карательного отряда генерал-майора Скобелева от 20 мая 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.403.

отношении и оказывали сильное сопротивление царскому отряду. Очевидец этого похода Тагеев В.Л. писал, что "позиция кыргыза была неприступна. Они скрываясь за камнями и за завалами, сильно поражали нас так, что Скобелеву скоро пришлось убедиться в невозможности атаковать горцев, и он решил произвести обход"¹. Но все же каратели продолжали свою попытку взять позицию повстанцев приступом. Они, поднимаясь по крутой скалистой высоте, дошли до ее половины, где были встречены повстанцами "сильным огнем и градом камней"². Участники выступления с целью нанесения сильного удара по карательному отряду, укрываясь за гребнем горы, "подбежали густыми толпами к ним (карателям—К.У.) навстречу"³. Но "после двухчасового упорного боя"⁴ карателям все же удалось занять первый ряд каменного завала. Однако участники выступления, скрываясь за остальными завалами на высоте, продолжали оказывать упорное сопротивление и наносить удары по карательному отряду. Этого не мог отрицать даже такой высокопоставленный царский чиновник, как Кауфман. Он в своем всеподданнейшем рапорте за 1877—1888 гг. писал: "Неприятель (участники указанного выступления—К.У.) дрался хорошо и, пользуясь выгодами местности, показал, большую стойкость"⁵. Начальник карательного отряда генерал-майор Скобелев, убедившись в невозможности взять высоту приступом, решил найти обходный путь и нанести удар повстанцам с той стороны, откуда они не ждали наступавших. В этом отношении карателям помог некий Иманкул, преследовавший свои личные интересы и предавший выступление. Он указал карательному отряду обходной путь в тыл оборонявшихся⁶. Но участники выступления продолжали оказывать упорное сопротивление. Карателям все же удалось захватить указанную позицию и вытеснить оттуда повстанцев. Последние, оста-

¹ Тагеев В.Л. Памирский поход (Воспоминание очевидца). //Русский вестник, 1898, № 11.—Туркестанский сбор., т.40. —С.367—369.

² Рапорт начальника карательного отряда генерал-майора Скобелева от 20 мая 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.404.

³ Там же.

⁴ Из Ферганской области. Русский мир. 1876, № 146, //Туркестанский сборник, т.146. —С.112.

⁵ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.367 (487).

⁶ Ювачев И.П. Курманжан-датха—каракиргизская царица. //Исторический вестник, 1907, № 12. —С. 967—968.

Абдуллабек Алымбек уулу

вив на поле боя более 150 человек убитыми, вынуждены были отступить. Число раненых повстанцев было значительно больше. Карательный отряд потерял 3 чел. убитыми и 21 ранеными¹.

После поражения Абдуллабек со своими братьями Махмудбеком, Асанбеком и сподвижниками бежали к перевалу Кызыл-Арт и скрылись в горах Памира². Курманжан-датха, правившая населением Алая и Гульчи с сыном Камчыбеком, племянником Мурзапаясом и некоторыми другими лицами, пыталась уйти из края и скрыться за его

пределами. Но она попала в руки царских карателей, возглавляемым князем Витгенштейном, который доставил ее в Гульчу и представил генерал-майору Скобелеву. Последний, увидев в лице Курманжан датхи свою социальную опору, решил привлечь ее на свою сторону. Ей был устроен теплый прием с богатым достарханом, т.е. угощением. Скобелев подарил Курманжан датхе парчовый халат и предложил ей и ее сыновьям "теплые" места. Сыновья Курманжан датхи, за исключением Абдуллабека, были назначены волостными управителями. Ее называли "царицей Алая", и фактически она про-

¹ Рапорт начальника карательного отряда генерал-майора Скобелева от 20 мая 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.408.

² Ювачев И.П. Указанная статья. — С.968.

должала управлять этим районом¹, сохраняя свою власть над коренным населением. Курманжан датха и ее сыновья вынуждены были служить колониальной власти. Они "приносили огромную пользу нашему (царскому—К.У.) правительству"²,—подчеркивал В.Л.Тегеев, близко знавший ее. На страницах периодической печати того времени отмечалось, что Курманжан датха делала все, чтобы удержать кыргызов от напрасных кровавых столкновений и старалась уговорить сыновей вернуться на родину³ и служить колониальным властям, что и было сделано. Забегая вперед, заметим, что царская колониальная власть, сохраняя и поддерживая социальные привилегии и влияние Курманжан датхи, щедро одаривали ее ценными подарками. Она получила несколько почетных парчовых халатов, золотые часы с бриллиантовой короной и другие ценные подарки. Ей также определили пенсию в размере 300 руб. в год.

Данное выступление тоже явилось отголоском восстания 1873—1876 гг., во главе которого стояли вышеназванные сподвижники Пулат-хана. Оно было направлено против царской колониальной власти и носило народно-освободительный характер. Его очевидец В.Л. Тегеев не без основания писал: "На Алае вспыхнуло восстание. Закипело, заколыхалось горное селение Алая, и шайки (группа повстанцев—К.У.) отважных батыров стали пополняться новыми силами. Из покоренной Ферганы бежали узбеки и кыргызы, и все это стекалось на громкий клич Абдуллабека, раздававшийся с высоты снежного Алая"⁴. Другой современник этого выступления заметил, что местные батыры и сыновья Курманжан датхи

¹ Тегеев В.Л. Памирский поход (Воспоминание очевидца). —Русский вестник, 1898, №11.//Туркестанский сбор., т.420. —С.369—371. Царица Алая (к покорению ген. Скобелевым Ферганской обл.) //Правительственный вестник, 1887 (№ не указан).//Туркестанский сборник, т.482. —С.77—78; И.Ф. (фамилия не указана—К.У.) Царица Алая. //Туркестанские ведомости, № 26, 1907; Ювачев И. Курманжан датха.//Исторический вестник, № 12, 1907. —С.968; Алексеев А. Курманжан датха. //Ферганские областные ведомости, 1907, № 123; Экспедиция Скобелева на Памир.//Голос, 1876, № 62. //Туркестанский сбор. —Т.151. —С.442; Из Ферганской области.//Русский мир, 1876, № 146.

² Тегеев В.Л. Указанная статья. —С.371.

³ См.: Царица Алая (к покорению ген. Скобелевым Ферганской обл.) //Правительственный вестник, 1887 (№ не указан). //Туркестанский сборник. —Т.432. —С.78.

⁴ Тегеев В.Л. Памирский поход (воспоминания очевидца)//Русский вестник, 1889, № 11.//Туркестанский сборник. —Т.420. —С.367—369.

”решились отстаивать свой родной Алай от вторжения русских (царских карателей—К.У.). Они собрали кочевников и заняли все главные перевалы и горные ущелья”¹. Участники выступления, оказывая упорное сопротивление царскому карательному отряду, проявили большую смелость и стойкость. Один из участников карательного отряда по этому поводу писал: ”В горах Малого Алая произошло несколько столкновений, в которых кара-кыргызы дрались с отчаянным упорством”². Однако в этом выступлении не все население Алая и Гульчи принимало участие. Как указывалось выше, 600 семейств пыталось перекочевать к русскому отряду, не желая участвовать в указанном выступлении.

По своему социальному составу указанное выступление было неоднородным. В нем принимали участие трудовые кочевники, середняки и представители феодальной знати, а также узбекские дыйкане, преследуемые царским карательным отрядом и искавшие убежище в высокогорных кыргызских районах. Его движущей силой были рядовые скотоводы и обнищавшие дыйкане, которых царские чиновники называли ”бродягами”³. Участники выступления не имели единой цели. Трудящиеся выступили за национальную свободу, а представители феодальной знати пытались отстоять свои привилегии и преимущества, которые они имели раньше. Таких крупных феодалов, как Абдуллабек, не устраивала служба у царской власти, которая в лучшем случае могла предложить ему должность волостного управителя, но не больше. По этому поводу Ювачев И., близко знавший Курманжан датху и ее сыновей, писал, что Абдуллабек не захотел ”снизойти до роли волостного старшины, чтобы собирать кибиточный сбор для русской (царской—К.У.) казны”⁴. А ряд представителей феодальной знати, участвовавший в этом выступлении, после поражения поспешил выслужиться перед царской властью и угодить ей. Социальный антагонизм и разные цели его участников сыграли известную роль в поражении указанного выступления.

¹ Ювачев И.П. Указанная статья. —С.967.

² И.Ф. (фамилия не указана—К.У.) Царица Алая. //Туркестанские ведомости, № 26, 1907;

³ Рапорт начальника карательного отряда генерал-майора Скобелева от 20 мая 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.398.

⁴ Ювачев И.П. Указанная статья. —С.968.

Летом 1876 г. в том же Алае и в районе, граничащем с Каратегинном, произошло несколько выступлений коренных жителей за свою независимость. В конце мая и начале июня выступили скотоводы, кочующие между Варухом и ущельем Сох. Их число доходило до 400 человек. Во главе выступивших стали Абдурахман-мулла и племянник Худояр-хана Абдул-Каримбск, преследовавшие свои корыстные интересы. 11 июня в урочище Кара-Булак между р. Сох и Исфарой состоялось столкновение с царским карательным отрядом, возглавляемым генерал-майором Скобелевым. В нем участники выступления потерпели поражение¹.

Во второй половине июня выступили кыргызы рода нойгут, кочующие в верховьях р. Сох. В столкновении, состоявшемся 23 июня в урочище Науджайлак, участники выступления разбили царский карательный отряд². Это вселило уверенность в коренное население и вдохновило его к дальнейшему сопротивлению. Также усилились сочувствие и поддержка выступлений кыргызских кочевников оседлым узбекским населением. Вот что сказано по этому поводу в официальном архивном документе: "Стала заметна связь между горными мятежниками (восставшими—К.У.) и недовольными нами оседлыми элементами, особенно в Коканде"³. В этом и других выступлениях кыргызских скотоводов активное участие принимали представители узбекского населения Ферганы.

Вскоре выступили кыргызы рода шапарчи, кочевавшие в урочищах Дургумак, Каракул и Раут по реке Сох. В рядах повстанцев насчитывалось до 800 человек. Ими руководили Магомед бий, Яр-Магомед, Худай-Назар, Мадкерим, Муратбий и Ишмагомед. Участники выступления, заняв позицию на перевале Джура, возвели три ряда каменных завалов и приготовились к решительному отпору царским карателям. Завязался бой. Повстанцы "открыли по отряду сильный ружейный огонь и стали учащенно бросать громад-

¹ Рапорт начальника карательного отряда генерал-майора Скобелева от 20 сентября 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.71—72 (431—432). Всеподанный рапорт туркестанского ген.-губернатора за 1877—1888 гг. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.368(488).

² Рапорт начальника карательного отряда генерал-майора Скобелева от 20 сентября 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.72 (432).

³ Там же.

ные камни"¹. Каждый завал приходилось брать с боем. Как отмечал начальник этого карательного отряда полковник князь Витгенштейн, только "после упорного и ожесточенного боя позиция (повстанцев—К.У.) была взята"². Были безжалостно сожжены 50 юрт кочевников³. Все это ожесточало местных жителей против царских чиновников и толкало их на новые выступления.

В середине и во второй половине июля коренное население названных местностей продолжало оказывать сопротивление карателям. Царские войска, продолжая свои жестокие действия, обращались к местным жителям с призывом прекратить сопротивление и явиться к победителям с поклоном. При этом в ход пускались угрозы в случае неповиновения. Указанный царский войска также пытался вести переговоры с руководителями выступления о прекращении сопротивления.

В середине 1876 г. Шабдан со своими 25 джигитами принимает активное участие в подавлении выступления кочевников Алая и Гульчи. В июле того же года жители названных местностей в количестве 2000 человек, не желая принять российское подданство, оказали сопротивление царскому карательному отряду, возглавляемому капитаном Куропаткиным, который при столкновении был тяжело ранен. Во главе повстанцев стояли Абдуллабек, Оморбек, Сулайман Удайчи и Абдул-Каримбек. Восставшие окружили царский карательный отряд. На выручку последнему был направлен новый карательный отряд под начальством генерал-майора М.Д. Скобелева, при котором находился Шабдан со своими джигитами. Этот царский генерал, увидев численное превосходство повстанцев, пытался уладить дело мирным путем. Скобелев обращался к повстанцам с призывом прекратить сопротивление и явиться к победителям с поклоном. В одном из его обращений от 21 июля 1876 г. сказано: "Я объявляю: всякого, который будет противиться воле могущественного Ярым-Паши (туркестанский генерал-губернатор—К.У.) постигнет стыд или смерть, если он решится встретиться лицом к лицу с непобедимым войском русского царя"⁴. Но эта угроза не да-

¹ Рапорт нач. карательного отряда полковника князя Витгенштейна. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.22 (427).

² Там же.

³ Там же, л.22(427).

⁴ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.180.

ла желаемого результата. Поэтому Скобелев пытался вести переговоры с руководителями выступления о прекращении сопротивления посредством влиятельного представителя коренного населения. С этой целью к Абдуллабеку был направлен брат Шабдана Байбосун с несколькими джигитами. Но повстанцы, не желая сдаваться карателям, взяли в плен Байбосуна, его джигитов и направились к перевалу Кызыл-Арт. Их преследовал манап Шабдан со своими джигитами. Между участниками выступления и преследователями произошло несколько столкновений¹.

Шабдан батыр Жантай уулу

В этом же месяце Шабдан проявил активность и усердие при подавлении выступления кыргызов, кочевавших на урочищах Дургумах, Каракул и Даут по реке Сох. Повстанцы в своих рядах насчитывали более 800 человек. На этот раз Шабдан со своими джигитами действовал при отряде полковника князя Витгенштейна. При столкновении с повстанцами 18 джигитов Шабдана были ранены. Выступление, несмотря на упорство его участников, было подавлено, а скот повстанцев отбит и предложен Шабдану. Но последний отказался, сказав начальнику карательного отряда: "Я приехал сюда и действую не ради скота, а с целью выполнения своих служебных обязанностей"².

Царскому военному отряду вынуждены были оказать помощь Шабдан батыр и его джигиты. При этом названный батыр к местным жителям относился сочувственно, старался уладить дело мир-

¹ ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.182—185, 234—237, 340.

² ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.22. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.180.

ным путем и спасти сородичей от кровопролития¹. Не случайно старший сын Курманжан датхи Абдуллабек — руководитель описанного выступления — в своем письме, адресованном на имя генерал-майора Скобелева к Шабдану относился с доверием и хотел на него положиться.

После поражения выступления Абдуллабек с некоторыми близкими ему лицами бежал через ущелья Чон-Суу и Туяк-Суу за пределы края, где вскоре умер².

Выступление, происходившее в июне—июле на Алае, в Гульче и районе, граничившем с Каратегином, имело много общего с апрельским выступлением жителей названных местностей и являлось как бы его продолжением. Эти выступления также носили народно-освободительный характер. Их движущей силой были трудовые скотоводы, поддерживаемые узбекскими дыйканами. В них принимали участие и представители феодальной знати, трудовое узбекское население Ферганы сочувствовало и поддерживало выступления кыргызских кочевников.

Царская власть, подавив выступления и наказав его участников, наложила контрибуцию на население Алая и Гульчи. Последних обязали представить 150 лошадей, годных для строевой службы, платить зякет (налог за скот) по 6 рублей с каждой сотни голов баранов вместо 4 руб. и устроить колесную дорогу от Гульчи через Тайлык-Даван в долину Кызыл-Суу³.

С подавлением вышеуказанных выступлений районы Алая и Гульча были окончательно присоединены к России. На названных высокогорных местностях кочевали 17380 семейств кыргызов, в частности, следующие племена: адыгине(3145 кибиток), монгуш(1225 кибиток), ичкилик(13010 кибиток); из них были образо-

¹ Молдокасымов К. Шабдан баатырбы, чыккынчыбы? //Кыргыз руху, №17 (131) 1994; Абдылдабекова. Өзөктөн өрт чыгабы? //Кыргыз руху: 11 март: 1995?

² Сохранилась стихотворение об Абдуллабека, изложенное неизвестным поэтом того времени. В нем Абдуллабек охарактеризован как руководитель выступления кыргызов за свою независимость. См.: Абдуллабек жонундо ыр. Перевел с узбекского языка на кыргызский Чоробаев А. Фонды НАН КР, инв. №1566, 221 строка.

³ Рапорт начальника карательного отряда генерал-майора Скобелева от 5 августа 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.68, л.238—239 (421—422). Рапорт начальника карательного отряда генерал-майора Скобелева от 20 сентября 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.86 (446).

ваны Гульчинская, Ак-Буринская и Наукатская волости¹, которые составили основу Ошского уезда.

С весны 1878 г. Джетим-хан и Мамыр Мергенов, разъезжал по некоторым аилам и кишкакам Андижанского, Ошского и Кокандского уездов, пытались организовать выступление коренного населения против России за свободу. Раньше Мамыр Мергенов, "не желая платить ханскому правительству податей, хотел силою отстоять это желание"², т.е. боролся против ханской власти³. В конце мая и в начале июня 1878 г. Джетим-хан и окружающие его лица были разбиты царским карательным отрядом. В ночь на 8 июня Джетим-хан попал в плен к карателям, а через 10 дней был казнен царской властью. 5 июня того же года в местности Кашка-Терек, Сары-Булак Мамыр Мергенов и окружающие его 20 человек оказали сопротивление карательному отряду. Мамыр ранил пикой волостного управителя муллу Каляма. Однако он вынужден был бежать и скрываться в урочище Чал-Джайлоо. 8 сентября в кишлаке Базар-Курган Мамыра Мергенова и его двух сподвижников Булата Токтомушева и Наркула Алдуса взяли в плен. 18 января 1879 г. туркестанский генерал-губернатор наложил свою резолюцию на приговоре военно-полевого суда: "Мамыра Мергенова предать смертной казни повешением"⁴. Вскоре в г. Андижане в один из ближайших базарных дней этот приговор был приведен в исполнение⁵.

В 1885 г. Дервиш-хан предпринял ряд попыток поднять коренных жителей Маргеланского и Андижанского уездов на выступление, направленное против русских колонизаторов. В 1893 г. подоб-

¹ Рапорт начальника карательного отряда генерал-майора Скобелева от 20 сентября 1876 г. ЦГА Респ. Узб., ф.715, оп.1, д.69, л.86 (446).

² Докладная записка, адресованная на имя туркестанского ген.-губернатора от 5 января, 1879 г. ЦГА Респ. Узб., ф.19, оп.1, д.275, л.24.

³ За активное участие и руководство в указанном восстании и по просьбе Худояр-хана Мамыр Мергенов был сослан царской властью в ссылку в Лепсинскую станицу Семиреченской области, где он находился под надзором полиции. Но в начале 1877 г. по ходатайству матери 40-летнему Мамыру было разрешено жить в Андижанском уезде. Здесь он по-прежнему находился под негласным надзором царской охраны. Мамыр стал разъезжать по кочевьям кыргызских скотоводов с целью поднять дыйкан на выступление против колониальной власти (там же, л.24).

⁴ Докладная записка, адресованная на имя туркестанского ген.-губернатора от 5 января, 1879 г. ЦГА Респ. Узб., ф.19, оп.1, д.275, л.24.

⁵ Приказ по войскам Ферганской области от 18 января 1879 г. ЦГА Респ. Узб., ф.19, оп.1, д.275, л.15—16.

ную же попытку в Кокандском уезде предпринял Бабыр-хан¹. Однако выступления Дервиш-хана и Бабыр-хана не могли приобрести широкого размаха и были сравнительно легко подавлены.

В мае 1898 г. выступление возникло в Ферганской долине. В литературе оно получило название "Андижанского восстания". Его причиной послужил усиливающийся царский колониальный гнет. В нем принимали участие узбекские и киргизские дыйкане Андижанского, Маргеланского и Ошского уездов. Руководителем его являлся Мухамед-Али-Халиф Мулла-Сабир-Суфиев, которого сокращенно называли Мадали или Дукчи (веретенщик) ишаном. В 8 часов вечера 17 мая восставшие в числе более 200 человек, вооруженные палками, серпами, кинжалами, батиками, копьями, частично шашками и несколькими огнестрельными ружьями, вышли из киштака Таджик (Мин-Тюбе) и выступили толпой по дороге в г. Андижан. Они разделились на две группы, каждая из которых имела свой байрак (знамя). Во главе одной группы ехал верхом Мадали Ишан, а другой—его ближайший сподвижник Мулла Зияутдин Максум. Большинство повстанцев шли пешком за верховыми. По показанию участника этого выступления Маатмусы среди восставших имелось много молодых людей². Повстанцы перерезали телеграфные провода, связывающие Андижан с другими городами. К восставшим присоединились жители Кутчи, Кара-Кургана, Охчи, Кул и других кишлаков, расположенных по дороге в г. Андижан³. К ним также присоединилось часть дыйкан Ошского, Маргеланского и некоторых других соседних уездов. За несколько часов число повстанцев дошло до 1500—2000⁴. В три часа ночи 18 мая восставшие подошли

¹ Записка Маргеланского уездного начальника полк. Брянова от 15 июля 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, л.107(214—215).

² Показание повстанца киргиза Маатмусы приведено в отчете Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 221, л. 7.

³ Отчет Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 221, л. 7—8; ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, лл. 29—31(59—64), 32(65), 34(69). Рапорт начальника Андижанского гарнизона от 20 мая 1898 г. РГИА, ф. 567, оп. 22, д. 221, л. 19—20.

⁴ Рапорт начальника Андижанского гарнизона от 20 мая 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, л. 96(192); Отчет Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 221, л. 8.

к г. Андижану. Они, не трогая безоружных и мирно спавших горожан—русских, внезапно напали на царский военный гарнизон, состоявший из 163 солдат и офицеров. Вначале участники выступления имели некоторый успех. Но вскоре военный гарнизон был приведен в боевую готовность. После чего столкновение длилось всего четверть часа, и повстанцы вынуждены были отступить, унося раненых и убитых. На месте столкновения они оставили 11 убитых и 8 тяжело раненых. Царский военный гарнизон потерял убитыми 2 унтер-офицера и 20 рядовых военнослужащих, а также ранеными—18 солдат¹.

Андижанское восстание не ограничилось описанным нападением повстанцев на царский военный гарнизон. Одновременно с ним собирались выступить жители ряда волостей Маргеланского, Ошского уездов и кочевники Кетмен-Тюбе, которые также пытались напасть на военные гарнизоны и царских чиновников, находившихся в этих уездных городах.

В ночь с 17 на 18 мая недалеко от г. Маргелан собрались дыйкане, во главе которых стал ишан Иноят-хан. Однако они не решились напасть на Новый Маргелан. Большая часть их разошлась по своим киштакам и аилам. Иноят-хан с группой повстанцев направился к г. Андижану с целью присоединиться к выступлению, возглавляемому Мадали Ишаном. Однако, он не успел. Так это намеченное выступление не состоялось².

В воскресенье, того же 17 мая, в горах Науката на местности Ак-Терек собралось около 300 кыргызских дыйкан, пришедших сюда из Каракол-Сая, Тамчи-Булака, Япалакского общества и других районов Ошского уезда. В числе повстанцев находились племянник Курманжан-датхи—Оморбек, пытавшийся встать во главе будущего выступления, его брат Мулла Атабек и некоторые другие представители феодальной знати. Указанные дыйкане были вооружены палками, ножами и батиками. Огнестрельного оружия у них

¹ Рапорт начальника Андижанского гарнизона от 20 мая 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, л. 97—98(194—196); Телеграмма временно—командующего Туркестанским военным округом ген.-губернатора Королькова от 24 мая 1898 г. РГВИА, ф.400, оп.1, д.2177, л.37(88).

² Отчет Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 221, л.10; Тот же отчет ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д. 92, лл. 44—45(90—91).

не было, "Предполагалось драться, кто чем мог"¹. Повстанцы намеревались напасть на военный гарнизон и царских чиновников, находившихся в г. Ош. Об этом было сообщено начальнику Ошского уезда бывшим волостным управителем — племянником Курманжан-датхи — Карабеком Асановым² и арык аксакалом Ибраимовым Чанышевым, которые всячески заискивали и угодничали перед царской властью, искали выгоду за счет трудового населения, решившего выступить против колониального гнета. Начальник Ошского уезда, боявшийся народного восстания, как огня, получив сведения о готовившемся выступлении, сразу же самолично, во главе карательного отряда отправился на Ак-Терек, куда прибыл на рассвете 18 мая. Основная часть повстанцев, узнав об указанном карательном отряде, бросилась в разные стороны по ущельям гор. Из числа участников готовившегося выступления было арестовано карателями 20 человек³. Итак, и это намеченное выступление в результате предательства представителей феодальной знати не получило серьезного размаха и было подавлено царским карательным отрядом.

В третьей декаде мая указанного года выступили несколько сот жителей Кетмень-Тюбе Сусамырской волости Андижанского уезда⁴. Как отмечено в архивном документе, основными участниками этого выступления были люди "шатающиеся и навлекающие на себя подозрение в политической неблагонадежности"⁵, т. е. обнищавшие и разоренные дыйкане. Во главе выступления встал некто

¹ Отчет Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, лл. 43(88).

² Как отмечает журналист того времени И.П. Ювачев, жители Гульчи и Алая не могли простить Карабеку за измену даже после его смерти. Предательство Карабека было высоко оценено царской властью. Названного феодала наградили золотой медалью и почетным халатом, а после назначили ему пенсию. См.: *И.П. Ювачев. Курманжан-датха—каракиргизская царица Алая. //Исторический вестник, 1907, №12. —С.977.*

³ Отчет Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, лл. 40—44(81—90) РГИА, ф.560, оп.22, д.221, 9—10.

⁴ Рапорт начальника Аулие-Атинского уезда от 1 июня 1898 г. ЦГА Республики Казахстан, ф.44, оп.1, д.7318, л.167.

⁵ Рапорт нач. Пржевальского уезда от 27 июня 1898 г. ЦГА Республики Казахстан, ф.44, оп.1, д.7318, л.167.

Шадыбек Калпа, имевший связь с Мадали Ишаном¹. Для подавления выступления был направлен карательный отряд, состоявший из нескольких сот солдат, казаков и офицеров. Ему удалось подавить выступление и арестовать 29 (по некоторым сведениям 54) повстанцев, в том числе Шадыбек Калпу, которому было более 70 лет. Арестованных доставили в г. Наманган и посадили за решетку². В подавлении выступления значительную помощь карателям оказывали правитель Сусамырской волости Бактияр Рыскулбеков, манап Аширбай Бешкемпиров, а также управитель Атекинской волости Пишпекского уезда Тезекбай Тюлекин. Эти феодалы были представлены к правительственной награде³.

В указанное же время более крупное выступление возникло в высокогорном районе Андижанского уезда, населенного кыргызами. Число его участников превышало 1000 человек. Повстанцы не имели единого руководителя и состояли из нескольких групп, каждая из которых насчитывала в своих рядах 200—300 человек. Участники выступления вооружались союлами (палкой), пиками, частично ружьями и пистолетами. Как отмечено в официальном архивном документе, повстанцы находили живую поддержку со стороны коренного населения названного уезда и питались пищей, доставляемой им местными жителями⁴. И это стихийное выступление не успело принять широкого размаха. Оно было подавлено царским карательным отрядом из 150 казаков, 400 солдат и офицеров⁵.

Царская колониальная власть, пытаясь нагнать страх на коренное население, преподать ему крепкий урок и сломить его свободо-

¹ Рапорт начальника Аулие-Атинского уезда от 1 июня 1898 г. ЦГА Республики Казахстан, ф.44, оп.1, д.7318, л.167.

² Телеграмма Туркестанского ген.-губернатора от 10 июня 1898 г. РГВИА, ф.400, оп.1, д.2178, л.101; Донесение управителя Сусамырской волости Андижанского уезда от 9 июня 1898 г. ЦГА Респ. Каз., ф.44, оп.1, д.7318, л.185; Рапорт начальника Пржевальского уезда от 27 июня 1898 г. ЦГА Респ. Каз., ф.44, оп.1, д.7218, л.91.

³ Рапорт нач. Пржевальского уезда от 27 июня 1898 г. ЦГА Республики Казахстан, ф.44, оп.1, д.7318, л.91; Донесение управителя Сусамырской волости Андижанского уезда от 9 июня 1898 г. РГВИА, ф.400, оп.1, д.2178, л.173; Телеграмма начальника штаба туркестанского военного округа Белявского от 13 июня 1898 г. от 3 августа 1898 г.; ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, лл.39—39 об (79—80), л.40—41 (82—84). Этот же отчет хранится в РГИА, ф.560, оп.22, д.221, л.9.

⁴ Секретный рапорт начальника Пржевальского уезда от 1 июня 1898 г. ЦГА Республики Казахстан, ф.44, оп.1, д.7318, л.58.

⁵ Там же.

любивый дух, потопила Андижанское восстание в крови. Районы, охваченные восстанием, наводнялись царскими карательными отрядами. Для подавления восстания были привлечены военные части из Ферганской, Сыр-Дарьинской, Семиреченской областей и города Ташкента¹. 20 мая в кишлаке Чарвак, расположенном на расстоянии более 90 км. на востоке от города Андижана, был схвачен Мадали Ишан. Всего было арестовано 777 человек, из которых 415 отдавались под суд². За тюремной решеткой томились 371 человек.

Царские тюрьмы в городах Ферганской области переполнились арестованными повстанцами. Вот что сказано по этому поводу в отчете туркестанского генерал-губернатора от 3 августа 1898 г.: "В Андижане, как и в Оше, места заключения оказались вскоре переполненными"³. В подавлении рассматриваемого восстания и в поимке его участников царским карателям существенную помощь оказывали представители местной феодальной знати, особенно те, кто находился на службе у колониальной власти. Тот же туркестанский генерал-губернатор в указанном отчете подчеркивал, "что в поимке мятежников... значительно содействовали должностные лица туземной администрации"⁴. Ряд местных феодалов служил проводником царских карательных отрядов, а некоторые из них сами со своими джигитами ловили повстанцев и сдавали их в руки колониальной власти.

12 июня указанного года были казнены через повешение Мадали Ишан и его сподвижники: Мулла-Гаиб-Назар-Артык-оглы, Субханкул-Араббай-оглы, Рустамбек-Сатубалдыбек-оглы, Мирза-Хамдам-Усмамбай-оглы и Бабатай-Гайнамбай-оглы⁵. Такая же участь постигла еще 12 активных участников восстания. Сослали на каторгу 362 человека, из которых 18 отправили в Сибирь⁶.

¹ Отчет Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, лл.1 (4), 10 (21—22).

² *Сенг-Заде*. К 30-летию Андижанского восстания 1898 г. // *Революция в Средней Азии*. Сборник № 1. — Ташкент, 1929. — С.53.

³ Отчет Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, лл.36(3).

⁴ Там же, л.34(70).

⁵ Обращение туркестанского генерал-губернатора к туземному населению от 12 июня 1898 г. ЦГА Республики Казахстан, ф.44, оп.1, д.7318, л.64.

⁶ *Сенг-Заде*. Названная статья. — С.53.

Мадали Ишан и другие участники восстания перед казни

Жестокость царской власти в подавлении рассматриваемого восстания не имела предела. Мин-Тюбе, Кашгар, Дон, Наурат и некоторые другие киштаки, по которым прошли участники выступления, были стерты с лица земли, а их жители выселены за пределы края. Районы этих киштакон были вспаханы, заровнены и зачислены в переселенский фонд¹.

Колониальная власть, напуганная народным выступлением, объявила Ферганскую, Сыр-Дарьинскую и Самаркандскую области на положении усиленной охраны и поспешно начало вооружать переселенцев берданками и другим огнестрельным оружием². Тем самым она старалась противопоставить русских переселенцев коренному трудовому населению, чтобы притупить, а если удастся, и заглушить борьбу трудящихся против царского самодержавия. Нару-

¹ Распоряжение ген.-майора (фамилия не разборчива—К.У.) от 20 мая 1898 г. РГВИА, ф.400, оп.1, д.2177, л.109; Отчет Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, л.55(111).

² Распоряжение управляющего военным министерством от 26 июня 1898 г. РГВИА, ф.400, оп.1, д.2178, л.160; Указанный отчет туркестанского ген.-губернатора. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, л.8 (18), 10 (22).

шителя положения об усиленной охране подвергали аресту до одного месяца или денежному штрафу в сумме 30 рублей¹. Это пришлось на руку царским чиновникам, которые жестоко наказывали представителей местных трудящихся за малейшее их неповиновение и безжалостно расправлялись с неугодными им лицами.

Репрессивные меры, связанные с подавлением изучаемого восстания, продолжались. На этом грели свои руки и представители местной феодальной знати, в том числе и манапы, занимавшие должности волостных управителей. Они, угрожая арестом якобы за участие в "Андижанском восстании", вымогали у трудящихся деньги, скот, ценные вещи и безжалостно расправлялись с теми представителями трудящихся, которые отличались непокорностью. Так, крупный манап Акмат Рыскулбеков, управитель Сусамырской волости, добился ареста 36 человек, якобы за участие в "Андижанском восстании"². Среди арестованных находился и акын-демократ Токтогул Сатылганов, заклеймивший названного манапа кровопийцей и грабителем народа. Многие из этих арестованных, в том числе Токтогул, были сосланы на каторгу в Сибирь. Серьезные угрозы со стороны феодалов, особенно местных должностных лиц, наказывать представителей трудового населения якобы за участие в Андижанском восстании носили повсеместный характер. Об этом ярко свидетельствуют прошения, т.е. жалобы трудящихся, адресованные на имя высокопоставленных царских чиновников, в том числе туркестанского генерал-губернатора. В одном из них, в частности, в прошении жителей Акбуринской волости Ошского уезда муллы Низам Ходжи Хасан Ходжиева и других людей из рода япалак от 29 июля 1898 г. сообщается, что волостной управитель Шарифбай, угрожая подвергнуть аресту и сослать на каторгу в Сибирь, заставляет людей давать ему все, что он захочет. За противодействие его желаниям действительно арестовали и выселили за пределы края Керимбека, муллу Хасан Ходжиева и некоторых других. Такая же участь ждала любого, кто ему не повиновался³. Как сказано в жало-

¹ Распоряжение управляющего военным министерством от 26 июня 1899 г. РГВИА, ф.400, оп.1, д.2178, л.160.

² Гиппиус В.Ф. Кетмен-Тюбе в 1899 г. — Андижан, 1904. — С.77.

³ Прошение муллы Низам Ходжи Хасан Ходжиева и других жителей Акбуринской волости Ошского уезда от 29 июля 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.4, д.308, л.107—108.

бе жителя местности Кашка-Терек Кугартской волости Андижанского уезда Сулайманкула Султанкулова от 24 мая 1899 г., волостной управитель Батыр Акеев добился того, что неугодные ему Мулла Кадыркул и Хакимбек были сосланы на каторжные работы сроком на 7 лет¹.

Расправа с "непослушными" производилась не только в районах, охваченных восстанием, но и в Семиреченской области. Так, в Пржевальском уезде, расположенном в сотнях километров от районов восстания, по указанным мотивам было арестовано более 90 человек и отправлено в Андижан, где их заключили в тюрьму².

Однако, все это лишь привело к усилению ненависти трудящихся к царским колонизаторам и местной феодальной знати, а также способствовало росту борьбы против социального и национального гнета.

Рассматриваемое выступление в дореволюционной литературе и официальных архивных документах получило название "Андижанского восстания", что нашло отражение и в советской историографии. На наш взгляд, следовало бы его назвать восстанием дыйкан Ферганы против царской власти. В нем принимали активное участие кыргызские, узбекские и таджикские трудовые массы, недовольные усиливающимся колониальным гнетом. Его острие было направлено против царского самодержавия. По причине возникновения, социальному составу, по своему ходу и характеру это восстание было одним из сложных выступлений в истории народов Средней Азии. Не случайно, хотя оно изучается с 20-х годов нашего столетия, до сего времени о его характере нет единого мнения.

В таких обобщающих работах, как "Очерки истории Коммунистической партии Туркестана", "История Киргизской ССР", "История Таджикской ССР" и "История Узбекской ССР", выступление народов Средней Азии в мае 1898 г. охарактеризовано как

¹ Прощение жителя Кугартской волости Андижанского уезда Сулайманкула Султанкулова от 24 мая 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.4, д.366, л.115.

² Подсчет наш. См.: Секретный рапорт начальника Пржевальского уезда от 1 июня 1898 г. ЦГА Республики Казахстан, ф.44, оп.1, д.7318, л.58. Секретный рапорт того же уездного начальника от 19 июня 1898 г. ЦГА Республики Казахстан, ф.44, оп.1, д.7318, л.71.

национально-освободительное восстание¹. Подавляющее большинство историков это выступление считают национально-освободительным и антифеодальным восстанием². По мнению некоторых исследователей, это восстание имеет феодально-монархический и антирусский характер³. Рассматриваемое восстание было вызвано национальным гнетом колониальной власти и направлено против царского самодержавия.

¹ Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. — Ташкент, 1958. — С.22; История Киргизской ССР, т.1. — Фрунзе, 1969. — С.408; История Узбекской ССР. С древнейших времен до наших дней. — Ташкент, 1974. — С. 158—159.

² Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. — Ташкент, 1925; Галузо П.Г. К ленинским оценкам предпосылок объединения национальных движений в России с революционной борьбой рабочего класса за социализм. См.: Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции (материалы к сессии научного совета) на правах рукописи. Вып.1. — М., 1964, с.6; Хасанов А. О национально-освободительном движении в Средней Азии в конце XIX в. //Изв. АН Киргизской ССР, № 2, 1972. — С.74—77; Его же. Историография Андижанского восстания. //Тр. КГУ, сер. историческая, вып. XII, 1972. — С.3—12; Орозалиев К.К. Исторический опыт перехода кыргызского народа к социализму, минуя капитализм. — Фрунзе, 1974. — С.44—45; Ганиева М. Русский рабочий класс и национально-освободительное движение в Туркестане. — Ташкент, 1977. — С.51 и многие другие. История и историография национально-освободительных движений второй половины XIX—начала XX веков в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1989, (Материалы научной конференции, проведенной в Ташкенте в декабре 1987 г.); Усенбаев К. Об участии кыргызов в Андижанском восстании. 1898, см.: Указанный сборник. Он же. Анжиян которүлүшү. //Кут билим, 3 март, 1893; Юсупов Э.Ю. Лунин Б.В. Андижанское восстание 1898 года в советской исторической литературе. //Общественные науки в Узбекистане №1, 1987. Это восстание нашло отражение на страницах республиканской периодической печати. Муратова А. 1898-жылкы Анжиян—кыргыз которүлүшү. //Кыргыз маданияты. 5 декабрь, 1991; Абдыраманов Ш. Анжиян которүлүшү жана Чыйбыл болуш. //Эркин Тоо, 12 октябрь, 1994. В изучении рассматриваемого восстания и в определении его характера важное значение имела научная конференция проведенная в Ташкенте 1987 г. Ее участники за исключением профессора М.П. Ваханова, считают выступления 1898 г. народно-освободительным восстанием. См. Указанный сборник.

³ Сенг-Заде. К 30-летию Андижанского восстания 1898 г. //Революция в Средней Азии. Сб.1. — Ташкент, 1929. — С. 41—58; Революция научной конференции историков Киргизии с участием историков Москвы, Ленинграда и братских союзных республик по вопросу о характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX—начале XX вв. //Тр. ИЯЛИ Киргизской ФАН СССР, вып. IV, 1954. — С.138; Чукубаев А., Революционные события и общественное движение в Киргизии в начале XX в. (1900—1907 гг.). //Вопросы истории Компартии Киргизии, вып. III, 1964. — С.59; Его же. Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900—1907 гг.). — Фрунзе, 1967. — С.62; Алтымышбаев А. Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии (1905—1923 гг.). — Фрунзе, 1967. — С.35 и 45.

Это восстание имело поддержку со стороны коренного населения, Ферганской, в значительной степени Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей. Размах и поддержка изучаемого восстания населением вышеуказанных областей, особенно Ферганы, не отрицается даже такими высокопоставленными царскими чиновниками, как генералы Духовский и Долинский, а также востоковедом Н. Остроумовым¹. Названный исследователь отмечал, что "событие, известное под именем "Андижанского восстания", было бы правильнее назвать "Ферганским восстанием", потому что оно охватило всю Ферганскую область русского Туркестана, а не один Андижан². Командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Духовский, руководивший действиями царского карательного отряда по подавлению этого восстания, в своем рапорте от 5 августа 1898 г. заметил, что "хотя вспышка и появилась в Фергане, но явление это не может считаться делом чисто местным или одного какого-либо класса населения. Сочувствие...(восстанию— К.У.), как видно из хода судебного следствия, оказало почти все население Ферганы, но кроме того есть основания предполагать, что о восстании было известно и в других местах края"³. О сочувствии и поддержке названного восстания жителями Семиреченской области, в том числе северной части Кыргызстана, свидетельствуют секретный рапорт начальника Пржевальского уезда от 15 июня 1898 г.⁴ и некоторые другие официальные архивные документы⁵.

Движущую силу исследуемого восстания составляли кыргызские, узбекские и таджикские трудовые дыйкане, доведенные до

¹ Рапорт командующего Туркестанским военным округом Духовского от августа месяца 1898 г. РГВИА, ф.560, оп.22, д.221, л.40; Рапорт военного прокурора Туркестанского военно-окружного суда ген.-майора Долинского от 21 августа 1898 г. РГВИА, ф.560, оп.22, д.221, л.40,43; ф.396, оп.2, д.240, лл.37,42,43; Остроумов Н. Интересный документ (относящийся к Андижанскому восстанию 1898 г.). См.5 Приложение к Вестнику Ташкентской офицерской школы восточных языков при штабе Туркестанского военного округа. —Ташкент, 1911. —С.33.

² Остроумов Н. Интересный документ (относящийся к Андижанскому восстанию 1898 г.). См.5 Приложение к Вестнику Ташкентской офицерской школы восточных языков при штабе Туркестанского военного округа. —Ташкент, 1911. —С.33.

³ РГИА, ф.396, оп.2, д.240, л.37.

⁴ ЦГА Респ. Каз., ф.44, оп.1, д.7318, л.148.

⁵ Телеграмма начальника Пржевальского уезда от 20 июля 1898 г. ЦГА Респ. Каз., ф.44, оп.1, д.7318, л.98. Там же, л.103.

уровня нищеты. Это нашло отражение в официальных архивных документах. В одном из них, в частности, в рапорте (от 21 августа 1898 г.) военного прокурора Туркестанского военно-окружного суда генерал-майора Долинского, подвергавшего допросу сотни участников восстания и определявшего им меру наказания, читаем: "Наконец, к восстанию, как и всегда в народных волнениях, пристал всякий сброд: поденщики (мардекеры), мелкие торговцы, разносчики, нищие диваны (дувана—дервиши—К.У.) ... вообще бродячий люд, не имеющий определенных занятий и места жительства, терять которому нечего"¹. Аналогичные сведения содержатся и в других официальных архивных документах, выходивших из-под пера царских чиновников², которые под давлением фактов вынуждены были признать широкое участие трудящихся в указанном выступлении. В некоторых фольклорных материалах, в частности, в стихотворении "Сатира на Ишан-Дукчи" также подчеркивается, что основными участниками интересующего нас восстания были простолюдины и неимущие³, т.е. беднота. В названном стихотворении отмечены совместность выступлений узбекских, кыргызских, таджикских и кипчакских трудящихся. Как подчеркивается в официальном архивном документе, в этом восстании проявили активность и молодые—джигиты⁴.

По своему социальному составу восстание не было однородным. Хотя его костяк составляли трудовые люди, но активное участие в нем принимали представители феодальной знати. Мало того, такие феодалы, как Мадали Ишан (Мухаммед-Али-Халифа-Мулла-Сабир-Суфиев), Мулла Ахмед Наиб, Хаид бай Токсаба, Мулла Ка-

¹ РГИА, ф. 396, оп. 2, д. 240, л. 43; Там же, ф. 560, оп. 22, д. 221, л. 43.

² РГИА, ф. 396, оп. 2, д. 240, л. 42, и другие.

³ *Остроумов Н.* Сатира на Ишана-Дукчи. // В кн.: Приложение к вестнику Ташкентской офицерской школы восточных языков при штабе Туркестанского военного округа. —Ташкент, 1911. —С. 46—47. Попутно заметим, что названное стихотворение носит сатирический характер. Оно пропитано антинародным духом. В нем защищаются интересы местных и царских эксплуататоров. Вероятно, его автором был выходец из феодальной среды. В этом стихотворении высмеиваются простые люди, осмелившиеся выступить против царского самодержавия. Участники восстания охарактеризованы такими же слабыми и беспомощными, как воробей и ворона, подражающие соколу.

⁴ Отчет Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф. 1, оп. 31, д. 92, л. 30 (61).

сым Амин Араб-Бай оглы, Арзы-Кул бай пансат, Мухаммед Ибрагим токсоба пансат, Мулла Гаиб Назар Артык Суфи оглы, Али-Бек датха Джапар оглы, Гаиб-Ходжи, Мухаммед-Мурат оглы, Мухаммед Зиятдин Махсум-Дамулла-Шариф оглы, Умарбек (Оморбек) датха, Атакул Пансат калпа, Рустамбек, Маллябай и Худоят-хан (Иноят-хан)¹ играли важную роль в восстании, в частности, при нападении повстанцев на царские военные гарнизоны в г. Андижане руководил известный мусульманский духовный лидер Мадали Ишан, или, как его нередко называли Дукчи (веретенщик) Ишан.

Мадали Ишан был выходцем из трудового народа. Он родился 1853 г. в кишлаке Мин-Тюбе Маргеланского уезда. Военный прокурор Туркестанского военно-окружного суда ген.-майор Долинский, который допрашивал Мадали Ишана и приговорил его к смертной казни через повешение в своем рапорте от 21 августа 1898 г. писал: "Отец его (Мадали Ишана—К.У.) Мухаммед Сабыр, был человек бедный, имел всего 5 танапов земли и занимался выделыванием веретен. Это ремесло перешло к сыну (Мадали Ишану—К.У.), который не оставлял выделку веретен и сделался ишаном, отчего и получил прозвище Ишан-веретенщик (Ийикчи или Дукчи Ишан)². С юных лет он работал батраком-глинобитчиком (дубалканачы) у крупного феодала Пайтоковского Ишана Султан-хана Тюри, под влияние которого постепенно попал Мадали. Впоследствии Мадали стал мюридом, т.е. последователем, затем хальфой (помошником-наместником) названного Ишана. В 1882 г. после смерти Ишана Султан-хан Тюри — крупнейшего мусульманского духовного лица, его преемником стал Мадали. Теперь он стал ишаном религиозного ордена в Средней Азии Мухаммеда Багаэтдина "Накшы-бенду", которого считали святым³. В 1887 г. Мадали Ишан совершил паломничество в г. Мекку, что и способствовало резкому росту у него религиозного фанатизма. Этот ишан "занимался врачеванием (знахарством—К.У.), и к нему стекалось множество всяких больных⁴. Увеличивалось и число его мюридов, т.е. последователей. Он выдавал себя за святого и главу мусульманского духовенства в крае. Росло его влияние на верующих. Пытаясь привлечь на свою сторону как можно больше людей, Мадали Ишан не пренебрегал ни обманом, ни фокусами, ни махинациями. При этом он широко учитывал темноту, отсталость и религиозные чувства

¹ См.: Отчет Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, лл.36—38 (74—78).

² РГИА, ф.396, оп.2, д.240, л.44.

³ Там же, л.44.

⁴ Там же, л.45.

коренного населения. Стараясь завоевать симпатии и популярность среди жителей края, Мадали посадил и вырастил саженцы на небольшой пустынной горке, расположенной недалеко от кишлака Мин-Тюбе у проездной дороги. Эти саженцы поливались водой, приносимой в ведре лично Мадали Ишаном. Через несколько лет они превратились в пышные декоративные деревья, под тенью которых останавливались и с благодарностью отдыхали путники, которые рассказывали об этом другим. "По видимому,— сказано в архивном документе,— с этого началась известность Ишана, создавшая ему славу вначале благочестивого, а потом и святого человека"¹. Все это способствовало росту религиозного влияния Мадали Ишана среди верующих и принятию его за "святого". Этот Ишан, как высшее духовное лицо и "святой", получал приношение от всех, кто приезжал к нему. Ему дарили баранов, лошадей, продукты питания, зерно вещи деньги. У него бывали десятки и сотни верующих. Вскоре он стал одним из самых богатых людей Маргеланского уезда и сосредоточил вокруг себя мюридов, т.е. единомышленников по религии ислама. Теперь Мадали Ишан имел 40 шакирдов—последователей и до 30 обслуживающих людей. В своей обширной усадьбе он часто собирал верующих, число которых нередко доходило до нескольких сот, а иногда тысячи человек. Как правило, Мадали Ишан им организовывал угощение². Его последователи всячески поддерживали "славу" своего духовного отца, распространяли легенды о "чудесах", совершаемых им, о пророчествах Мадали, которые якобы точно сбывались³.

Интересующее нас выступление приобрело религиозную оболочку, однако последняя не могла существенно повлиять на характер этого восстания. Ибо повстанцы боролись против колониального гнета за национальную свободу, а не за религию ислама. Попутно заметим, что восставшие не трогали русских крестьян, исповедующих иную религию. Они напали на царских военнослужащих, видя в их лице карателей колониальной власти, а не потому, что последние были русскими и придерживались христианского вероисповедания.

Итак, рассматриваемое восстание, охватившее значительную часть Ферганской и в некоторой степени Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, своим острием было направлено против ко-

¹ Отчет Туркестанского ген.-губернатора по расследованию обстоятельств восстания туземцев Ферганской обл. в мае 1898 г. от 3 августа 1898 г. ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, л.16 (33).

² ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.31, д.92, л.17 (35).

³ Там же, л.18.

лониальных устоев царского самодержавия. Его движущую силу составляли узбекские, кыргызские и таджикские трудовые массы. Это восстание носило народно-освободительный характер.

Несмотря на то, что рассматриваемое восстание кончилось поражением, оно имело большое политическое значение. Восстание нанесло ощутимый удар царской колониальной власти в Туркестане и расшатало его устои. Высокопоставленные представители царского самодержавия, испытывали страх, пытались укрепить здесь свои позиции и тем самым отвлечь дальнейшее нарастание выступления трудящихся за свободу, но безуспешно. Жестокие меры по подавлению восстания 1898 г., наоборот, способствовали росту у трудящихся ненависти к царской власти и ее саграм и толкали к более решительной борьбе против эксплуататоров.

С наступлением пролетарского периода освободительного движения с конца 90-х годов прошлого столетия в Среднюю Азию, в том числе в Кыргызстан, начинают проникать революционные идеи. Существенную роль в их распространении играли политические ссыльные социал-демократы, трудовые переселенцы, принимавшие участие в антифеодальных выступлениях крестьян центральных губерний, представители прогрессивного студенчества, солдаты и другие революционно настроенные лица.

В Туркестане для проникновения революционных идей имелась объективная социально-политическая почва. Одинаковым были исторические судьбы народов Туркестана и России. Трудящиеся кыргызы, узбеки, таджики, туркмены и казахи, как русские рабочие и трудовые крестьяне, томились под гнетом царской власти, капиталистов, помещиков и других эксплуататоров. Они были неправы, терпели унижения и оскорбления со стороны эксплуататоров. Как русские трудовые люди, так и трудящиеся Туркестана ненавидели царских и местных угнетателей. У них имелись общие социальные и политические интересы. Трудовые массы Туркестана и России одновременно, а позже и совместно вели борьбу против царского самодержавия. Национально-освободительная борьба народов Средней Азии все больше сближалась, а позднее слилась в единый поток с революционным движением русских рабочих и крестьян. Этому не могла помешать царская колониальная политика, пытавшаяся натравить народы России и Туркестана друг на друга, вызвать межнациональную вражду и столкновение и тем самым све-

сти к нулю освободительную борьбу трудящихся и спасти самодержавие. Все это способствовало проникновению революционных идей, восприятию их населением, развитию освободительной борьбы в крае.

На пути проникновения революционных идей в Туркестан имелись колоссальные трудности и препятствия, связанные с экономической, политической и культурной отсталостью края, господством патриархально-феодалных отношений, крайней малочисленностью и слабой организованностью местного пролетариата, почти поголовной неграмотностью населения, незнанием или почти незнанием ими русского языка, колониальным режимом, жестоким преследованием революционеров, строгой цензурой, полицейским режимом, религиозными и национальными предрассудками и т.д. Однако никто и ничто не могло повернуть колесо истории вспять и приостановить проникновение революционных идей в Туркестан, в том числе и Кыргызстан.

Проникновению и распространению их благоприятствовали дружественные связи коренного населения с русскими трудовыми переселенцами, возникавшие и развивавшиеся в процессе их повседневного и многолетнего хозяйственного, бытового и культурного общения, вопреки шовинистической политике царской власти и националистических действий местных эксплуататоров. Да и жестокая угнетательская политика колониальной власти и местных феодалов вопреки их желаниям, все больше увеличивая пропасть между эксплуататорами и эксплуатируемыми, объективно способствовала более тесному сближению и объединению трудящиеся Туркестана с русскими рабочими и крестьянами.

Говоря о проникновении революционных идей в край, не следует упускать из виду того, что Туркестан представлял собой одну из тех отдаленных, отсталых и захолустных окраин России, куда обычно ссылались "неблагонадежные люди", т.е. политические противники царского самодержавия: демократически настроенные лица, прогрессивные элементы общества и революционеры. При этом царская власть надеялась, что политические ссыльные будут изолированы от трудящихся и оторваны от центральных губерний, промышленных районов, где возникала и развивалась революционная борьба русских рабочих и крестьян. Как и следовало ожидать, эти надежды царизма не оправдались, царская власть просчиталась.

Еще в 1847 г. у устья реки Сыр-Дарьи, в Раимское укрепление, возникшее у Аральского моря, был сослан великий украинский поэт, друг угнетенных народов, известный бунтарь Тарас Шевченко, который в своих стихотворениях смело осуждал царское самодержавие. Позже он был переведен в Ново-Петровское укрепление — порт Александровск на Мангышлакском полуострове (ныне г. Шевченко). Тарас Шевченко вскоре вступил в тайную связь с трудовым местным населением и в известной степени оказал на него прогрессивное влияние. В 1879 г. в столичный город Туркестане в г. Ташкент был сослан близкий друг Карла Маркса, первый переводчик "Капитала" на русский язык, Член Генерального Совета I Интернационала, ученик и последователь Н.Г. Чернышевского — Герман Александрович Лопатин¹. В том же Ташкенте проживали В.Д. Корнюшин, А.Р. Бахарев и некоторые другие революционеры, высланные в 1895 г. из г. Казани за участие в социал-демократических кружках². В 1895 г. в г. Пржевальск был сослан из Петербурга после 10-летнего заточения в Шлиссельбургской крепости революционер М.Ф. Лаговский³. Сначала в Мерке, затем в Пишпеке проживал В.А. Котов, высланный из Петербурга за революционную деятельность. Он был взят под усиленный полицейский надзор⁴. Примерно в это время в Туркестане находились политические ссыльные — участница социал-демократического движения в Литве А.С. Кочаровская, впоследствии видный член большевистской партии и член одной из первых социал-демократических организаций страны — "Партии польского рабочего класса "Пролетариат" — В.П. Мирковский. В 1898 г. сюда были высланы социал-демократы С. И. Иванов (Крючник) и М. Леонов, ранее принадлежавшие к Ленинскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса в Петербурге⁵. К началу нашего столетия приток политических ссыльных в Туркестан несколько усилился.

¹ См.: Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. — Ташкент, 1958. — С.17; Пяковский, Революция 1906—1907 гг. в Туркестане. — М., 1958. — С.76.

² Указанные очерки. — С.26.

³ ЦГА Респ. Каз., ф.44, оп.2, д.1010, л.5; Там же, ф. 64, оп.1, д. 5480, л. 1, История Киргизской ССР, т. 1. — Фрунзе, 1968. — С. 617.

⁴ ЦГА Респ. Каз., ф.44, оп.1, д.2366, л.107.

⁵ См.: Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане. /Сб. Материалов под редакцией И.М. Муминова. — Ташкент, 1962. — С. 9.

Политические ссыльные, особенно социал-демократы и другие революционно настроенные лица, несмотря на свою крайнюю малосиленность и неорганизованность, вели даже при ограниченных своих возможностях политическую работу и призывали местных трудящихся к борьбе против царского самодержавия. Они в известной мере старались установить связь с социал-демократическими организациями центральных промышленных городов страны, откуда получали революционную литературу и т.п. Ими же пропагандировались пролетариатские идеи, предпринимались попытки организовать социал-демократические кружки и группы. Политические ссыльные, несмотря на жестокий колониальный режим и полицейские преследования, пытались установить связь с местными рабочими и трудовым крестьянством, вести среди них пропаганду революционных идей и распространять здесь нелегальные листовки, прокламации, воззвания и литературу. Все это серьезно беспокоило колониальные власти. Не случайно туркестанский генерал-губернатор в 1903 г. вынужден был ходатайствовать перед правительством о прекращении ссылки в Туркестан политически "неблаго-надежных" лиц, оказывающих "разлагающее" влияние на местное население¹.

В проникновении революционных идей известную роль играли русские трудовые крестьяне-переселенцы, принимавшие участие в разгроме барских усадеб и других антифеодальных волнениях и выступлениях крестьян в центральных губерниях России. Число крестьян, имеющих такой опыт классовой борьбы, из года в год возрастало.

Политические ссыльные и другие революционно настроенные лица, общаясь с представителями трудового коренного населения, сочувственно относились к ним, оказывали на них политическое воздействие, способствовали распространению революционных идей, обострению социальных противоречий, росту классовой и национально-освободительной борьбы. В известной мере трудовые люди края начали попадать под благотворное влияние демократической мысли и революционных идей политических ссыльных и других прогрессивных лиц России.

¹ ЦГА Респ. Узб., ф.18, оп.2, д.172—а, л.1—2; Там же, ф.1, оп.31, д.194, л.28—29.

ГЛАВА V

Восстание 1916 года в Ошском уезде

Восстание 1916 года в Кыргызстане являлось органической частью движения народов Средней Азии, Казахстана и некоторых других национальных окраин Царской России, в котором принимали участие более 10 миллионов человек. Оно в Кыргызстане, особенно на его севере, где коренное население было вытеснено с обжитых земель, приняло небывалый широкий размах и массовость. Выступления здесь отличались продолжительностью и упорством. Это восстание, вписавшее новую яркую страницу в историю освободительного движения народов Центральной Азии, было прямо связано с той социально-экономической и политической обстановкой, которая сложилась в этом регионе царской империи в начале XX века и которая характеризовалась, прежде всего, жесточайшим колониальным гнетом самодержавия и местной феодальной знати, ухудшением положения трудящихся масс, усугубленными трудностями военного времени. Непосредственным поводом к вспышке народного гнева послужил изданный 25 июня 1916 г. царский указ о мобилизации на военно-тыловые работы коренного мужского населения Туркестана и Казахстана в возрасте от 19 до 43 лет¹. Всего по Туркестанскому краю предстояло набрать 200470 человек, в том числе по Семиреченской области — 4300 и по Ферганской, 51233².

Как бы сигналом к стихийному началу восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане послужило открытое выступление трудящихся города Ходжента 4 июля. Слух о смелом выступлении и твердой решимости трудящихся Ходжента противостоять действиям властей облетел весь край с быстротой молнии.

Восстание стало охватывать все новые районы и все более широкие слои населения. Уже во второй и третьей декадах июля вся Ферганская область, в том числе и Южная часть Кыргызстана, оказалась охваченной пламенем народного восстания.

Не остался вне восстания и Ошский уезд. Его трудовое население, состоявшее в основном из кыргызов, также стремилось свести

¹ Восстание в Средней Азии и Казахстане: Сб. Документов. — М., 1960. — С.25.

² ЦГА Респ. Узб., ф.1, оп.25, д.171, л.2.

счета с ненавистными им царскими чиновниками, волостными управителями, аильными и сельскими старшинами. Иначе говоря, и здесь восстание выходило за рамки протеста против исполнения царского указа о мобилизации населения на тыловые работы, приобретая черты антифеодального движения масс.

Восставшие нападают на царскую администрацию

В начале июля серьезное волнение произошло в г. Оше. После того, как было получено "высочайшее повеление" о наборе рабочих, у подножья Сулайман-горы собралось около 10 тысяч человек. Здесь были не только горожане, но и представители ряда кыштакков и айлов. Среди собравшихся раздавались возгласы: "Воевать не будем!", "Сыновей не дадим"! Из толпы в сторону царских чиновников, баев и мулл летели камни. Лишь срочно вызванному карательному отряду удалось разогнать толпу и арестовать наиболее активных участников выступления.

В Ошском уезде первыми выступили трудовые дыйкане Булак-башинской волости, в частности, трудящиеся кыштакков Ходжа-Абад и Чакар. Утром 11 июля жители названных кыштакков явились к волостному управителю и "потребовали от него именные списки

мужского населения”¹. Волостной управитель отказался исполнить это требование. И участники волнений стали наступать на волостного управителя, угрожая убить его. Управитель и окружавшие его сельские старшины ”растерялись и перепугались создавшегося настроения и бежали, оставив волость и сельское общество на произвол судьбы”². Выступление волости продолжалось до 15 июля. В течение четырех дней в волости бушевали гнев и возмущение трудящихся. Вечером 13 июля толпа в количестве около 200 человек ”напала на пятидесятников (сельских обществ Булакбашинской волости) и, схватив их, стала наносить им побои, требуя выдать им списки (призываемых)”³. Пятидесятники бежали. Утром следующего дня группа восставших подвергла частичному разгрому дома сельских пятидесятников. Ночью участники в количестве несколько сот человек подошли к дому старшины Чакарского общества и потребовали от него выдать посемейные списки⁴. 14 и 15 июля нападения на пятидесятников и сельских старшин повторялись несколько раз. В Булакбашинской волости выступление приняло настолько острый характер, что почти все сельские старшины, пятидесятники и волостной управитель бежали, ища укрытия, в уездное управление.

Выступление жителей Булакбашинской волости руководили дыйкане Джура Исманкулов, Ширмат и Халмат Ходжиевы, Тиллебай Мамасалиев, Джолдош Сулайманов и Осмон Ташалиев⁵.

27 июля волнения в названной волости возобновились. Несколько днями раньше (24 июля) восстали дыйкане кыштак Уч-Курган. Они окружили дом волостного управителя и пытались отобрать у него посемейные списки, но он успел скрыться. На следующий день было разгромлено несколько магазинов, принадлежащих местным баям.. В столкновении с прибывшим из Оша карательным отрядом трое участников выступления было убито и 15 взято под арест⁶.

¹ ЦГВИА, ф.400, оп.263 (916), д.4, л.124.

² Восстание 1916 г. в Средней Азии: Сб. док. —Ташкент, 1932. —С.59—60.

³ ЦГВИА, ф.400, оп.263 (916), д.4, л.124.

⁴ ЦГВИА, ф.400, оп.263 (916), д.4, л.124.

⁵ ЦГА Респ. Узб., ф.276, оп.1, д.151, л.64.

⁶ Меджитов Дж. Восстание кыргызов в 1916 г.: Рукопись. Рукописные фонды НАН КР., инв.№ 137, л.120—121.

25 июля выступили жители Узгена. Выступление продолжалось до 29 июля. Его участники, вооружившись пиками, вилами, чекментами, палками, угрожали убить сельских старшин и требовали выдачи посемейных списков. Прибывшие к месту событий 15 полицейских и карательный отряд не осмелились применить оружие и выступить в бой с повстанцами и вынуждены были запереться и отсиживаться в канцелярии волостного управления. Имущая часть населения названной местности, боясь расправы со стороны восставших, спешно отправила своих представителей в г. Ош к уездному начальнику с просьбой о присылке воинских частей¹.

Волнения происходили в Аджарской, Ясинской, Гульчинской, Алайской, Наукатской и Куршабской волостях Ошского уезда.

Словом, вся Ферганская область, в том числе и Южная часть Кыргызстана, была охвачена пламенем восстания, принявшего здесь особенно широкий размах во второй и третьей декадах июля. В нем принимали участие самые широкие слои коренного населения. Трудно назвать кыштак или аил, до которого не докатились бы волны восстания. Даже далекие горные и изолированные районы этой области не остались в стороне. Однако это разрозненное и стихийное выступление окончилось поражением. Его участники были жестоко наказаны царским правительством.

Восстание было общенародным. В нем принимали участие самые широкие слои трудящихся. Его движущую силу составляли рядовые скотоводы, земледельцы и батраки, изнемогавшие под гнетом царских колонизаторов и местной феодальной знати, доведенные до пределов терпения и остро испытывавшие на себе произвол и насилие царских чиновников, манапов и баев.

Душою восстания было разоренная, обнищавшая и обескровленная беднота. Активное участие в выступлении принимала подлежащая мобилизация молодежь.

Восстание 1916 года составляет одну из ярких героических и трагических страниц многовековой истории кыргызского народа. Без всякого преувеличения можно сказать, что история кыргызского народа не знает столь массового, повсеместного, продолжительного и широкого народно-освободительного выступления, каким

¹ Меджитов Дж. Восстание кыргызов в 1916 г.: Рукопись. Рукописные фонды НАН КР., инв. № 137, л. 120—121.

было восстание 1916 года. Несмотря на стихийность и неорганизованность в ходе выступления, повстанцы проявили героизм и отвагу. Они голыми руками бросились на вооруженных и обученных царских карателей и тысячами умирали за свободу. Это восстание оставило глубокий и неизгладимый след в сердцах народных масс, нашло яркое отражение в народном фольклоре, литературе, прикладном и изобразительном искусстве и кино. Восстание, имея большое политическое и воспитательное значение, играет важную роль в жизни кыргызского народа.

Восставшие нанесли серьезный удар колониальным властям и тем самым способствовали подрыву устоев царского самодержавия. Восстание в известной степени подрывало престиж царского правительства на международной арене. По существу набор рабочих в тыловую армию был сорван. Это не могло не отразиться на ход военных действий на фронтах. Восстание в известной степени ускорило поражение царской армии на фронтах первой мировой войны и значительно ухудшало положение колониальной власти в глубоком тылу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выступления и восстания, происходившие в Кыргызстане, а также в Узбекистане, Таджикистане и Казахстане в XIX в., имели глубокие социально-экономические корни. Они были подготовлены всем ходом исторического развития населения региона рассматриваемого периода и вытекали из той социально-экономической и политической обстановки, которая сложилась в крае в XIX столетии.

Исторические условия, в которых возникла и развивалась борьба народных масс за социальную и национальную свободу, характеризовались господством патриархально-феодалных и проникновением капиталистических отношений, наличием родового быта, началом нарушения патриархальной замкнутости края, усилением двойного гнета, обострением социальных противоречий и зарождением революционных идей. Всеусиливающийся произвол и насилие местных угнетателей кокандских феодалов во главе с ханом, а затем жесточайший гнет царской власти вызывали со стороны народных масс недовольство, возмущение и отпор, которые обычно выливались в открытые выступления.

Общность судеб и целей трудящихся кыргызов, таджиков и казахов имели своими последствиями неоднократные попытки объединиться в совместной борьбе против феодально-ханского гнета и царских эксплуататоров. Освободительная борьба кыргызов находили живой отклик и поддержку со стороны узбекского, таджикского и казахского трудового народов и наоборот.

Выступления и восстания рассматриваемого периода, вызванные двойным гнетом носили антифеодальный и народно-освободительный характер. В их основе лежал нерешенный земельный вопрос, придавший им аграрный характер. Не случайно и то, что эти выступления, в большинство проходили неорганизованно, без единого руководства и носили стихийный, локальный характер. Их движущую силу составляли рядовые скотоводы и трудовые земледельцы, томившиеся под двойным гнетом. Нередко в них принимали участие и представители феодальной знати, преследовавшие свои личные интересы. Им в ряде случаев удавалось даже захватить руководство тем или иным выступлением. Однако это не вело к изменению характера выступлений, движущими силами которых оставались трудовые массы. Представителям феодальной

знати не удавалось использовать широкие народные выступления в своих личных интересах и направить их по реакционному пути.

Вышеописанные выступления и восстания имели свои специфические особенности, обусловленные конкретной исторической обстановкой, в условиях которых они происходили.

Первая половина XIX столетия характеризовалась завоевательными действиями кокандских ханов и установлением их власти в Кыргызстане и некоторых южных районах Казахстана. Естественно, что в этот период острое борьбы кыргызского народа было направлено против кокандских феодалов во главе с ханом. Эта борьба носила народно-освободительный характер. Она находила сочувствие и поддержку со стороны узбекских трудящихся, также томившихся под жесточайшим феодально-ханским гнетом.

Несколько иной характер и специфические особенности имело восстание в 70-х годов XIX в. Это был период падения Кокандского ханства и вхождения края в состав России. Борьба трудящихся против феодально-ханского гнета приобретает особенно острый характер. Она охватывает не только южные районы Кыргызстана, но и значительную часть Узбекистана и Таджикистана. В ней активное участие принимало кыргызское, узбекское и таджикское трудовое население, которое объединилось в общей борьбе против власти кокандских ханов и окружавших их феодалов.

Восставшие, борясь против феодально-ханского гнета, искали поддержку и покровительство у России, даже повстанцы—кыргызы изъявляют желание принять русское подданство. Но царская власть, исходя из своих социально-политических интересов, сочла нужным отказать повстанцам и поддержать власть кокандских ханов. А это привело к тому, что восставшие вынуждены были бороться не только против кокандских ханов, но и против их покровителя — царской власти. Восстание в 70-х годах прошлого столетия, хотя и кончилось поражением, но объективно привело к уничтожению ханской власти, ликвидации Кокандского ханства и присоединению его территории, в том числе южной части Кыргызстана, к России, что и имело важное значение в историческом развитии края.

Выступления трудовых масс коренного населения края в 80—90 гг. XIX века протекали в условиях разложения патриархально-феодальных и проникновения капиталистических отношений, за-

рождения рабочего класса и национальной буржуазии, усиления феодального и колониального гнета, роста недовольства трудящихся. Они носили антифеодальный и антиколониальный характер. А выступления киргизских, узбекских и таджикских дехкан известные под названием "андижанское восстание", произошло в преддверии империализма, когда национальное движение начало вливаться в русло общероссийского революционного движения. Оно носило ярко выраженный антиколониальный характер, хотя не было свободно от религиозной окраски, навязанной представителями феодальной знати.

В этот период в край начали проникать революционные идеи, которые звали трудящихся к более решительной и организованной борьбе против местных эксплуататоров и царского самодержавия.

Список литературы и источников

1. Абдураманов Ш. Анжиян көтөрүлүшү жана Токтогул. //Эркин Тоо. 16—22, 23—29 октябрь, 1996. 6—12 ноябрь, 1996.
2. Абди-Саттар-хан Казий. Заметки о народном самоуправлении и ишанах в Туркестане. //Туркестанские ведомости, 1898, № 54.
3. Абдылдабекова. Өзөктөн өрт чыгабы? //Кыргыз руху: 11 март: 1995.
4. Абдыраманов Ш. Анжиян көтөрүлүшү жана Чыйбыт болуш. //Эркин Тоо, 12 октябрь, 1994.
5. Алексеев А. Курманжан датка. //Ферганские областные ведомости, 1907, № 123.
6. Алтымышбаев А. Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии (1905—1923 гг.). —Фрунзе, 1967.
7. Аман Газиев Пулат-хан. —Б., 1995.
8. Аннеспесов М.А. Присоединение Туркестана к России. Правда истории. //Вопросы истории № II, 1989. История и историография национально-освободительных движений второй половины XIX—начала XX веков. в Средней Азии и Казахстане. —Ташкент, 1989.
9. Бабабеков Х.Н. Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII—XX в.). //А в т о р е ф е р а т диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. —Ташкент, 1991.
10. Бардашев И. Сведения о дикокаменных киргизах. //Туркестанские ведомости, 1870, № 15.
11. Боголюбов А. Очерк войны в Средней Азии. //Военный сборник №1, 1880.
12. Валиханов Ч. Избранные произведения. —Алма-Ата, 1958.
13. Валиханов Ч.Ч. Собр. соч., в 5-тт, т. II, IV —Алма-Ата, 1962, 1968.
14. Военные действия против кокандцев в 1875 г. (по официальным донесением). //Военный сборник, № 1, 1876.
15. Воронин и Нифантьев. Сведения о дикокаменных киргизах. //Зап. РГО, кн. 5. —СПб, 1851.
16. Воспоминание Токтосун-уста, родившегося в 1855 г. в Кетмен-Тюбе. //Фонды отд. общ. наук НАН Кырг. Респ., инв. № 1519.
17. Восстание в Средней Азии и Казахстане: /Сб. Документов. —М., 1960.
18. Галузо П.Г. Национально-освободительное движение в Средней Азии. //“Революция в Средней Азии”. —Т., 1929.
19. Ганиева М. Русский рабочий класс и национально-освободительное движение в Туркестане. —Ташкент, 1977.
20. Гиппиус В.Ф. Кетмен-Тюбе в 1899 г. —Андижан, 1904.
21. Джамгерчинов Б.Д. Присоединение Киргизии к России. —М., 1959.
22. Жакыпбеков Ж. Советская историография революционного и национально-освободительного движения в Средней Азии во второй половине XIX—начале XX вв. (на материалах Киргизии). //А в т о р е ф е р а т диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. —М., 1986.

23. Заметки из Средней Азии "Биржевые ведомости", 1873, № 337. Туркестанский сборник, т. 73.
24. Зилева Д.Х. Народные движения в Средней Азии в конце XIX—начале XX вв. в дореволюционной и советской литературе. //А в т о р е ф е р а т диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. —Ташкент, 1990.
25. Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане. //Сб. мат. под редакцией И.М. Муминова. —Ташкент, 1962.
26. Из Самарканда,. //Туркестанские ведомости, 8,24 февр. 1876 г.
27. Из Ферганской области. Русский мир. 1876, № 146, //Туркестанский сборник, т.146.
28. Иноятлов Х.Ш. Восстание 1873—1876 гг. Завоевание Кокандского ханства. //История Узбекской ССР, т. П. —Ташкент, 1968.
29. Иноятлов Х.Ш. Восстание Пулат-хана в Кокандском ханстве в 1873—1876 гг. (канд. диссертация).
30. Иноятлов Х.Ш. Кокандское ханство накануне присоединения к России и кокандское восстание 1875—1876 гг. —Ташкент, 1966.
31. История и историография национально-освободительных движений второй половины XIX—начала XX веков в Средней Азии и Казахстане. —Ташкент, 1989, (Материалы научной конференции, проведенной в Ташкенте в декабре 1987 г.).
32. История Узбекской ССР с древнейших времен до наших дней. —Ташкент, 1974.
33. История Узбекской ССР, Т.І. —Ташкент, 1968.
34. Каллаур В. Из истории города Аулие-Ата. //ПЗСТКЛА, год 8-й. —Ташкент, 1903.
35. Касымбеков К. Из истории народных движений в Фергане в конце XIX—начале XX века.—Ташкент: "ФАН", 1978.
36. Касымбеков Т. Сломанный мечь. —Фрунзе, 1983.
37. Кененсариев Т. Искак Асан уулу Полот хан.—Бишкек: КТК,1997.
38. Кененсариев Т. Курманжан датка — тарыхый инсан.//Курманжан датка.—Ош,1991.—С.7—16.
39. Кененсариев Т. Кыргыздар жана Кокон хандыгы.— Ош: ОшМУ, 1997.
40. Кененсариев Т. Кыргызстандын Орусияга каратылышы.—Бишкек: Кыргызстан,1997.
41. Корреспонденция из Ташкента. —Русский инвалид, 1870, № 62.
42. Костенко Л. Исторический очерк распространении русского владычества в Средней Азии. //Военный сборник, № 10, 1887.
43. Котельников В.Г. Ферганская область.//Живописная Россия. Т.Х. Русская Средняя Азия. —СПб, 1885.
44. Краткий очерк военных действий против кокандцев.//Военный сборник, № 12, 1875.
45. Кун А.А. Очерк Кокандского ханства. //Изв. Русск. географ. общества, т. XII, 1876.

46. *Маев Н.* О беспорядках в Коканде. //Туркестанские ведомости, 1876, № 8, 24 февраля.
47. *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. — С. Петербург, 1890.
48. *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательное движение в него русских. Санкт-Петербург, 1890.
49. *Меджитов Дж.* Восстание кыргызов в 1916 г.: Рукопись. Рукописные фонды НАН КР., инв.№ 137.
50. *Миддендорф А.Ф.* Очерки Ферганской долины. —СПб., 1882.
51. *Молдокасымов К.* XIX кылымдын экинчи жарымы — XX кылымдын башындагы кыргыз-өзбек элдеринин тарыхый байланышынын өнүгүшү. //Тарых илимдеринин кандидаты окумуштуулук даражасын алуу үчүн жазылган диссертациянын авторефераты. —Б., 1994.
52. *Молдокасымов К.* Полот-хан. Ордо № 1, 1997.
53. *Молдокасымов К.* Шабдан баатырбы, чыккынчыбы? //Кыргыз руху, №17 (131) 1994.
54. *Молдокасымов К.* Тарых жана инсан. //Мурас № 1, 1991.
55. *Муратова А.* 1898-жылкы Анжиян—кыргыз көтөрүлүшү. //Кыргыз маданияты. 5 декабрь, 1991.
56. *Набиев Р.Н.* Ташкентское восстание 1847 г. и его социально-экономическое предпосылки. —Ташкент, 1967.
57. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. —Казань, 1886.
58. Ноокаттын тарыхый материалдары. Собрал *Мифтяков К.* //Фонды НАН Кыргызской Республики, инв. № 380 (209), инв. 205.
59. *Орозалиев К.К.* Исторический опыт перехода кыргызского народа к социализму, минуя капитализм. —Фрунзе, 1974.
60. *Остроумов Н.* Интересный документ (относящийся к Андижанскому восстанию 1898 г.). См. 5 Приложение к Вестнику Ташкентской офицерской школы восточных языков при штабе Туркестанского военного округа. —Ташкент, 1911.
61. *Остроумов Н.* Сатира на Ишана-Дукчи. //В кн.: Приложение к вестнику Ташкентской офицерской школы восточных языков при штабе Туркестанского военного округа. —Ташкент, 1911.
62. Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. —Ташкент, 1958.
63. *Павлов Н.* История Туркестана. —М., 1910. —С.174.
64. *Павлов С. и Рабинович М.* Кокандское восстание 1875—1876 гг. //Борьба классов, № 4, 1936.
65. *Гафуров Б. Г.* История таджикского народа. Т. I, —М., 1949.
66. *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. —Фрунзе, 1977.
67. *Пономарев Б.Н.* Исторические науки и образование на уровень задач коммунистического строительства. //Коммунист, 1963, № 1.

68. Пясковский А.В. О характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и в начале XX веков. //Труды ИЯЛИ Кирг. филиала АН СССР, вып. IV. —Фрунзе, 1954.
69. Пясковский, Революция 1906—1907 гг. в Туркестане. —М., 1958.
70. Резолюция научной конференции историков Киргизии с участием историков Москвы, Ленинграда и братских союзных республик по вопросу о характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX—начале XX вв. //Тр. ИЯЛИ Киргизской ФАН СССР, вып. IV, 1954.
71. Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. Вестник Европы, 1978, № 6.
72. Россия, полное географическое описание нашего отечества. Под ред. Семенова Тян-Шанского. П.П., т. XIX. —СПб, 1913.
73. Савицкий А.П. Поземельный вопрос в Туркестане. —Ташкент, 1963.
74. Северцов Н.А. Месяц плена у кокандцев. —СПб, 1860.
75. Сент-Заде. К 30-летию Андижанского восстания 1898 г. //Революция в Средней Азии. Сб. I. —Ташкент, 1929.
76. Серебренников А. Кокандский поход 1875—1876 гг. (без вых. данных).
77. Сооронов О. Айдап жүрүп каратты Анжиян менен Алайды. //Кыргыз руху. 3 февраль, 1995.
78. Султан Нурекин. Очерки истории Коканда с 1791 по 1864 год. //Туркестанские ведомости, 1872, № 35.
79. Тагеев В.Л. Памирский поход (воспоминание очевидца). //Русский вестник, 1889, № 11.
80. Тагеев В.Л. Царица Алая (к покорению ген. Скобелевым Ферганской обл.) //Правительственный вестник, 1887 (№ не указан). // Туркестанский сборник, т. 482.
81. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. —СПб, 1906, т. П.
82. Урунбаев А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства. Изд. АН Респ. Уз. //Серия общественных наук, 1957, № 3.
83. Усенбаев К. Анжиян көтөрүлүшү. //Кут билим, 3 март, 1893.
84. Усенбаев К. К вопросу о присоединении Южной Киргизии к России. //Труды Института истории АН Кирг. ССР, вып. I, 1955.
85. Усенбаев К. О характере национальных движений в Южной Киргизии в 1873—1876 гг. //Труды ИЯЛИ Кирг. филиала АН СССР, вып. IV. —Фрунзе, 1954.
86. Усенбаев К. Об участии кыргызов в Андижанском восстании. 1898. //История и историография национально-освободительных движений второй половины XIX—начала XX веков в Средней Азии и Казахстане. —Ташкент, 1989, (Материалы научной конференции, проведенной в Ташкенте в декабре 1987 г.).
87. Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. —Фрунзе, 1960.
88. Усенбаев К. Тарыхтын катаал жылдары. Кокон көтөрүлүшү. //Эркин Тоо, 30 июнь, 7 июль, 1993.

89. Усенбаев К.. Это было в Коканде. Похождение Пулат-хана. // Кут билим, 16 февр., 1993.
90. Усенбаев К..У. Общественно-экономические отношения кыргызов в период господства Кокандского ханства. — Фрунзе, 1961.
91. Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. — Ташкент, 1925.
92. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. Т. I, часть II. — СПб, 1875.
93. Хасанов А. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 гг. XIX века. — Фрунзе, 1961.
94. Хасанов А. Из истории Киргизии XIX века. — Фрунзе, 1959.
95. Хасанов А. Историография Андижанского восстания. // Тр. КГУ, сер. историческая, вып. XII, 1972.
96. Хасанов А. Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. — М., 1977.
97. Хасанов А. О национально-освободительном движении в Средней Азии в конце XIX в. // Изв. АН Киргизской ССР, № 2.
98. Хроника. Туркестанские ведомости, 16 марта 1876 г.
99. Царица Алая. // Туркестанские ведомости, № 26, 1907.
100. Чон-Алайдын тарыхый материалдары, жыйнаган Мифтяков Каюм. // Рукописные фонды отд. общ. наук НАН Кырг. Респ., инв. № 381.
101. Чоробаев А. Тайлак-батыр. // Рукоп. фонд. отд. общественных наук НАН Кырг. Респ., инв. № 225.
102. Чукубаев А. Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900—1907 гг.). — Фрунзе, 1967.
103. Чукубаев А. Революционные события и общественное движение в Киргизии в начале XX в. (1900—1907 гг.). // Вопросы истории Компартии Киргизии, вып. III, 1964.
104. Экспедиция Скобелева на Памир. // Голос, 1876, № 62. // Туркестанский сбор. — Т. 151.
105. Ювачев И.П. Курманжан-датха. Кара-киргизская царица Алая. // Исторический вестник, 1907, № 12.
106. Юсупов Э.Ю. Лукин Б.В. Андижанское восстание 1898 года в советской исторической литературе. // Общественные науки в Узбекистане № 1, 1987.
107. Юсупов Э.Ю., Турсунов Х.Т. К вопросу о характере восстания 1916 г. в Средней Азии. // История СССР, № 5, 1981.
108. Яковлев А. Против антиисторизма. // Литературная газета, 15 ноября, 1872 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

а) Указатель антропонимов

1. Абд ал-Карим-бий 5
2. Абди-Саттар-хан Казий 22
3. Абдул-Гафар 76,79,84
4. Абдул-Каримбек 112,113
5. Абдуллабек 106,109,110,111,113,114, 115
6. Абду-Мумын 39,40
7. Абдурахман Афтобачи 35,36,37,42, 44,46,54,59,60,61,63,66,68,69,71,72, 75,79,83,85,88,95,96,98,99,103
8. Абдурахман-мулла 112
9. Абрамов А. 40,103
10. Абу-Абейдилла Мухамед 13
11. Абулхаир-хан 4
12. Акмат Рыскулбеков 123
13. Актуба (Акбута) 84
14. Александр Македонский 3
15. Александр (царь России) 92
16. Али-Бек датха Джапар оглы 128
17. Алимкан 34
18. Алим-Кипчак 35
19. Алим-хан 12,38,40
20. Алымбек-датка 19,24,109
21. Алымкул 39,43
22. Амлякдар 43
23. Араб-Бай оглы 128
24. Арап 15,16
25. Арзу-Мухаммед-бек 6
26. Арзы-Кул бай пансат 128
27. Асанбек 109
28. Атакул Пансат калпа 128
29. Атакул-Батыр-Башы 65,67
30. Атангай 14,15
31. Ахмадбек Батыр башы 50
32. Ахун-Дамулло-Мир-Бадал-Маулян 86
33. Аширбай Бешкемпилов 120
34. Бабатай-Гайнамабай-оглы 121
35. Бабыр-хан 117
36. Байболот 7
37. Байбосун 114
38. Байсал 26
39. Байтик 26,27,28
40. Бактияр Рыскулбеков 120
41. Бардовский 63
42. Батыр Акаев 124
43. Батыр-Кул 79
44. Батыр-Тюре 77,85
45. Бахарев А.Р. 132
46. Баялы 20
47. Баян-Бату 80
48. Бессонов 46
49. Боголюбов А. 84,61,100
50. Валихан-Тюре 106
51. Вейнберг 48,54,55,56,57,58,63,64, 65,97
52. Валиханов Ч.Ч. 14,18,19,23,24,25
53. Виттенштейн 109,113,114
54. Гадайбай 41
55. Ганб-Холджи 128
56. Головачев 62,63
57. Громов 84
58. Дервиш-хан 116,117
59. Джангир 7,8
60. Джангай 27,114
61. Джетим хан 116
62. Долинский 126,128
63. Доржи 6
64. Духовский 126
65. Зиянеддин 7
66. Ибраимов арык аксакал 119
67. Иванов С.И. (Крючник) 132
68. Иноят-хан 118,128
69. Иса-Аулие 36,44,60,65,95,96,99
70. Исасев 62
71. Искак Хасан оглы 33,38,39,40,54,71, 90,103,104
72. Исман-диар 79
73. Исманкулов Джура 136
74. Исполат-бек 106
75. Исфандияр 85
76. Ишмагомед 112
77. Иш-Пута 79
78. Кабил 12,13
79. Калтыр-Сун 79
80. Калча-бий 5
81. Калям 116
82. Камчыбек 109
83. Карабек Асанов 119
84. Карл Маркс 132
85. Кауфман К.П. 12,30,32,50,51,54—60, 62, 63,65,66—71,74,76,83,86,87,89, 91,92, 94,98,99,100,108.
86. Кедейбай 20

87. Керимбек 123
88. Кокум Чойбеков 27
89. Колпаковский 48
90. Корнюшин В.Д. 132
91. Корольков Н.И. 90,118
92. Корытов Н.П. 39,40,59,72,84,104
93. Котиби 103
94. Котов В.А. 132
95. Кочаровская А.С. 132
96. Кубат (Кувал)-бий 6
97. Кул-датха 25
98. Кун А.А. 32,53,94
99. Куропаткин 82,113
100. Кушбеги 14
101. Лаговский М.Ф. 132
102. Лама-Доржи 6
103. Леонов М. 132
104. Лопатин Г.А. 132
105. Маатмуса 117
106. Магомедбий 112
107. Мадкерим 112
108. Маев Н. 71
109. Макшеев А.И. 55,72,76,77,78,80,100
110. Маллябай 128
111. Малля-бек 23
112. Мамасалиев Тиллебай 136
113. Мамыр Мергенов 36,37,38,42,43,116
114. Мамырбай 42
115. Мархан 28
116. Махмудбек 109
117. Меллер-Закомельский 87
118. Миддендорф А.Ф. 91,92
119. Мирза Ахмет 21,22,23
120. Мирза-Хамдам-Усам-бай-оглы 121
121. Мирковский В.П. 132
122. Мулла Атабек 118
123. Мулла Ахмед Наиб 127
124. Мулла Гаиб Назар Артык оглы 128
125. Мулла Зияутдин Максум 117
126. Мулла Кадыркул 124
127. Мулла Касым Амин 128
128. Мумын Шамурзаков 43,44,45,49,62
129. Мурат-бек 36
130. Муратбий 112
131. Мурзапаяс 109
132. Мусулманкул 18,39,43,44
133. Мухамед-Али-Халиф Мулла-Сабир-Суфиев (Мадали, Дукчи ишан) 127,128,129
134. Мухаммед Алим-бек 55
135. Мухаммед Багазтдин 128
136. Мухаммед Зиятдин Махсум-Дашулла-Шариф оглы 128
137. Мухаммед Ибрагим токсоба пансат 128
138. Мухаммед Назар Кур-оглы 18,19
139. Мухаммед Рахимбай 103
140. Мухаммед Сабыр 128
141. Мухаммед-Мурат оглы 128
142. Надир 5
143. Наркул Алдус 116
144. Наср-Эддин 32,54,59,60,61,65,66,69,70,71,72,74,75,76,77,78,85,86,92,96,101
145. Низам Ходжа Хасан Ходжиев 123
146. Нольде 58,86,76,85,96
147. Нурмухамед-датха 85
148. Оморбек 106,113,118,128
149. Ормон 18
150. Осмон 28,136,30
151. Остроумов 126,127
152. Пичутин 80
153. Поздняков 62
154. Пономарев Б.Н. 90
155. Пулат-бек 40,69,70,71,78
156. Пулат-хан 33,38,39,40,41,43,44,54,59,68,70,72,74,78,79,84,86,87,90,98,103,104,105,106,110
157. Раим-Ша 88
158. Рахматулла 26
159. Рустамбек 128
160. Рустамбек Сатубалдыбек-оглы 121
161. Рыскулбек 20,120,123
162. Садык-Серкер 25
163. Сасыке 20
164. Сатылган 27,123
165. Северцов Н. 23
166. Скобелев 52,58,61,63,65,67,68,69,70,73,74,77,79,81,82,85,87,88,89,90,91,96,90,107,108,109,112,113,114,115
167. Станислав 52
168. Субханкул-Араббай-оглы 121
169. Суергазы 7
170. Сулайман Удайчи 106,113
171. Сулайманкул Султанулов 124
172. Сулайманов Джолдош 136
173. Султан-Муратбек 59,65,76
174. Султан-хан Тюре 128
175. Табылды 26
176. Тагеев В.Л. 103,108,110
177. Тайлак 7,14,15,16,28,29,30

178. Тана-Берди 79
179. Таныкул Пансат 106
180. Тарас Щевченко 132
181. Ташалиев Осмон 136
182. Тезекбай Тюлекин 120
183. Тентек-Тюро 13
184. Терентьев М. 71,80,103,104
185. Токтогул Сатылганов 123
186. Токтомушев Булат 116
187. Токтосун-уста 20
188. Толс-бий (Калдыргаш-бий) 5
189. Троцкий 74
190. Турдуке 26
191. Турдымамыт 7
192. Умарбек (Оморбек) датха 128
193. Фазил-Ахмат Магзум 66
194. Файз 76,84
195. Хайд бай Токсаба 127
196. Хаким 13,14,18,61,67
197. Хакимбек 124
198. Хаккулы 15
199. Халмат 136
200. Халназар Ишик Агасы 54,60
201. Хал-Назар-датха 65
202. Хасан 5,33,38,39,123
203. Хасан Кыла 59
204. Хасан Ходжиев 123
205. Худайберген 22
206. Худай-Берди Диванбеги 14
207. Худай-Назар 112
208. Худояр-хан 12,23,24,25,32,34,35,
38,40,44,46,48,50,51,53,54,55,57,58,
59,60,61,70,92,95,96,101,112,116
209. Худоят-хан (Иноят-хан) 128
210. Чанышев 119
211. Чернышевский Н.Г. 132
212. Шабдан 28,29,113,114,115
213. Шадыбек калпа 120
214. Шарифбай 123
215. Шаумило 36
216. Шер датха 40
217. Ширмат 136
218. Энгельс Ф. 91
219. Ювачев И. 110,111
220. Юз-Баши 57
221. Юхасыдык 7
222. Яковлев А. 90,91
223. Якуббек 57,69,103
224. Яр-Магомед 112

б) Указатель этнонимов

1. арабы 3	21. кушчу 5,6
2. адыгине 24,36,38,115	22. кыпчак 6,7,12,19,24,25
3. багыш 36	23. кытай 36,43,92
4. басым36	24. маньчжуры 3
5. джунгары 3,4,5	25. минг
6. диокаменные киргизы 14,17,20,21	26. монголы 3
7. ичкилики 36,38,115	27. монгуш 115
8. казахи 3,4,5,8,9,11,12,13,15,19,21,22,
23,24,30,53,130,139	28. мундуз 36,37
9. калмыки 6	29. найман 38,41
10. каман 36	30. ойраты 3,6
11. карабагыш 36	31. поляк 132
12. каракалпаки 3,4,5,12,97	32. русские 49,58,60,61,66,70,86,95,104,
105,111,118,122,129,130,131,133
13. кара-кыргызы 48,64,83,89,92,95,111	33. сарбагыш 20,21,27
14. кашан 28	34. сарттар 107
15. киргизы везде	35. саяк 7,14,28
16. кокче 107	36. солто 20,21,26
17. кутай (кегей) 69	37. тагай 36
18. кунград 21	38. таджики 8,8,11,30,51,53,61,70,71,72,
75,78,79,83,86,93,94,95,97,98,99,101,
102,124,126,127,129,130,141
19. кутлук-сеит 38,41,92	
20. кутка 36	

39. туркмены 5,130
40. тынымсигт 26
41. тюрки 3,4,5
42. узбеки 3,6,8,9,11,12,17,18,19,24,25,
29,30,31,36,39,40,41,46,47,48,51,53,
54,61,70,75,78,79,83,85,92,93,95,97,
99,101,102,110,111,112,115,117,124,
126,127,130,139,140,143
43. уйгуры 7

44. ульджаке 107
45. цины 3,7,8,9
46. черик 26
47. чонбагыш 7,82
48. чоро 14
49. шапарчи 112
50. япалак 123

в) Указатель топонимов

1. Аблык 62
2. Аджар 137
3. Ак-Буринская волость 116
4. Ак-Джар 77,80
5. Ак-Мадраса 38
6. Ак-Мазар 82
7. Ак-Там 40
8. Ак-Терек 118,119
9. Акчий 26
10. Ала-Бука 41
11. Алай 18,24,25,29,88,106,107,111,137
12. Алатауский округ 27
13. Александровск 132
14. Алматы 10,27
15. Андижан 36,39,42,43,48,50,54,55,71,
72,73,74,75,79,82,83,84,85,86,89,98,
106,116,117,118,119,120,121,123,124,
125,126,128,141
16. Андижанского (уездов)
17. Араван 72
18. Арал 132
19. Араптын бели 16
20. Ассакс 55,67,72,79,83,84,85
21. Атекинская волость 120
22. Аулие-Ата 22,23,26,36,45,50,96,
97,119,120
23. Ахмат 40
24. Ашоб 77,80
25. Багодан 12
26. Базар-Курган 42,116
27. Байбача 80
28. Байток 82
29. Балыкчы 19,71,80
30. Барскаун 17
31. Бахман 84
32. Беш-Арык 58,84,86
33. Биш-Арык
34. Бипкек 10,26
35. Большой Жуз

36. Булак-Баши 36,72
37. Булакбашинская волость 135,136
38. Бута-Кара 82
39. Бухара 25,29,92,100
40. Бухарский эмират 17,18,29,51
41. Быча 15
42. Варух 112
43. Верный 27
44. Восточный Туркестан
5,6,7,57,69,107
45. Гульче 18,24,29,34,35,106,107,109,
111
46. Гульчинская волость 116,137
47. Дараут-Курган 88,106
48. Даут 114
49. Джанабат 82
50. Джанабат
51. Джумгал 17
52. Джунбел 16
53. Джунгария 3,5
54. Джура 112,136
55. Дон 122
56. Дургумак 112
57. Идрыс-Байгамбар 45
58. Или 15
59. Инду-Кыштак 85
60. Иран 5
61. Испаскан 82
62. Иссык-Куль 17
63. Исфаринское ущелье 88
64. Казань 18,40,41
65. Казахстан 4,8,11,12,50,91,119,120,
121,124,125,134,139,140
66. Кайнар 85,86
67. Кайрабат 82
68. Камыш-Курган 84
69. Канабадам 58
70. Капка 43
71. Кара тоо 16

72. Кара-Булак 112
73. Кара-Дарья 81
74. Кара-Кия 90
75. Каракол 17
76. Каракол-Сай 118
77. Кара-Кульджа 42,69
78. Кара-Кум 64
79. Кара-Курган 117
80. Каракул 112,114
81. Кара-Суу 67,68
82. Кара-Тау 23
83. Каратегин 88,103,112,115,103,104
84. Караянтак 82
85. Касан 6,43,44,46
86. Кашгар 5,6,7,8,38,57,69,103,122
87. Кашгар-Даван 34
88. Кашка-Терек 116,124
89. Кемин 17
90. Кепе 80
91. Кетмалды 17,18
92. Кетмен-Тюбе 20,118,123
93. Киргизстан 8
94. Кирлик 34,35
95. Кигай 7,8
96. Кияксай 42
97. Коканд 5,8,11,12,13,14,15,82,92,98,
101,106,112,116,117,139,140
98. Кокандского (уездов) 116
99. Кокан-Кишлак 82
100. Конул-Улен 17
101. Кочкор 17
102. Кугартская волость 124
103. Кукумбай 41
104. Кук-Яр 40
105. Кульджа 42
106. Кул 117
107. Курама 39,43,49,61,62
108. Куртка 15,16,19
109. Куршаб 137
110. Кутчи 117
111. Кушт 63
112. Кызыл-Арт 109,114
113. Кызыл-Курган 25
114. Кызыл-Суу 115
115. Кызыл-Тогай 44
116. Кыргызстан 8,10,24,28,31,36,42,46,
47,51,54,91,92,94,102,105,106,126,
130,131,134,137,139,140
117. Лагум-Бек 42
118. Лепсинская 43,116
119. Литва 132
120. Ляйляк 42,54
121. Майгыр 82
122. Малый Алай 111
123. Мамай 40
124. Мангышлак 132
125. Маргелан 24,25,36,38,39,55,59,67,69,
72,75,76,79,84,87,89,106,116,117,118,
126,129
126. Массы 82
127. Махрам 58,64,65,78,84,101,103
128. Медресе Афтобачи 82
129. Мекка 35,99,128
130. Мергузар 82
131. Мерке 22,132
132. Мин-Тюбе 67,117,122,128,129
133. Мир-Рабат 75
134. Младший Жуз 4
135. Москва 10,125
136. Муллаас 75
137. Мусульманкул-Арык 83
138. Найманча 85
139. Наманган 36,39,40,41,44,55,69,70,72,
75,77,78,79,80,81,84,85,86,120
140. Нанай 40
141. Нарын 14,70,76,81
142. Науджайлак 112
143. Наукат 118
144. Наукатская волость 116,117
145. Наурат 122
146. Ново-Петровское 132
147. Новый Маргелан 39,59,72,118
148. Омск 10
149. Оренбург 59
150. Охчи 117
151. Ош 18,29,36,55,67,69,72,89,116,117,
118, 119,121,123,134,135,136,137
152. Памир 106,108,109,110
153. Паркент 62
154. Пишпек 13,14,19,20,26,27,28,130,
132
155. Пржевальский уезд 119,120,124,
126,132,
156. Раим 132
157. Раут 112
158. Россия 4,18,27,28,34,37,38,43,45,48,
49,50,53,54,60-70,92,97,101,107,113,
115,116, 128,130-134,140
159. Сайрам 13
160. Самгар 24,84
161. Санкт-Петербург 10,34,100
162. Сары-Булак 116
163. Сафид-Булан 43,44

164. Семиреченская область 37, 51, 97, 116, 121, 124, 126, 129, 134,
165. Сибирь 3, 123
166. Сил-Махрали 62
167. Сох 39, 90, 112, 114, 129
168. Средний Жуз 4
169. Средняя Азия 3, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 28, 29, 33, 47, 50, 51, 53, 54, 61, 71, 80, 83, 84, 90, 91, 94, 95, 101, 103, 104, 121, 124, 125, 128, 130, 134, 136
170. Сузак 36
171. Сук 35
172. Сулайман-гора 135
173. Сусамыр 119, 120, 123
174. Сыр-Дарьинская область 44, 45, 51, 55, 56, 58, 61, 62, 77, 79, 97, 101, 104, 121, 122, 126
175. Сырмак 75
176. Табылды 26
177. Таджикистан 8, 94, 139, 140
178. Тажик (Мин-Тюбе) 117
179. Тайлык-Даван 117
180. Такачы 83
181. Талас 13, 21, 24
182. Тамчи-Булак 120
183. Тарихангэ 71
184. Ташкент 4, 5, 10, 12, 13, 14, 18, 19, 21, 24, 39, 40, 51, 52, 59, 60, 62, 64, 87, 88, 92, 104, 123, 134, 127, 128, 129, 135, 138
185. Таш-Мойнок 20
186. Таш-Суниян 45
187. Телляу 62
188. Терек-Даван 69, 108
189. Тогуз-Торо 15, 28, 30, 37, 50
190. Тода 83
191. Токмак 27, 28, 37, 80
192. Тумкатар 89
193. Туркестан 5, 6, 7, 21, 22, 37, 56, 62, 63, 65, 69, 70, 87, 88, 94, 95, 108, 126, 128, 130, 132, 136
194. Турткул 83
195. Тур-Тюбе 80
196. Туяк-Суу 117
197. Тюре-Курган 36, 41, 44
198. Тянь-Шань 5, 6, 14, 15, 16, 19, 20
199. Узбекистан 8, 43, 48, 85, 86, 87, 88, 127, 135, 141, 142
200. Узген 36, 55, 63, 69, 139
201. Ульджибай 80
202. Ура-Тюбе 62, 63
203. Урюкта 46
204. Ухна 39
205. Уч-Курган 11, 36, 88, 89, 90, 138
206. Фергана 4, 5, 6, 8, 19, 24, 29, 35, 43, 54, 70, 93, 104, 112, 114, 117, 118, 122, 126, 127, 128
207. Ферганская область 40, 54, 59, 72, 94, 105, 109, 111, 112, 113, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 128, 129, 130, 131, 136, 137, 139
208. Хазрати 34, 35
209. Хайрабат 83
210. Хакул-Абад 83
211. Ханабад 37, 38, 50
212. Ханихафат 76
213. Ходжа-Абад 83, 138
214. Холжент 32, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 76, 77, 79, 80, 85, 86, 87, 97, 136
215. Хотан 8
216. Центральная Азия 3, 4, 5, 136
217. Цинская империя 5
218. Цинь-Цзянь 7, 8
219. Чавай 39
220. Чакар 138
221. Чал-Джайлоо 118
222. Чарвак 123
223. Чаткал 24, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 55, 60
224. Чил-Махрам 85
225. Чимкент 13, 21
226. Чон-Суу 117
227. Чужо 83
228. Чуйская долина 13, 18, 21, 22, 26, 28
229. Чумбагыш (Чонбагыш) 83
230. Шарихан-Сай 86
231. Шахриябз 63
232. Шахрихан 18, 44, 73
233. Шлиссельбург 138
234. Эки-Суу-Арасы 82, 83, 84
235. Южный Тянь-Шань 6
236. Юмалах-Шейх 41
237. Янги-Гисар 8
238. Янги-Арык (Жапырык) 108
239. Янгызбак 82
240. Яны-Курган 13, 41, 44
241. Япалак 120
242. Яркенд 6, 8
243. Ярмазар 25
244. Ясинская волость 139

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Г Л А В А I Выступления трудящихся края против феодально-ханского гнета в первой половине и середине XIX века.....	11
Г Л А В А II Восстание народных масс в 1873—1874 годах.....	32
Г Л А В А III Борьба трудящихся против кокандских ханов и их покровителя — царской власти в 1875—1876 гг.....	53
Г Л А В А IV Антиколониальные выступления коренных жителей края в 80—90 годах XIX века. Андижанское восстание 1898 года.....	106
Г Л А В А V Восстание 1916 года в Ошском уезде.....	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	139
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	142
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	147

Список картин и иллюстраций

1. Худояр-хан.....	34
2. Искак Хасан уулу Пулат-хан.....	39
3. Генерал К.П. фон-Кауфман.....	52
4. Абдурахман Афтобачи.....	61
5. Генерал М.Д. Скобелев.....	82
6. Абдуллабек Алымбек уулу.....	110
7. Шабдан батыр Жантай уулу.....	114
8. Мадали Ишан и др. участники восстания перед казни.....	122
9. Восставшие нападают на царскую администрацию.....	135

Илимий—популярдуу басылма

К. Усенбаев

XIX-КЫЛЫМДАГЫ ОРТО АЗИЯДАГЫ ЭЛДИК КЫЙМЫЛДАР

(Түштүк Кыргызстандын материалдары боюнча)

Жооптуу редактору	Т.Кененсариев
Сүрөтчүлөрү	Р. Кожоев, М. Эшпаев
Корректору	Т.В. Цыгурова
Компьютердик жасалгалоо	Г. Т. Кененсариева

28.09.1998 басууга берилди
Форматы 60X84 1/16 Офсет кагазы. 10 басма табак.
Заказ 38 Тиражы 1000 даана.
Келишим баада

ОшМУнун басма борбору, Ош шаары, Ленин көчөсү 331